Библ.

А. СТРОКОВ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

СПРАВОЧНИК
ДЛЯ ЭКСКУРСАНТОВ
И ТУРИСТОВ

Второе дополненное издание

Издательство Новг. Секции Инст. Истории Академии Наук СССР
1941 Новгород 1941

А. СТРОКОВ

EB_1941_AKS_400

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

СПРАВОЧНИК
ДЛЯ ЭКСКУРСАНТОВ
И ТУРИСТОВ

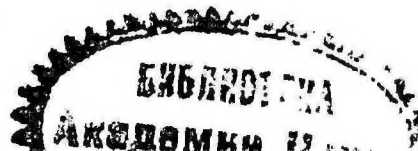
Издательство Новгородской Секции Инст. Истории Академии Наук СССР
1941 НОВГОРОД 1941

Исторический очерк проредактирован академиком Б. Д. ГРЕКОВЫМ

Сдано в набор 2 апреля 1941 г. Подп. к печ. 21 апреля 1941 г.
7 1/16 п. листа. Печ. знаков в 1 п. л. 46.080.
Бумага 64×96 1/16. М. № 52295. Зак. № 1155.
Тираж 3000 экз.

Типография Новгородского Издательства. Новгород, Кремль.

Ответственный редактор *В. А. Богусевич.*



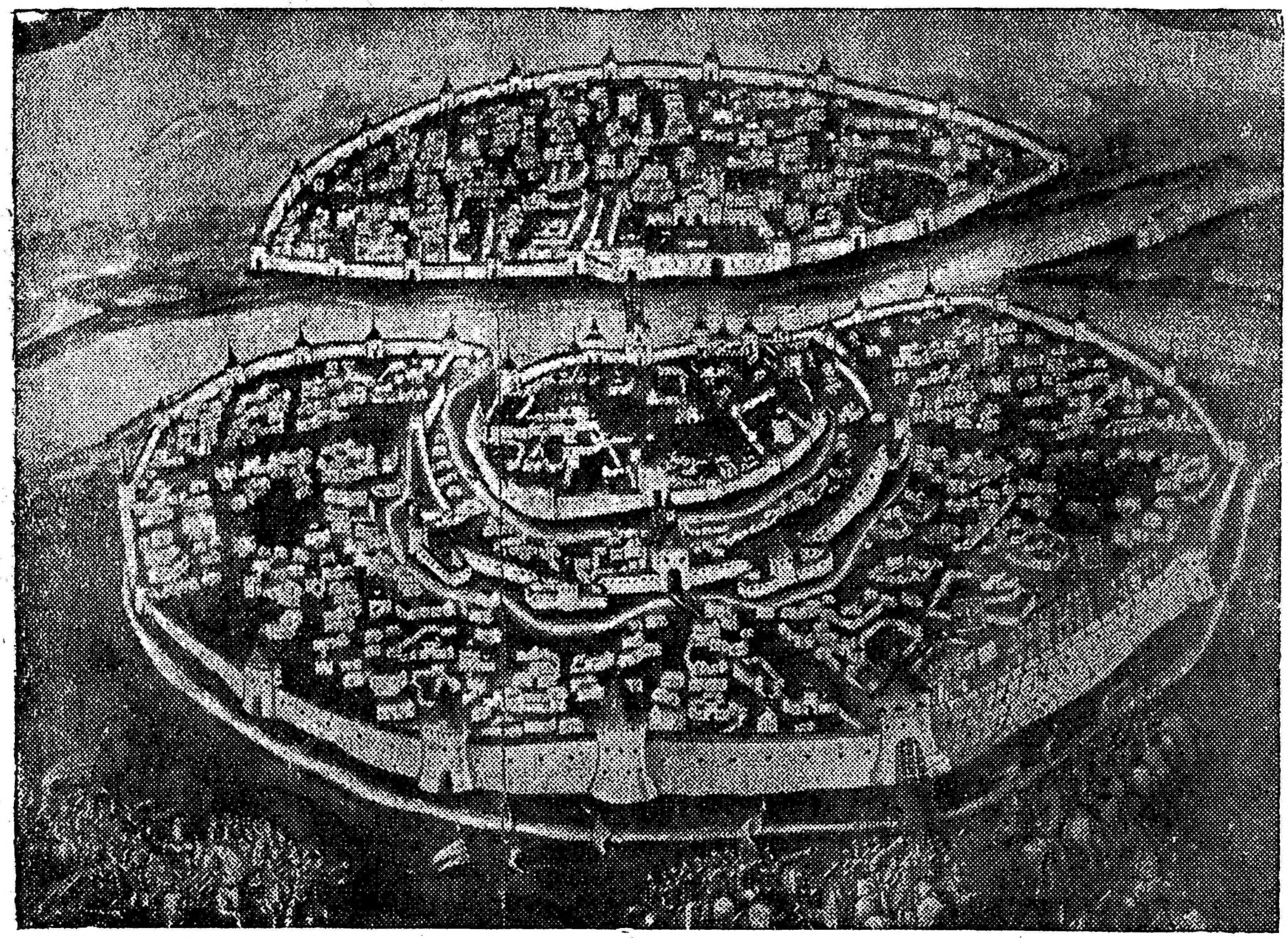


Рис. 1. Изображение Новгорода XVII века.

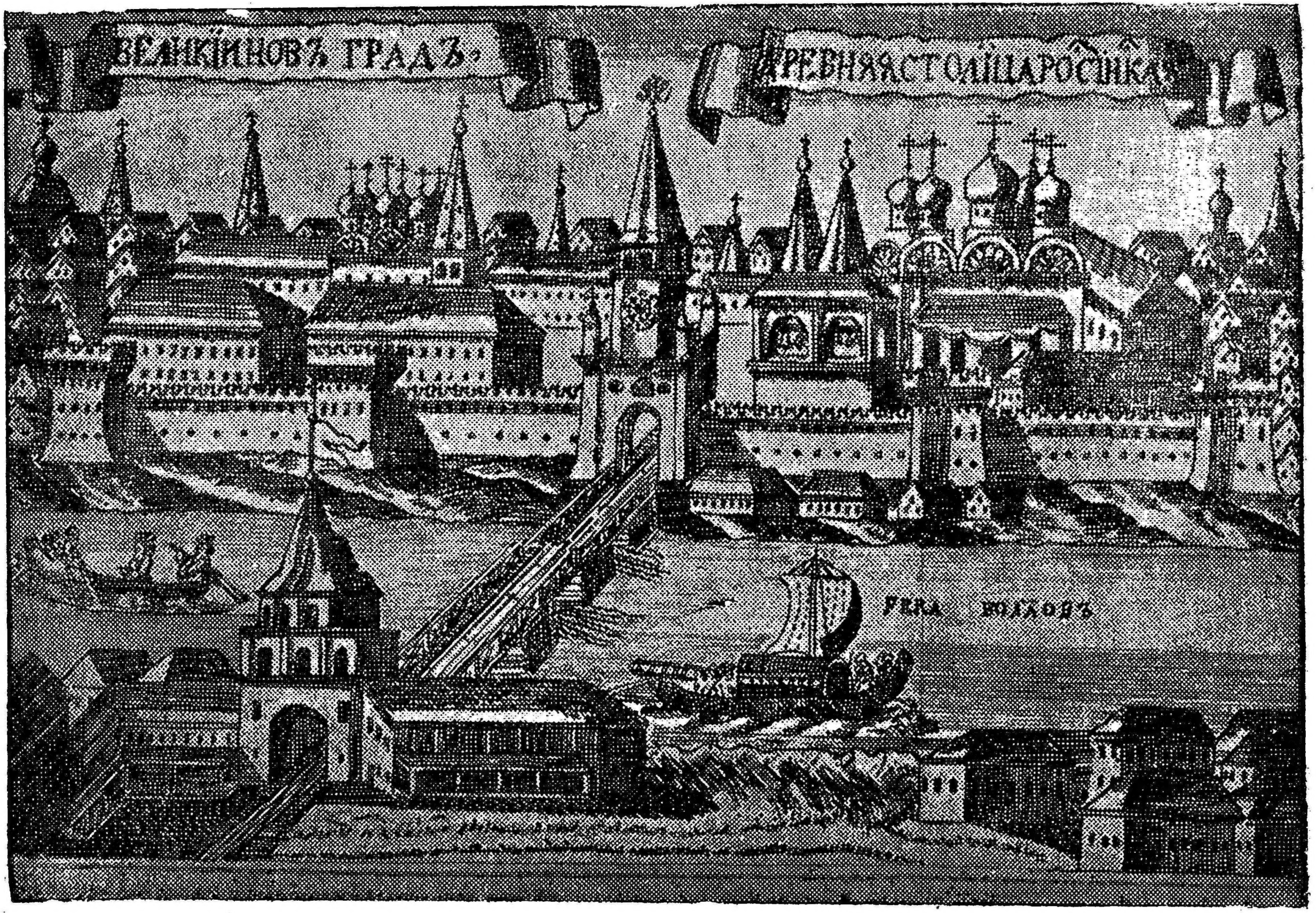


Рис 2. Вид на Кремль и мост первой половины XVIII века.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1

НОВГОРОД Великий занимает очень видное место в древней истории нашей родины.

Приильменская равнина стала пригодной для человеческого поселения уже много тысячелетий тому назад.

Человек занял эту территорию, располагаясь по побережью ее водных бассейнов. Деятельность его в IV — III тысячелетии до нашей эры довольно подробно изучена по материалам археологических раскопок.

Значительный интерес представляют раскопки В. С. Передольского, производившиеся им в конце минувшего столетия на протяжении целого ряда лет. В основном они были сосредоточены на восточном берегу озера Ильмень, в местности Коломцы. Здесь обнаружены остатки большого поселения неолитического периода и найдено много предметов, ныне хранящихся в Новгородском Историческом музее (орудия рыболовства, охоты и др.). Среди них особо примечательна часть сосуда с изображением человека и животных, которое, вероятно, было связано с магическими представлениями. Предметы этой же эпохи извлечены как в окрестностях Новгорода (на Нередицком холме, Городище и др.), так и на территории самого города.

Раскопки на „Рюриковом Городище", произведенные В. И. Равдоникасом и Г. П. Гороздиловым в 1935 г., обнаружили отлично сохранившийся комплекс жилья срубного типа с очагом и скоплением культурных остатков, относящихся к IX—X в.в. н. э. Под слоем IX—X в.в. раскрыт глинистый слой с неолитическими находками эпохи матриархального родового общества III — II тысячелетия до нашей эры. В этом слое, совершенно не подвергшемся позднейшим смещениям и искажениям, на глубине 2—2,5 метров прекрасно сохранились каменные и костяные орудия, керамика с ямочным орнаментом и другие предметы. Таким образом, последние раскопки на Городище и материалы других раскопок свидетельствуют о наличии у приильменских поселенцев еще материнского родового общества.

О более поздней стадии доклассового общества — патриархате — говорят находки, извлеченные во время раскопок в поселениях, расположенных на далеком расстоянии от Новгорода.

2

Особый интерес в истории Новгорода представляет феодальный период, благодаря большому числу сохранившихся памятников высокого древнего мастерства: архитектуры, живописи и прикладного искусства, а также памятников письменности.

Новгород имеет широкую известность как город, памятники которого позволяют проследить процесс его исторического развития.

Современное расположение города с Детинцем и окружающим его валом в своих общих чертах соответствует расположению Новгорода XIV — XV вв.

Издавна Новгород делился на две стороны: Торговую — на правом берегу Волхова и Софийскую — на левом берегу (название связано с Софийским собором). Торговая сторона свое название получила ввиду того, что здесь была сосредоточена торговля и находился главный городской рынок — Торг. Там же помещались иностранные торговые дворы. Стороны в свою очередь делились на пять концов; из них Славенский и Плотницкий были на Торговой стороне, а Неревский, Загородский и Людин или Гончарский—на Софийской. Каждый конец имел своего выборного старосту, свою печать; иногда практиковался сбор веча по концам.

Необходимо отметить, что с названием Плотницкий или Гончарский конец нельзя связывать представления, будто их население состояло исключительно из плотников или гончаров, но, несомненно, что в названных концах имело место гончарное и плотничье производство. В Славенском конце, который охватывал всю юго-восточную часть Торговой стороны до Федоровского ручья, находился новгородский Торг. Из этого, однако, нельзя делать вывод, что он был заселен исключительно купцами.

То же нужно сказать и относительно названий отдельных улиц. Исследование состава населения Холопьей улицы на Софийской стороне, по данным летописей, Лавочной книги XVI века и археологических изысканий, показало, что эта улица была заселена как ремесленниками, так и боярами.[1]

---

[1] А. А. Строков, Раскопки Холопьей улицы древнего Новгорода. Новг. истор. сборник, в. I, 1936 г.

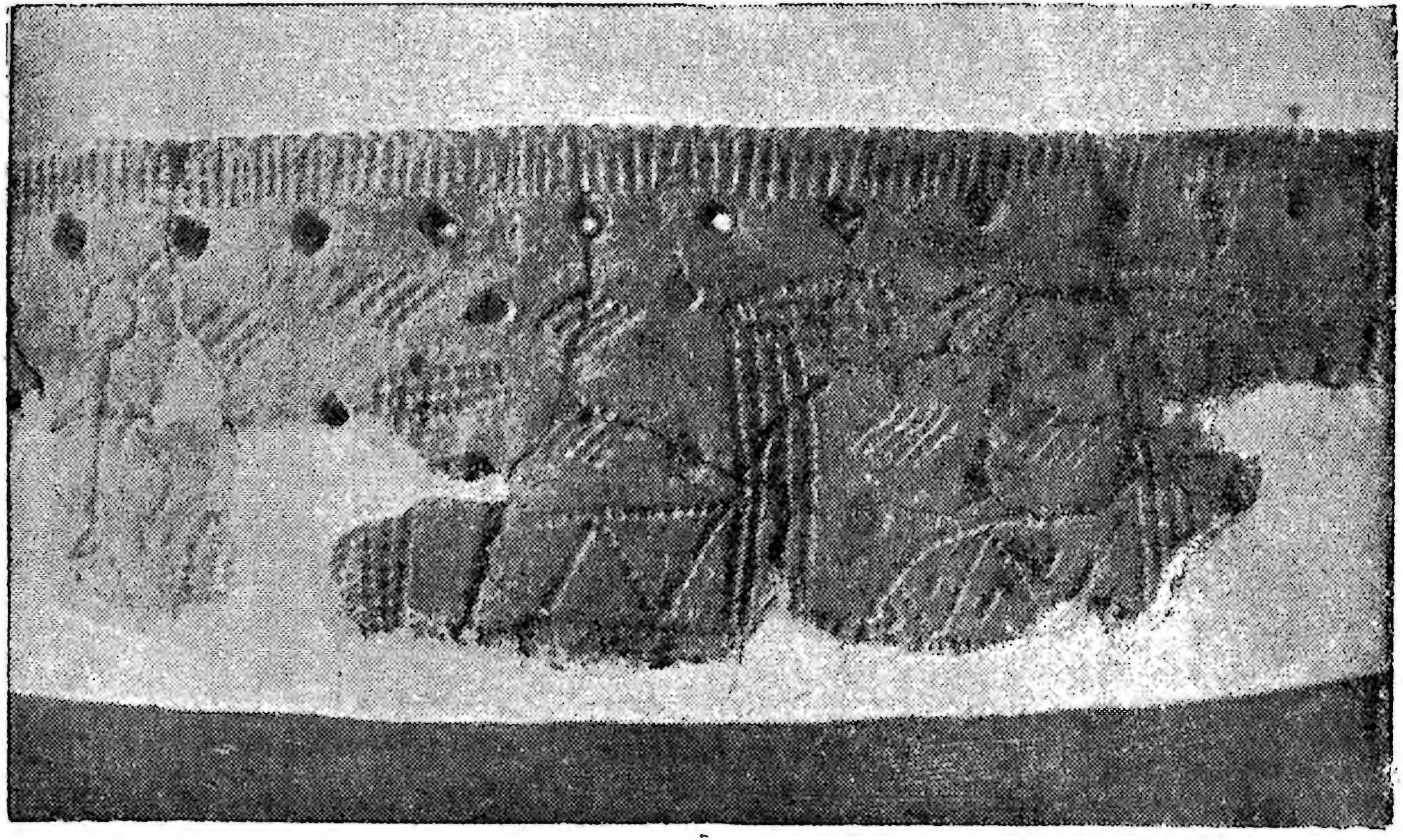


Рис. 3. Части сосуда с изображением человека и животных эпохи неолита, из Коломцов.

Центром города был Кремль. По летописным известиям уже в середине XI в. новгородский князь занят строительством стен Кремля и построек внутри его.

Во второй половине XVI века Кремль был опоясан, так называемым, малым деревянным городом, представлявшим собой земляной вал, на котором были сооружены башни и стены.

Весь город в свою очередь был окружен земляным валом с каменными башнями и деревянными стенами [1].

По свидетельству одного иностранца, описавшего Новгород в XVII в., „весь город (был) обнесен тройною белого цвета стеною“ [2].

Дошедшие до нас древние изображения Новгорода дают нам более или менее точное представление о плане города, расположении его построек и укреплений. Сюда относятся: изображения города на старинных иконах: Хутынской, XVII в. (видение пономаря Тарасия); Михайловской, XVII в; Флоролаврской, XVIII в.[3]; Знаменской, XVII в.; план Новгорода, хранящийся в Стокгольме [4]; рисунки, помещенные в описаниях Новгорода посещавшими его в XVII в. иностранцами Олеарием, Мейербергом и Витсеном [5] и план части Великого Новгорода, изданный акад. Б. Д. Грековым [6].

---

[1] В разрядной описи 1678 г. об укреплениях города находим следующие данные: „Великий Новгород, город каменный, а по тому городу 3 башни с проезжими воротами, 6 башень глухих; а по мере того города и с башнями 576 сажень с полусаженью; в том же городе раскат, да подле приказные полаты колодезь покрыт тесом; другой средней город деревянной, рубленой, а по тому городу 6 башень с проезжими вороты, 7 башень глухих, по мере того города и с башнями 984 сажени с полусаженью; третей город деревянной, рубленой, а по тому городу 4 башни с проезжими вороты, 3 башни глухих; а по мере того города с башнями 2105 сажень без чети; и всего тех городов 3649 сажень, опричь торговой стороны. А на торговой стороне город деревянной, рубленой, а по тому городу 6 башень с проезжими вороты, 17 башень глухих, а по мере того города и с башнями 2427 сажень“ (Дополнения к Актам Историческим, СПБ, т. IX).

[2] Яков Рейтенфельс, Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии, 1680 г. Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс. М. 1906. Кн. III, стр. 200.

[3] См. Гусев П. Л., Новгород, XVI в. по изображению на Хутынской иконе. Вестник Арх. и Ист. Вып. XIII, 1900, стр. 7—68.—Гусев П. Л., Новгородский Детинец по изображению на иконе Михайловской церкви. Вестник Арх. и Ист. Вып. XXII, 1914, стр. 46—82.

[4] См. план Новгорода, от 6 июня 1611 г. Труды XV арх. съезда, т. I, М. 1914. Стр. 536. - Ср. План осады Новгорода 1611 г. Сборник Новг. Об-ва Люб. Древности, выпуск VI.

[5] См. Neue Beschreibung der Muscovitischen und Persschen Reyse, welche jum andern Mahl herausgibt Adam Olearius. Schieswig, 1656.—Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. 1903.—Вестн. Арх. и Ист. Вып. XXII, 1914.

[6] Греков Б. Д., План части Новгорода Великого XVII в.

3

До включения Новгорода в состав Киевского государства (конец IX в.) он был центром самостоятельного государственного образования. С распадом Киевского государства Великий Новгород делается снова самостоятельным (феодальным) княжением. Если доверять древнейшим летописным записям, новгородский князь Олег, в 882 г., осев в Киеве, первый из князей стал править и Киевом и Новгородом: „пойде Олег из Новгорода и установи дань от Новгорода триста гривен[1]". С тех пор Новгород и входит в систему Киевского государства, занимая в дальнейшем несколько особое положение. Так, сын Владимира Святославича Ярослав, княживший в Новгороде, при помощи новгородцев в 1016 г. овладел Киевским княжеским столом, после чего дал им „Правду" и „Устав" и сказал: „по сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите[2]".

Ярославова грамота не сохранилась. Позднейшие частые ссылки на эту грамоту показывают, что она представляла собой важный документ, дававший новгородцам значительные преимущества.

Новгородские князья обязаны были целовать крест, „на всех грамотах Ярославлих". Однако, грамота, освобождавшая Новгород от платежа дани киевскому князю, не давала ему полной автономии. Киевские князья и после этого посылали в Новгород наместников, владели землей и чинили суд.

Знаменательные события 30-х годов XII столетия, разыгравшиеся в Новгороде, раскрывают картину назревших классовых противоречий. В 1136 г. собираются на вече новгородцы и жители пригородов. Они смещают князя. Затем следует его арест и заключение на епископском дворе вместе с семьей, где он и просидел под стражей 2 месяца (30 вооруженных новгородцев сторожили князя день и ночь).[3]

Князю были предъявлены обвинения, главное из которых заключалось в том, что он „не блюдет смерд". Это указывает, что закабаленные боярами смерды, подвергавшиеся всяческим поборам, имели большое значение в этих событиях.

В результате борьбы, продолжавшейся ряд лет, ограничивается власть князя. Князь становится в зависимость от веча: он призывается и смещается им. С 1136 по 1200 год в Новгороде сидело более 20 князей; большая часть их

---

[1] Никоновская летопись.
[2] I Н. Л. под 1016 годом.
[3] I Н. Л. под 1136 годом.

была смещена, некоторые уходили сами. Князья лишаются также права владения землей в новгородских пределах. Между тем еще в начале XII в. князья раздавали земли в Новгороде. Так, в жалованной грамоте князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода на землю Юрьеву монастырю около 1130 г. говорилось: „Се аз, Мстислав, Володимир сын, дьржа Русьску землю в свое княжение, повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви с данию и с вирами и с продажами“ [1]. После событий 30-х годов князья дают земли уже с разрешения Новгорода. Например, в грамоте князя Изяслава Мстиславича (1147 г.) читаем: „Се аз, князь великый Изяслав Мстиславич, по благословению епископа Нифонта, испрошав есмы у Новагорода святому Пантелеймону землю“ [2].

Здесь князь выступает не как владелец земли, а как проситель. В дошедшей до нас договорной грамоте Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославовичем 1265 г. прямо указано: „А в Бежицах, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоим боярам, ни твоим дворяном сел не держати, ни купити, ни даром принимати, по всей волости новгородской“ [3].

Таким образом, с XII столетия значение веча усиливается, государственная власть переходит в руки выборных ставленников боярства—посадника, тысяцкого и архиепископа.

Новгород в XII—XV в. становится самостоятельным крупнейшим феодальным центром. Его владения простирались от Финского залива до Уральских гор и от Белого моря до верхнего течения Волги.

Новгород Великий достигает уровня больших и мощных городов того времени. Он входит в Ганзейский союз и ведет большую торговлю с иностранными государствами.

4

Хозяевами Новгорода и Новгородской земли были бояре—крупнейшее землевладельцы-эксплоататоры.

„Они богаты и могущественны удивительно“,—писал современник [4].

Главным источником богатства новгородских бояр являлось присвоение труда зависимых крестьян, облагавшихся различными оброками и трудовыми повинностями. Много-

---

[1] Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, изд. Л. Г. У. 1935, стр. 39.

[2] Там же, стр. 49.

[3] Там же, стр. 52.

[4] Извлечения из „Путешествия“ Гильбера де-Ланнуа. Памятники истории Великого Новгорода. Ленинград. 1935, стр. 69.

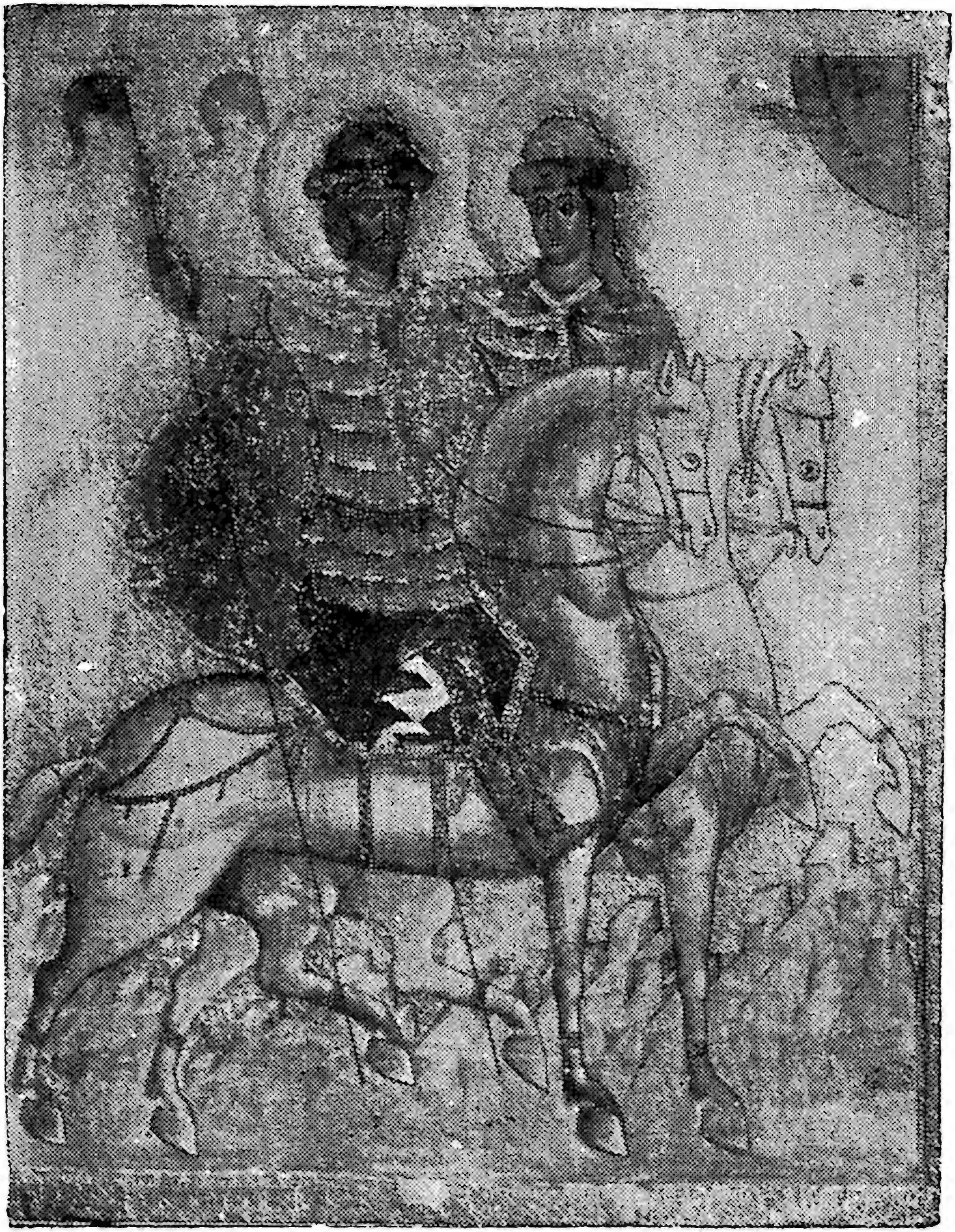


Рис. 4. Князья (с иконы XIV века).

численные ремесленники, составлявшие большинство населения самого Новгорода, также подвергались жестокой эксплоатации.

Крупнейшим землевладельцем являлся и новгородский архиепископ; его городской резиденцией была та часть новгородского Детинца, где стоял Софийский собор и находились епископские палаты. Архиепископ был председателем „Совета господ". Он имел свой большой полк ратных людей. В его ведении находилась в Софийском соборе в особо устроенных тайниках государственная казна.

Высшим органом власти в Новгороде Великом было вече. На вече избирались главные должностные лица — посадник и тысяцкий; архиепископ был также выборным лицом, хотя и утверждавшимся в своем сане митрополитом киевским, впоследствии московским.

Собиравшийся (с XIII в.) под председательством архиепископа „Совет господ" включал в свой состав самых влиятельных бояр. Совет фактически предрешал государственную деятельность веча, направляя ее в своих классовых интересах.

В 1413 году в Новгороде побывал наблюдательный путешественник Гильбер де-Ланнуа (родом из Геннегау, Фландрия). До нас дошли составленные им записки о Новгороде. „Великий Новгород,—пишет он,—удивительно большой город; он расположен на большой равнине, окруженной большими лесами, и находится в низкой местности среди вод и болот. Посреди упомянутого города течет большая река по имени Волхов. Город обнесен плохими стенами, сделанными из плетня и земли, тогда как башни каменны. Этот город независим и имеет общинное правление (ville franche et seignourie de commune). Здесь есть епископ, который представляет как бы их начальника. И содержат они, равно как и все прочие русские в Руси, которая очень велика, христианскую религию по своему обряду, такому же, как и у греков. Они имеют замок, расположенный на берегу упомянутой реки, и в нем соборная церковь (maistre eglise) св. Софии, которую они почитают, и там живет их упомянутый епископ.

Внутри упомянутого города живет много больших синьоров, которых они называют боярами (bayares), и там есть такие горожане, которые владеют землей в 200 лье длины, богаты и могущественны удивительно. И не имеют русские великой Руси других властителей, кроме этих бояр, выбираемых по очереди так, как хочет община. Монета их состоит из кусков (keucelles) серебра, весящих около 6 унций—без оттиска, потому, что вовсе не куют золотой монеты, а мелкая их монета состоит из мордок белок и кун (de teste de gris et de martres). Они имеют двух начальни-

ков: тысяцкого и посадника (ung duc et ung bourchgrave), которые и управляют сказанным городом. Эти правители возобновляются из года в год. И там я был у упомянутых епископа и синьоров.

Женщины носят волоса, заплетенные в 2 косы, висящие сзади на спине, а мужчины—носят одну косу. Я был девять дней в этом городе, и упомянутый епископ присылал мне каждый день более 30 человек с хлебом, мясом, рыбой, буковыми орехами (de fain), пореем (chivade), пивом и медом, а вышеупомянутые тысяцкие и посадники дали мне обед—самый странный и самый удивительный из всех, виденных мною когда-либо. В ту зиму было так холодно, что занимательно было бы рассказать о стужах, которые там были, потому что мне приходилось ехать в стужу...

Все синьоры Новгорода Великого владеют 40.000 конницы и бесчисленною пехотою. Они часто воюют с соседями и особенно с рыцарями Лифляндии и выиграли прежде много больших сражений“ [1].

Гильбер де-Ланнуа дает в основном довольно правдивый рассказ о Новгороде XV века. Особо заслуживают внимания его указания на бояр, как на подлинных хозяев Новгорода и крупнейших землевладельцев, на положение архиепископа, который действительно представлял собой как бы начальника Новгорода, поскольку он был самым крупным землевладельцем и председателем „Совета господ“.

5

Изучение восстаний, происходивших на всем протяжении истории Новгорода Великого показывает, насколько здесь была напряженной классовая борьба [2].

„О страшное и дивное чудо, братия...“—восклицает новгородский летописец, описывая события 1216 г.,—„пошли... раб на господина, господин на раба“.

Старая историография в лице своих отдельных представителей занималась разбором летописных сообщений о новгородских восстаниях. Но из этих сообщений она всегда усматривала „дух безначалия“, „произвол“, „беззаконие“ в самом новгородском управлении и борьбу смердов, „меньших“, „черных“ людей подменяла борьбой двух партий—„бояр-капиталистов“ и „бояр-землевладельцев“.

---

[1] Извлечения из „Путешествия“ Гильбера де-Ланнуа. Памятники Великого Новгорода и Пскова. Л. М. 1935. Стр. 69—70.

[2] Движения смердов, развернувшиеся в Киевском государстве—„империи Рюриковичей“,—в XI веке, были первыми нам известными боями, направленными против растущего феодального гнета.

Рис. 5. Новгородские бояре (с иконы XV века).

EB_1941_AKS_400

Большинство исследователей, как В. Пассек, С. Соловьев, В. Ключевский, Н. Рожков [1] и другие, занимаясь этим воп-

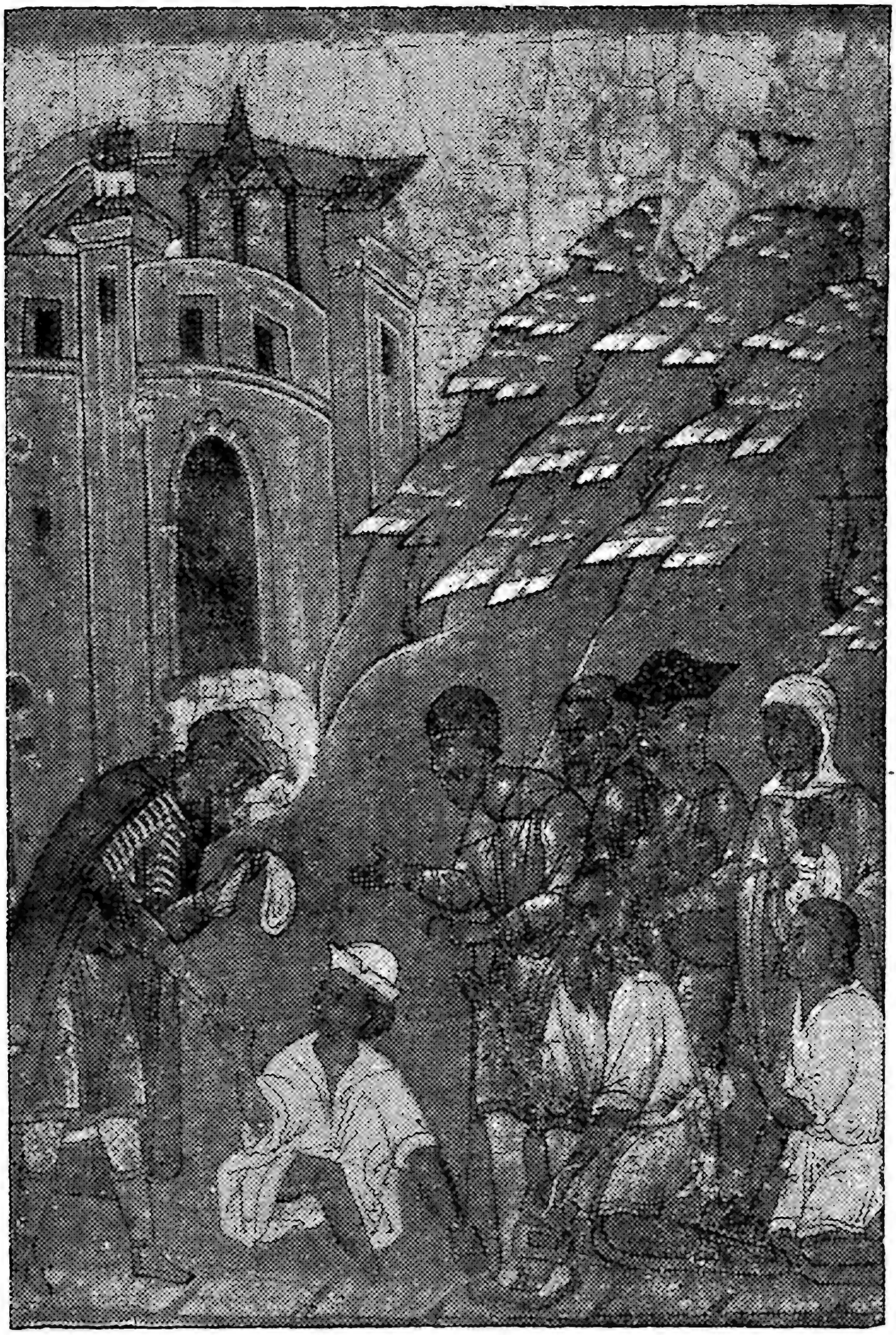


Рис. 6. Новгородский боярин и нищие (с иконы XVI века).

[1] Ж. М. Н. Пр. за 1901 г., март., стр. 256. Статья Н. Рожкова: „Политические партии в Новгороде XIII—XV вв.“ из всех специальных работ по этому вопросу является самой запутанной и бездоказательной.

Что касается специальных работ по истории Новгорода А. Никитского, Н. Костомарова, И. Беляева и др., то в них затронутые нами вопросы не ставятся сколько-нибудь определенно.

росом, приходили к совершенно неправильному выводу, будто в Новгороде боролись две стороны—Торговая и Софийская, населенные одна якобы аристократами-боярами, другая—купечеством и ремесленным людом. Однако, исторические данные не подтверждают вывода, что население одной стороны Новгорода состояло из бояр, а другой—из „черных людей“ и купцов.

Разметный список 1545 г.[1] указывает на общее количество дворов в Новгороде: 4896 (без учета нежилых осадных дворов в Детинце, а также пустых дворов и пустых дворовых мест).[2] В общем можно предположить, что количество населения в Новгороде навряд ли превышало когда-либо цифру 50.000. Занимавшиеся исследованием писцовых книг делят население города по сторонам почти поровну.[3]

Не подлежит никакому сомнению, что большинство населения состояло из ремесленников и других слоев городского населения, закабаленных боярством.

А. Гневушев сделал подсчет состава населения по писцовой книге Леонтия Аксакова (применительно к половине XVI ст.). В результате оказалось, что как на Торговой, так и на Софийской сторонах главную массу населения составляло „торгово-промышленное посадское население“, другие группы населения также размещались на обеих сторонах.

В. В. Майков в своем разборе указанной писцовой книги конца XVI века приводит таблицу населения ремесленников по улицам Софийской и Торговой сторон; эта таблица также подтверждает противоположный В. Пассеку и Н. Рожкову вывод[4].

Все новгородские летописи при упоминании боярских фамилий свидетельствуют о наличии последних как на Софийской, так и Торговой сторонах.

При обзоре социального состава населения улиц, подвергшихся нападению „черных людей“ в восстание 1418 года,—Прусской, Козьмодемьянской, Яневой, Чудинцевой, Людогощей,—также устанавливается, что ни одна из указанных улиц не была исключительно боярской: на всех этих улицах помимо бояр жили и другие слои населения.

Население отдельных сторон и концов не было монолитным по своему социальному составу (нельзя исходить из топографического деления города и простого названия концов).

---

[1] А. А. Э. Т. I. № 205.

[2] См. А. М. Гневушев, Экономическое положение Великого Новгорода во II половине XVI века. Сб. Н. Общ. Л. Др. 1912 г. В. VI. Стр. 4—5.

[3] См. А. Г. Ильинский, Городское население Новгородской области. Историческое Обозрение. Т. XI. 1897 г.—Гневушев, ук. соч.

[4] В. В. Майков, Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века, СПБ. 1911 г.

Рис. 7. Новгородские ремесленники, кузнецы (с иконы XVII века).

На Торговой стороне была вечевая башня и площадь, где происходили собрания высшего законодательного органа—веча; на Софийской стороне—Кремль с домом св. Софии („Совет господ" имел свою резиденцию также здесь).

Восставшие обычно собирались на Вечевую площадь, помещавшуюся на Торговой стороне. Бояре же сгруппировывались в Кремле на Софийской стороне: „встали черные люди с одной стороны, а с другой бояре... и было много мертвых" [1]. У великого моста, который соединял через Волхов Вечевую площадь и Кремль, происходили сражения. Ясно, что, рассуждая формально, сражаются две „стороны", но по существу идет борьба не между сторонами, а между классами.

Таким образом, необходимо теорию „борьбы сторон" отвергнуть, поскольку она обосновывается только на внешне-топографическом признаке.

Что касается борьбы двух „партий" (бояр-капиталистов и бояр-землевладельцев) с определенно разработанной якобы программой [2], то этот вопрос требует радикального пересмотра.

Отдельные „распри" между боярскими фамилиями несомненно имели место, например, из-за интересов земельных владений, участия в „Совете господ", при приглашении князей и т. д.; но из этого нельзя делать вывода, что господствующий класс был разделен на партии „бояр-капиталистов" и „бояр-землевладельцев".

М. Н. Покровский, как известно, не вскрыл и не понял подлинного исторического развития России. Отсюда и его неправильное понимание истории Великого Новгорода. „По Новгороду,—писал М. Н. Покровский,—мы можем судить, чем бы стала Киевская Русь, если бы ее экономические ресурсы не были исчерпаны в XII веке", или в другом месте: „Новгород дает нам полную картину той эволюции, первые этапы которой мы могли изучать в истории Киева. Патриархальную аристократию сменила не олигархия крупных собственников, а демократия „купцов" и „черных" людей—мелких торговцев и ремесленников, „плебеев" [3].

Так представляет М. Н. Покровский историю Новгорода. Новгород есть простое продолжение истории Киева. На первое место выдвигается „торговый капитал", который на самом деле не играл и не мог играть той роли, какую отводит ему М. Н. Покровский. Торговля в Новгороде, как известно, была развита, но это развитие не выходило за пределы феодальных форм.

---

[1] Соф. I. Л под. 1418 г.

[2] Н. А. Рожков. Политические партии в Великом Новгороде XII—XV вв. Ж. М. Н. Пр. СПБ. 1901 г., март, стр. 286.

[3] М. Н. Покровский. Русская история, т. I, стр. 112.

В вопросе о новгородских восстаниях М. Н. Покровский исходит из вышеприведенных положений. Выдумав „торговый капитализм", „финансовую эксплоатацию" [1], он свел движение в Новгороде исключительно к борьбе „должников против кредиторов" и опять по той же причине, что „Новгород был городом не ремесленников, а купцов", поэтому в нем „социальное" движение приняло очень своеобразный характер—восстания должников против кредиторов" [2]. Именно по его мнению такой характер носили коротко им описанные восстания 1209 и 1418 гг.

Новгородские летописи неоднократно останавливаются на „мятежах" городских низов и крестьян. Попытки осмыслить эти факты, кроме указанных выше у В. Пассека, Н. Рожкова, М. Покровского, мы имеем и у И. Беляева [3], отчасти у Н. Костомарова [4], но все эти попытки нельзя признать ни исчерпывающими, ни удовлетворительными, так как все они неправильно ставят вопрос [5]. Без самого тщательного анализа классовой структуры новгородского общества и ее эволюции, без учета отношений Новгорода к другим русским княжествам и его международного положения—нельзя понять всей сложности общественной и политической жизни Новгорода.

Не все происходившие движения были одинаковой силы, одного и того же характера; неодинаково подробно останавливаются на них и летописцы, поскольку они подходят к их оценке со своей собственной точки зрения.

Летописцы часто говорят об изгнаниях князей (напр., под годами 1170, 1173, 1181, 1184, 1187, 1196, 1197, 1221, 1264 и др.) и посадников (под годами 1156, 1205, 1219, 1303, 1345 и др.). Само собой разумеется, что эти политические события едва ли могли протекать без всякого участия городских низов; но, к сожалению, мы о них не имеем возможности узнать никаких подробностей и потому не можем сделать по интересующему нас вопросу какие-либо выводы. Другие сообщения летописей значительно яснее, детальнее, но и здесь летопись скупа на такие подробности, которые могли бы пролить подлинный свет на сущность изображаемых событий.

Начиная с 1132 по 1478 год, стало быть, до конца политической самостоятельности Новгорода Великого, таких запи-

---

[1] М. Н. Покровский. Русская история, т. I, стр. 114.

[2] Там же, стр. 130.

[3] И. Беляев, Рассказы из русской истории, кн. II, М. 1866.

[4] Н. И. Костомаров, Севернорусские народоправства.

[5] Подробную критику работ В. Пассека и Н. Рожкова — см. в статьях А. А. Строкова: „Борьба смердов и черных людей в Новгороде Великом Новг. Ист. Сб. В. II и „Восстание Степанки в 1418 г." Новг. Ист. Сб. В. III—IV.

сей о выступлениях, часто переходивших в вооруженное столкновение, мы имеем более 40. Все они происходили по разным поводам и протекали в определенной обстановке.

Необходимо здесь же сделать оговорку о том, что летописцы очень мало говорят о деревне не потому, что о ней нечего было сказать, а потому, что авторы летописей—сами горожане—интересуются прежде всего городскими событиями и в первую голову, конечно, событиями в самом Великом Новгороде, уделяя внимание пригородам лишь наиболее видным (например, Пскову, Ладоге, Новому Торгу), но отсюда было бы явной ошибкой заключать, что деревня не живет общественно - политической жизнью, что она молчит.

Рис. 8. Изображение крестьянина—участника восстания против бояр (из Кенигсбергской летописи XV в.).

Восстание 30 годов XII столетия базировалось прежде всего на первом обвинительном пункте, предъявленном новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу, что он „не блюдет смерд", в результате чего князь Всеволод был арестован и затем изгнан. Новгородские бояре, воспользовавшись выступлением смердов и ремесленников, ограничили власть князя и лишили его права владения землей.

То же прослеживается и в движении 1209 г. в так называемом восстании против Мирошкиничей.

В 1209 году новгородцы предприняли по требованию Всеволода III Владимирского большой поход на Чернигов и в Рязанскую землю. Новгородцы, вернувшись в Новгород, созвали вече на посадника Дмитра и на братьев его из-за того, что они велели „сребро имати, а по волости куры (м. б. куны?) брати, по купцем виру дикую, и повозье возити, и все зло“ Дворы их были разграблены, Мирошкин и Дмитров дворы сожжены, жившие там схвачены, села и их слуги („челядь“) распроданы, имущество разыскано и конфисковано. На каждого новгородца досталось по 3 гривны, а что было „на досках“ (ростовщические обязательства), то оставили князю. В том же году из Владимира привезли мертвого Дмитра Мирошкинича (был ранен в походе). Новгородцы хотели сбросить труп его с моста, но архиепископ Митрофан воспрепятствовал этому, и Дмитра похоронили в Георгиевском соборе Юрьева монастыря возле отца, ранее там погребенного. Дети Дмитра были схвачены и затем изгнаны. В заключение летопись добавляет, что много серебра было взято и у других бояр.

В движении против Мирошкиничей, крупнейших землевладельцев и ростовщиков, так же предъявляется один из пунктов: „они велели по волостям кур (м. б. кун?) брать“. А если еще учесть и то, что борьба развертывается сейчас же после большого военного похода, то мы смело можем сделать вывод, что и здесь, так же как в восстании 30-х годов XII столетия, движение опиралось и на смердов, подвергавшихся всяческим поборам и терпевших разорение от ростовщичества.

В 1228 году, после того, как „простая чадь“ (простолюдины) расправилась с архиепископом Арсением, к князю Ярославу послали послов с требованием: „если хочешь княжить в Новгороде, то судей по волостям не посылать...; иначе ты себе, а мы себе“.

В 1259 г. был большой мятеж в Новгороде и по волостям „было много зла“,

В 1230, 1240, 1342 гг. и др. подвергаются разграблению дворы и села боярские: „дома их и села их разграбили“.

Рис. 9. Бирич, сзывающий на вече (Новгородская миниатюра XIV в.)

Одной из замечательных страниц в истории борьбы крестьян и городских низов против феодального гнета в Новгороде Великом является восстание 1418 года,

связанное с его руководителем „неким человеком Степанком".

Восстание начинается с того, что в 1418 году новгородский простолюдин [1], по имени Степанко, напал на улице на „господаря своего", на боярина Данилу Ивановича Божина, и держа его, стал созывать народ: „о, друзи, пособьствуйте мне на злодея сего"[2]. Нападение Степанки на боярина Божина и послужило призывом к выступлению против боярства или, как говорит летопись, „на укорение богатым, обидящим убогиа"[3]. Восстание приняло широкие размеры.

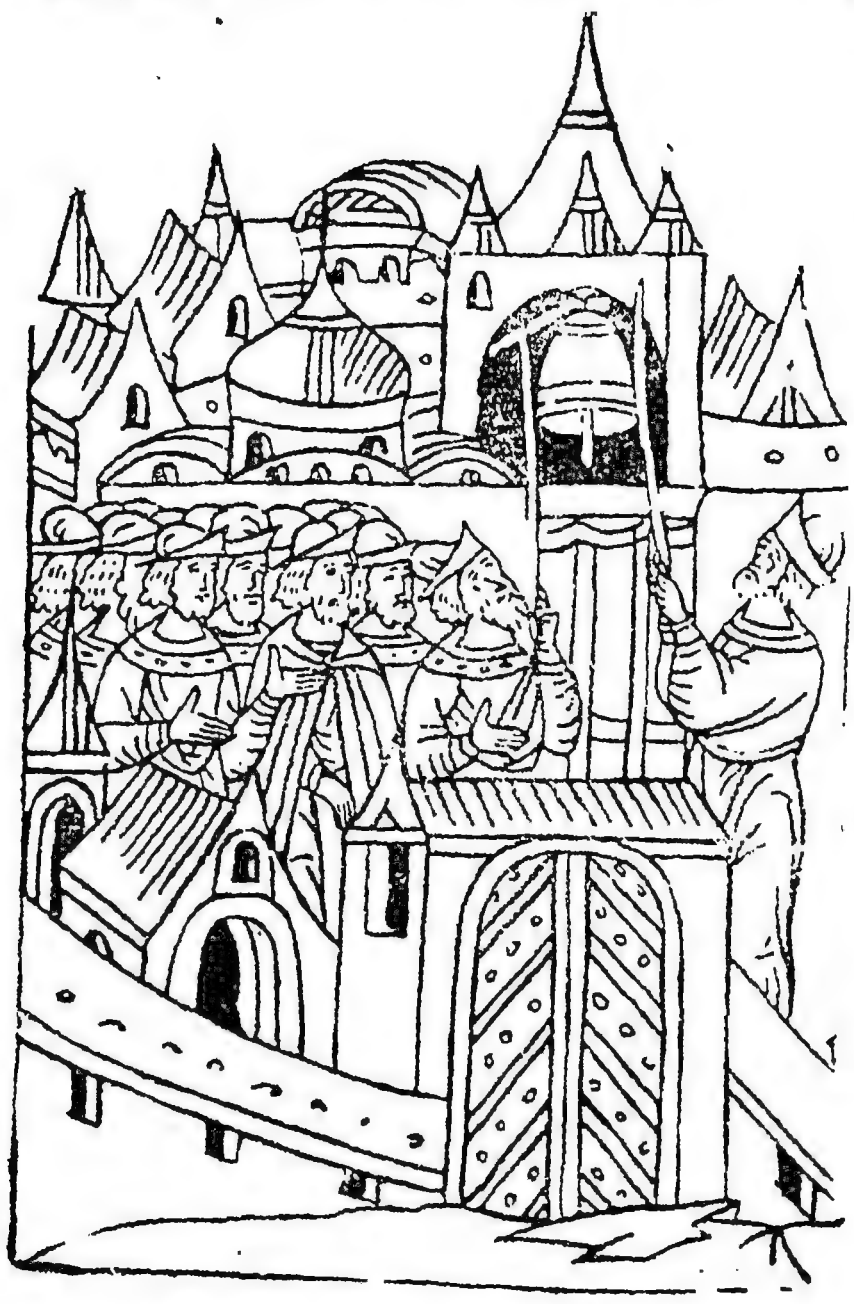


Рис. 10. Созыв веча на Ярославовом дворе (миниатюра царственного летописца XVI в., деталь).

Восставшие после разграбления боярских домов на Козьмодемьянской, Чудинцевой и Людогощей улицах и неудавшейся атаки Прусской улицы пришли на Торговую сторону на Ярославов двор и стали готовиться к большому сражению с боярским войском: „и начаша звонити по всему граду, и начаша людие срыскивати с обою страну, акы на рать, в доспесех на мост великий; бяше же и губление: овы от стрел, овы же от оружия, беша же мертвии аки на рати"[4]. Софийская первая летопись о сражении на мосту говорит так: „сташа чернь с одиноя стороны, а с другую боляре и... много мертвых". Это замечание летописца прямо вскрывает классовую сущность восстания. Чернью названы угнетенные массы—крестьяне и ремесленники, подвергавшиеся феодальным повинностям и облагавшиеся различными оброками. Говоря о сражении на мосту, летописи ограничиваются только указанием: черные люди и боярское войско вышли „акы на рать, в доспехах на мост великий", где и произошло большое сражение; но о подробностях этого сражения, подобного которому Новгород не испытывал ни

---

[1] Летопись Авраамки под 1418 г.
[2] II Н. Л. под 1418 г.
[3] II Н. Л.
[4] I Н. Л.

при одном восстании, летописцы ничего не сообщают, а между тем в тех же летописях мы находим, что во время еще восстания 1218 года восставшие пользовались лодками. Судя по большому количеству войска, выставленного как с одной, так и с другой стороны, можно предполагать, что сражение не было ограничено только на месте узкого моста, а оно охватывало весь участок побережья на протяжении всего Кремля, т. е. битва происходила как на мосту, так на реке Волхове и побережье.

В конце сражения архиепископ Симеон посылает на Ярославов двор архимандрита Варлаама, отца своего духовного, и протодьякона для переговоров о прекращении сражения. Восставшие предъявили условия, чтобы архиепископ повелел своей стороне „во хоромы ити", „и събрашася по сем", „с нарочитыми мужи разсудити вещи сия начало и разидошася"[1].

Восстание было подавлено.

В восстании 1418 г. ярко отразилосьстихийное возмущение угнетенных классов, борьба против феодального гнета, но крестьянство и городские низы, несмотря на свое активное выступление против бояр-угнетателей, не могли ни защитить себя от наступления феодалов, ни уничтожить феодального гнета

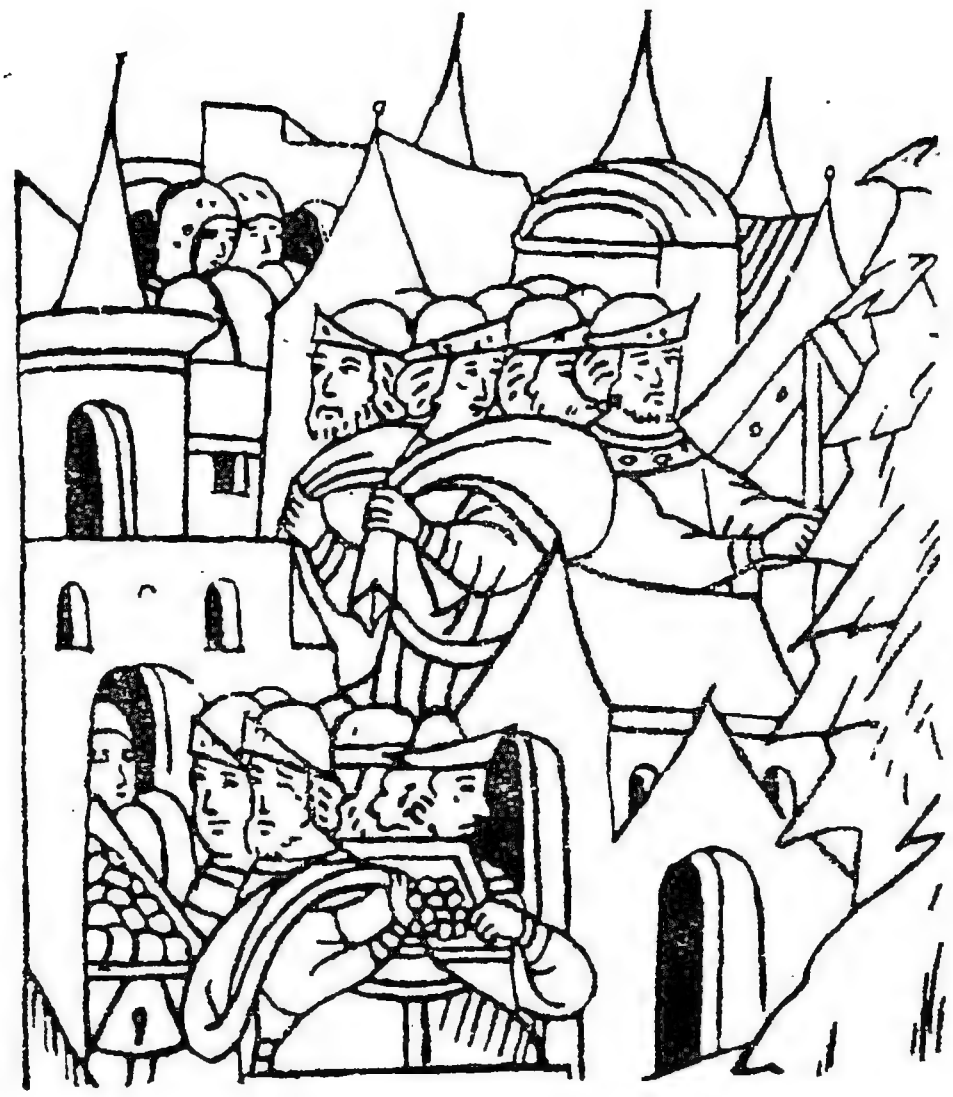


Рис. 11. Разграбление боярских дворов на Прусской улице (миниатюра царственного летописца XVI в., деталь)

Товарищ Сталин в своей беседе с Эмилем Людвигом, останавливаясь на крестьянских восстаниях, говорит: „Отдельные крестьянские восстания, даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восста-

[1] II Н. Л.

ниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“ [1].

6

Новгород расположен сравнительно недалеко от западных границ Руси.

Шведы и немецкие рыцари неоднократно пытались захватить новгородские и псковские земли, однако они не добились никаких результатов и потерпели ряд сокрушительных поражений от русского народа.

Стойкой защитой границ новгородцы вписали немало блестящих страниц в историю обороны русскоїї земли от иностранных захватчиков.

Немецкие рыцари, потерпев в XII ст. неудачу в крестовых походах на Иерусалим, перенесли свою деятельность на Прибалтику, заселенную различными племенами.

Народы прибалтики, благодаря их разобщенности, после продолжительного и ожесточенного сопротивления были покорены.

Еще в 1233 году немецкие рыцари совершили поход на русскую землю, пытаясь захватить Псков, а затем Новгород, овладели было городом Изборском — псковским пригородом. Но как только весть об этом дошла до Пскова и Новгорода, русское войско дало рыцарям надлежащий отпор. Изборск был возвращен.

Князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, видя, что рыцари посягают на русскую землю, еще в 1228 году хотел выступить против них с сильным войском, но поход по ряду причин не состоялся. Когда же рыцари в 1233 году взяли Изборск, князь Ярослав в том же году выступил против них и нанес поражение: „и биша я и до рекы, и ту паде лучьших немьц неколико: и яко быша на реце Омовыжи немьци; и ту обломишася, (и) истопе их много, а ини язвьни въбегоша въ Гюргев, а друзии въ Медвежю Голову...“. [2]

Немецкие рыцари после этого „поклонишася князю, Ярославъ же взя с ними мир на всей правде своей; и възвратишася новгородци сдрави вси“... [3]

Но противник на этом не успокоился. Происходит соединение Ордена меченосцев с тевтонским, и в 1240 году немецкие рыцари выступают сильным походом против Руси, мечтая в первую очередь захватить крупнейшие русские города Псков и Новгород.

---

[1] И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, „Большевик“, 1932 г. № 8, стр. 37.

[2] I Новгородская летопись под 1234 годом.

[3] I Н. Л. под 1234 г.

Тяжелое было это время для русского народа. Напомним, что с востока на Русь надвигалась громадная орда татаро-монгол, предводительствуемых ханом Батыем.

Осенью 1236 года враг вступил в поволжские степи, а в декабре 1237 года после шести дней героической защиты татары взяли Рязань.

В феврале 1238 года был взят штурмом и предан огню Владимир — стольный город Суздальской земли.

После взятия еще ряда городов в марте этого же года произошло сражение татаро-монгол с великокняжеским войском, стоявшим на берегу реки Сити. Храбро сражалось русское войско, но силы были на стороне врага. Великий князь Юрий Всеволодович пал в бою.

В 1240 году пал Киев. Русь была покорена. Началось татаро-монгольское иго.

Татаро-монгольские завоевания сопровождались опустошением и жестоким истреблением народа. Сжигались города и деревни.

Разоренная, ограбленная Русь была обложена тяжелой данью.

Причина поражения состояла в разобщенности действий русских войск. Русь была раздроблена на ряд отдельных феодальных княжеств, между которыми были бесконечные междоусобия, тяжело отражавшиеся на населении.

Но, несмотря на это, двигавшаяся орда хищников встречала на своем пути героическое сопротивление русского народа. Каждое княжество, каждый значительный город, несмотря на малочисленность защищавшего войска, храбро и мужественно сопротивлялись.

Не подверглись этому страшному опустошению русские крупные города Новгород и Псков. Не дойдя 100 клм до Новгорода, монголы повернули обратно.

И вот в это тяжелое время, узнав о татарском опустошении северо-восточной Руси, шведы и немецкие рыцари устремились на псковские и новгородские земли для их захвата.

Силы противника состояли не только из орденских рыцарей с присоединенными к ним датскими рыцарями, напавшими на Русь со стороны Пскова. Их наступление, как можно предполагать, сочеталось с нападением шведского войска, действовавшего в сторону Ладоги. Что Орден и шведы действовали по объединенному плану, об этом свидетельствуют переговоры, которые в 1239 году вел папа с немецким орденом и Швецией о совместном наступлении на Русь.

Наступление в 1240 году летом было начато шведским ополчением крестоносцев, стремившихся в первую очередь захватить Ладогу, главный пункт новгородской торговли с северо-западными европейскими государствами.

Шведский король, рассказывает летописец, „помысли въ себе победити (князя Александра) или руками яти и великыи Новъгородъ попленити и вся грады ихъ и люди словеньския къ собе в работу сътворити". — „Пойду и пленю всю землю великого князя Александра Ярославича". — „И сбра силу велику: местири, и бискупи свои, и свея, и мурмани, и сумь и емь. И наполни корабли многи зело полков своих, и подвижеся в силе велице, пыхая духом ратным. И прииде в реку Неву и сташа Усть Ежеры, шатаяся безумием своим, хотя всприяти Ладогу, просто же рку, и Новгород и всю область Новгородскую" [1].

В это время княжил в Новгороде молодой Александр Ярославич, великий русский полководец и замечательный политик, который, по выражению летописца, „умел побеждать и сам был непобедим" [2].

Александр Ярославич большую часть своей юности провел в Новгороде, где заступал место своего отца Ярослава; с 1236 года, когда Ярослав Всеволодович получил Киевский стол, Александр стал самостоятельно править Новгородом и его огромной по тому времени землею [3].

Шведские крестоносцы, прибыв в Неву, остановились в устье Ижоры. Командовал ими зять шведского короля Эрика Биргер, фактически правивший Швецией.

Биргер знал создавшееся положение на Руси и был уверен в победе. Огромное войско хорошо вооруженных шведских крестоносцев не сомневалось в достижении цели. Недаром летописец замечает: „А в то время присла король послы, загордевся, к великому князю Александру Ярославичу в Новгород и ркя так: „Аще можеши противитися ми,

---

[1] Софийская I летопись.

[2] Псковская летопись.

[3] В житии Александра Невского (а также и в летописных записях) главным образом представлены эпизоды, которые говорят о нем, как о непобедимом князе-полководце, известном всюду своими военными подвигами, и как о замечательном политике.

Автор жития — человек, горячо любящий свою родину, преданный Александру. Он лично знал Александра („самовидец возраста его") и, видимо, по своему общественному положению был лицом, стоявшим близко к князю. О невском бое ему рассказывал сам Александр и дружинники князя. О разгроме рыцарей на льду Чудского озера он также слышал от „самовидца", очевидно, от дружинника князя.

Весьма интересным произведением XIII века является известное „Слово о погибели", изданное по единственно уцелевшему списку XV века. О значении Слова был высказан целый ряд предположений, большинство из которых считает Слово предисловием к житию Александра Невского, подготовлявшим читателя к главному предмету повествования.

Не вдаваясь в разбор этого вопроса, упомянем лишь, что это предположение наглядно подтверждает житие Федора Ярославича. (В. Ключевский, „Древнерусские жития святых как исторический источник". Москва, 1871 г. Стр. 173).

то се есмь зде уже и пленю землю твою“ [1]. Это было высокомерное послание объявления войны.

Александр, получив известие, решил стремительным ударом разбить врага, посягнувшего на русскую землю.

Силы шведских крестоносцев значительно превосходили русские.

На пути Александр был встречен старейшиной земли Ижорской Пелгусием, которому была поручена Александром морская стража. Пелгусий сообщил князю о количестве крестоносцев и об их становищах [2]. Удар был внезапным и стремительным. 15 июля шведы, захваченные врасплох, были наголову разбиты.

Летописный рассказ „О шести муж храбрых“, отмеченных самим Александром, указывает на беззаветную преданность своей родине русских воинов, защищавших свое отечество от шведов.

Эти шесть героев вместе с другими проявляли чудеса храбрости. Первый — по имени Гаврила Олексич, видимо дружинник, в погоне за королевичем пробился к шведскому кораблю и въехал верхом на коне на корабль по доскам-сходням, но его столкнули с доски вместе с конем в воду, он выбрался невредимым, после чего крепко бился с самим воеводою посреди вражеского полка. Воевода Спиридон был им убит, и также епископ. Второй — новгородец, по имени Збыслав Якунович, бился одним только топором, „не имея страха в сердце“. От рук его пало несколько рыцарей. Многие любовались его силой и храбростью. Третий — Яков полочанин—был охотником у князя. Он наскочил на полк с мечом в руках и бился крепко: „и похвали его великий князь“. Четвертый — новгородец, по имени Миша. С дружиной своей он потопил три шведских корабля. Пятый — из молодежи — по имени Савва. Наскочив на златоверхий шатер командующего Биргера, он подсек ему подставку; шатер упал, „полци же великаго князя Александра Ярославича възрадовашася“. Шестой—из слуг его, по имени

Автор Слова и следовательно жития князя Александра начинает свое описание с обращения к родине: „О, светло светлая и украсно украшена земля руськая, и многими красотами удивлена еси, озеры многыми удивлена еси, реками и кладязьми месточестьными, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, польми дивными, зверьми различными, птицами бещисленными, городы великыми, селы дивными, винограды обителными, и князьми грозными“...

В дальнейшем изложении Слова автор вспоминает князя Владимира Мономаха, при котором никто не мог посягнуть на землю русскую и к которому византийский царь отправлял посольство с дарами, чтобы „великий князь Владимир Царяграда не взял“.

Оканчивает автор свое описание указанием на „болезнь христианам“, имея в виду причиняемые татарским игом бедствия.

[1] Софийская I летопись.

[2] Псковская летопись.

Ратмир. Он бился пешим, многие рыцари обступили его. Храбро и мужественно защищался он; будучи несколько раз ранен, продолжал поражать врагов, пока не пал на поле битвы.

Шведы, пытавшиеся захватить Новгородскую землю, были разгромлены.

Князь же Александр, одержав знаменательную победу над шведскими крестоносцами, с честью возвратился в Новгород. Невская победа в этот трудный период произвела сильное впечатление на русский народ.

Но защита русской земли этим не закончилась. С другой стороны в том же 1240 году вторглись орденские рыцари.

Они повели наступление на Псковскую землю. Их расчеты — взять Псков, утвердиться в нем и затем перейти к захвату земель Великого Новгорода. В этом походе принял участие изменник родине и русскому народу князь Ярослав Владимирович, ранее изгнанный псковичами за предательскую деятельность.

Орденское войско было многочисленным, кроме рыцарей были еще мобилизованы жители городов Дерпта, Оденпе и Феллина.

Город Изборск был неожиданно атакован и взят штурмом.

Весть о взятии Изборска быстро дошла до Пскова. Весь город выступил против рыцарей. Под Изборском состоялось большое сражение: „и бишася с ними, — говорит летописец, — и бысть сеча велика между ими“ [1].

Наскоро сформированное ополчение псковичей было разбито количественно в несколько раз превосходящим противником. Рыцари, преследуя остатки ополчения, подошли к Пскову, но хорошо укрепленный город взять штурмом не могли.

Осажденные в городе не сдавались. Но нашлись изменники из числа боярских верхов. Начались переговоры, в результате которых Псков принял условия Ордена. „Подвел их, — говорит летописец, — Твердило Иванкович со иными“. Этот изменник Твердила стал посадником: „поча владети Пьсковом с немци“ [2]. Некоторые „псковичи вбегоша в Новгород и с женами и з детьми“.

Рыцари напали на водь и другие финские племена и после вторглись в Новгородские земли и в погосте Копорье соорудили крепость.

В это время Александра Невского не было в Новгороде. Он вскоре после Невской победы уехал в Переяславль, „распревся с новгородци“, т. е., с правящим боярством.

Новгородский народ потребовал от боярства возвращения

---

[1] Софийская I летопись.
[2] Там же.

Рис. 12. Бой на льду Чудского озера (миниатюра из Лаптевского летописца XVI в.)

EB_1941_AKS_400

Невского на княжеский стол. К Александру были отправлены послы. Князь, видя опасность, которая нависла над русской землей, забыл обиды и прибыл в Новгород в 1241 году. Выдающийся организатор немедленно принялся за формирование ополчения, в которое вошли новгородцы, ладожане, карелы и ижеряне.

Ополчение выступило в первую очередь против опорного пункта завоевателей в Новгородской земле — Копорья. Крепость была разрушена, рыцари потерпели полное поражение. Предателей, взятых в плен, Александр приказал перевешать.

Со взятием и уничтожением этой крепости Новгородская земля была освобождена. Но Псков был в руках Ордена. За это время там было уничтожено местное управление и всеми делами управляли орденские наместники.

После победы в Копорье Александр, вернувшийся в Новгород, продолжает усиливать ополчение, готовясь к изгнанию рыцарей из Псковской земли.

Народ, любивший свою родину, с охотой шел в ополчение под командование знаменитого полководца. С Низовской земли пришел брат Александра — Андрей — с ополчением.

Когда вопрос с формированием ополчения, необходимого для сражения, был решен, Александр начинает в 1241 году поход.

Отрезав все дороги к Пскову, русское войско приступило к штурму города. Сильный орденский гарнизон с яростью защищался. Город был взят. Рыцари понесли большие потери, многие были взяты в плен, в том числе и орденские наместники.

Александр вступил во владения Ордена. „Сам же великий князь Александр... пойде на землю Немецьскую... Бе бо зима в то время, якоже бысть на земли их. И пусти вся полки своя в зажития...“ [1].

Примененная тактика не допустить противника в русскую землю была выполнена блестяще. Русское войско было полно решимости защищать свою родину: „Ако бо бяше у великого князя Александра множество храбрых, яко же древле у Давида царя сильнии и крепции; тако же вои великого князя Александра исполнишася духа ратна, бяху бо сердца им, акы львом,— и ркоша: „о, княже наш, честный и драгый, ныне приспе время положити главы свои за тя“ [2].

Навстречу Александру двинулись рыцари. Произошел знаменитый бой на льду Чудского озера „Ледовое побоище“.

Победа над рыцарями была полная. Войска русского народа с честью возвратились в Псков.

---

[1] Софийская I летопись.
[2] Соф. I л.

Немецкие рыцари были окончательно отброшены от русской границы.

7

Блестяще выполняя задачу защиты русской земли от западных врагов, Новгород успешно продвигал свою власть на северо-восток до Урала и за Урал.

Но богатое и политически сильное боярство новгородское, крепко державшее в своих руках власть не только над крестьянством, но и над горожанами, и прежде всего в самом Великом Новгороде, оказалось неспособным выполнить основную задачу, стоявшую тогда перед русским народом, необходимую как для дальнейшего роста производительных сил страны, так и для защиты ее от вражеских покушений с востока, юга и запада.

Защищая свою феодальную независимость от княжеской власти, при тогдашних условиях единственной силы, способной объединить весь русский народ, бояре крепко охраняли свои феодальные привилегии и решительно не сочувствовали успехам объединительной политики сначала Владимиро-Суздальского княжества, а потом Москвы, где княжеская власть в союзе с купечеством, ремесленниками и крестьянством, опираясь на силу своих дружин, систематически делали великое дело объединения разрозненных частей русской земли и создания централизованного государства. Не имея достаточно своих собственных сил, чтобы устоять против Москвы, выражавшей волю русского народа к объединению, имея против себя новгородскую городскую и деревенскую массу, враждебную феодальной раздробленности во всем, новгородское боярство стало искать себе союзников среди врагов Московского княжества.

На Куликовом поле (1380 г.), где русский народ грудью встретил полчища Мамая и разгромил татар, новгородского боярского войска под знаменами Дмитрия Донского не было. Глава враждебной московскому князю коалиции удельных княжеств, выступившей против Москвы, Димитрий Шемяка после своего поражения находит радушный прием в Новгороде.

Не удивительно, что московские князья, зная сочувствие к Москве новгородского народа, ведут систематическое наступление против новгородского боярства. Особенной силы наступление Москвы на Новгород достигает в связи с попыткой новгородского боярства опереться на враждебную Москве Литву.

Уже Иван Калита (1328—1341 гг.) задумал большой военный поход против Новгорода, не состоявшийся вследствие его смерти. В 1386 году внук Калиты Дмитрий с большим ополчением приближался к Новгороду. Некоторые

новгородские пригороды—Бежецкий верх, Волок-Ламский и Торжок—выступили против своей метрополии, причем небезынтересно отметить, что новоторжские бояре были против Москвы, но меньшие люди пошли за Москву, став в ополчение великого князя [1] (такое же явление наблюдалось в XV веке и в самом Новгороде Великом). Но сражение с с новгородским войском не состоялось. Новгород откупился 8.000 руб.

Попытку подчинить Новгород делает великий князь Василий Дмитриевич. В 1393 году он выступил против Новгорода, но до большого сражения не дошло, так как Новгород согласился на ряд требований Москвы[2]. В 1397 году возникло опять „размирье", приведшее к вторичному выступлению князя Василия.

Князь Василий Васильевич Темный организует два больших похода против Новгорода. В 1441 году Новгород по Демянскому договору и затем в 1456 году по миру в Яжелбицах также принимает некоторые условия, предъявленные вел. князем Василием[3].

По Яжелбицкому миру Новгород обязался коренным образом изменить свои отношения к великому князю. С этого времени власть московского князя охватывала все существенные вопросы жизни Новгорода.

Яжелбицкие условия по существу лишали Новгород его политической самостоятельности, но внешне в Новгороде все осталось по-старому: по-старому собиралось вече, по-старому обсуждались вопросы политики, старые выборные власти по-старому возглавляли Новгород.

Однако боярство недолго оставалось в этом неприемлемом для них и вынужденном положении: в среде новгородского боярства организуется группа, поставившая себе задачей осуществление союза с Литвой для борьбы с Москвой. Эту группу возглавила вдова новгородского посадника Исака Борецкого Марфа, женщина властная и чрезвычайно влиятельная. Род Борецких был богатейшим среди боярских родов новгородских.

Под воздействием этой боярской группы было устроено нападение на московского наместника, жившего, по старому обычаю, на Городище. На вече была принята договорная грамота на имя короля Казимира „об условиях, на каких ему быть князем новгородским", что явилось прямым выступлением против Московского государства[4].

---

[1] Софийская летопись под 1386 годом.

[2] Софийская летопись, под 1393 годом.

[3] Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Изд. ЛГУ. 1935. Стр. 74.

[4] В 70-х годах XV в. в Новгороде происходили сильные волнения в связи с тем, что „одни хотели за великого князя (московского), а другие за короля (литовского)".

В 1471 году князь Иван Васильевич предпринял большой военный поход против Новгорода. Новгородское войско было разбито на Шелони. Такого поражения Новгород не испытывал на протяжении всей своей истории. Оно было решающим.

Однако и на этот раз Москва довольствовалась восстановлением условий Яжелбицкого мира и оставила республиканские новгородские учреждения неприкосновенными.

Дипломатическим путем Иван III достиг того, что часть новгородского боярства обратилась к нему с предложением быть в Новгороде „государем". Несмотря на то, что вече официально протестовало против этого предложения, Иван Васильевич настаивал на своем и послал против Новгорода войско.

Рис. 13. Печать Великого Новгорода XV века.

Вторичному военному походу Ивана Васильевича в 1478 году новгородское боярство не смогло оказать сопротивления. Предъявленные условия были полностью приняты, а именно: „вечевому колоколу не быть, посаднику не быть, а государство нам держать как в Москве" [1].

Многочисленное и богатейшее новгородское боярство, непримиримый враг Москвы, было Иваном III ликвидировано полностью. У бояр отняли их огромные земельные владения и передали московским служилым людям. Сами бояре были выселены из пределов новгородских и размещены в различных частях Московской территории.

С этих пор Новгород Великий вошел в состав единого русского национального государства.

---

[1] Никоновская летопись, под 1478 годом.

Последние попытки части новгородского боярства выделиться от Московского государства в XVI в. привели к жестокой расправе над сторонниками литовской ориентации. Иван IV, узнав об измене, быстро принял решительные меры.

Сохранившаяся „Повесть о приходе царя Иоанна IV Васильевича в Новгород" и недавно опубликованные записки его современника Альберта Шлихтинга[1] излагают историю расправы над изменниками.

В повести сообщается, что царь Иван, обращаясь к врагу русской независимости, Новгородскому архиепископу Пимену, сказал: „Ты, злочестивый, в руке своей держишь вместо креста оружие, ты хочешь этим оружием уязвить царское сердце наше; ты хочешь вотчину нашу—богоспасаемый Новгород—предать врагам нашим, иноземцам; ты не пастырь церкви, а волк, хищник, губитель, изменник, и нашему царскому венцу досадитель".

Казна архиепископская была конфискована, сам архиепископ арестован, из казны ему на корм было назначено по две деньги в день.

Дальше следует изложение подробностей расправы над владычными боярами, детьми боярскими, купцами и всякими, кто изменил русскому государству.

Так была уничтожена последняя ставка на выделение Новгорода от Московского государства.

В начале XVII века Новгород подвергается шведской интервенции, в скором времени потерпевшей полный крах.

После завоевания Петром I Прибалтики, основания Петербурга, столицы и крупного портового города, связавшего русское государство с западной Европой, Новгород теряет значение как торговый, административный и стратегический пункт.

Богатые монастыри, церкви со своими многочисленными „святынями", губернские учреждения и лавки купечества, каменные дома родового дворянства... и лачуги бедноты—вот облик церковно-чиновничьего Новгорода.

Социалистическая революция не только изменила город, но в то же время превратила его в один из центров по изучению древней истории нашей Великой Родины.

---

[1] См. III Н. Л. и Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга. Изд. 1934 г.

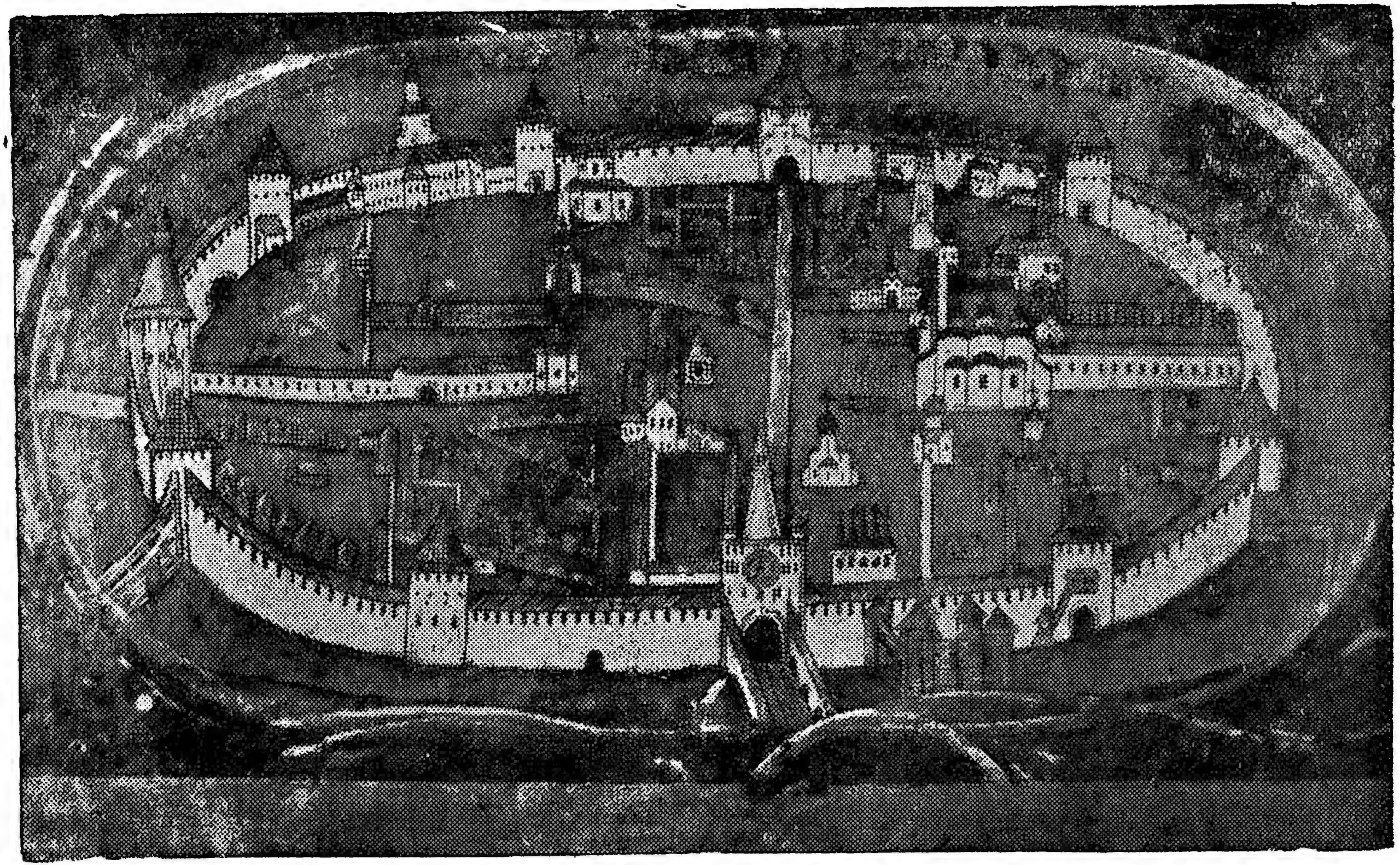


Рис. 14. Изображение Новгородского Кремля XVII века („Михайловское").

КРЕМЛЕВСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ

КРЕМЛЬ по письменным данным представляется наиболее древним пунктом Новгорода. В 989 году на его территории сооружен первый крупный деревянный собор в честь Софии. В 1044 году князь Владимир строит здесь новую крепость „Заложи Новгород и сдела его". Этот текст, по всей вероятности, датирует возникновение названия Новый город — Новгород. В 1045—1050 г. строится грандиозный Софийский собор. У стен его неоднократно собиралось вече, особенно во время восстаний, когда восставшие захватывали вечевую площадь (например, 1342, 1384 г.). В XI столетии Кремль был княжеской резиденцией. В дальнейшем, с образованием Новгородской феодальной республики, Кремль был политическим оплотом боярства. Если на Ярославовом дворе собиралось вече, то в Кремле заседал „Совет господ", включавший в свой состав самых влиятельных бояр. Совет фактически предрешал государственную деятельность веча, направляя ее в своих классовых интересах.

Кремль был густо заселен как боярскими, так и ремесленными дворами. В его северной части располагались дворы архиепископа.

В 90-х годах XV века Кремль капитально перестраивается применительно к новым условиям боя, вызванным развитием огнестрельного оружия.

Современный Кремль в своей главной основе и есть результат этой грандиозной перестройки, хотя и сохраняет в основном план более древний. Его башни по своему архитектурному типу и строительной технике сближаются с башнями Московского Кремля и Ивангородской крепости, строившихся также в конце XV века. Стены и башни Кремля сложены из плитного камня и кирпича (старую кладку можно видеть в различных частях стены и башнях)[1].

Значительное поновление стен и башен Кремля произвел Петр I в 1701 г. ввиду ожидавшегося нашествия шведов. Есть предположение, что по его же распоряжению военным архитектором Боуром была надстроена на два этажа самая высокая в данное время башня „Кокуй". В начале XIX века

---

[1] II, III, IV Н. Л. — В. А. Богусевич, Порховская крепость. Новгородский Исторический Сборник. В. I, стр. 20—22.

были сделаны две большие проездные арки, а в 1862 г. к открытию памятника „Тысячелетия России“ наспех и неудачно восстановлена упавшая часть стены, выходящей на Волхов.

Ранее башен было 12 или 13[1]; теперь их 9 (7 четырехугольных и 2 круглых).

Перечислим башни, начиная от выездной арки, со стороны моста, на месте которой была Пречистенская, рухнувшая в половине XVIII ст.[2]: 1) Дворцовая; 2) Спасская; 3) Княжья; 4) Кокуй; 5) Покровская; 6) Злотоустовская (или Тюремная); здесь в древности помещалась тюрьма и застенок; 7) Митрополичья; 8) Федоровская; 9) Владимировская; между этой последней башней и звонницей — Водяные ворота[3].

По данным начала XVI в. Кремль делился на три части: Владычный двор (северный участок), Буевище (средняя часть) и Околоток (южный участок)[4].

По описи 1582—1584 гг. в Кремле находилось: 3 государевых двора — Сытный, Житничный и Пушечный, двор архиепископа, два двора наместничьих, два двора дьячих и 101 разных дворов[5].

По описи 1623 г. было 152 двора, 30 лавок и 26 церквей[6].

Древние изображения Кремля сохранились помимо указанных уже икон (см. исторический очерк) на шитом Никоновском омофоре XVII в. (в Софийской ризнице) и на древних миниатюрах рукописей.

СОФИЙСКИЙ СОБОР. Первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин, присланный из Киева в 989 году князем Владимиром Святославичем с поручением обратить Новгород в христианство, строит дубовую церковь Софию о „13 верхах“, которая стояла в конце Пискупли (Епископ-

---

[1] См. шведский план 1611 г.

[2] Названия башен даны по работе П. Л. Гусева: „Новг. Детинец по изображ. на иконе Михайловской церкви“. По другим авторам названия башен не всегда совпадают.

[3] Согласно II Летописи в 1551 г. „привезли в Новгород шурина Крымского царя и сидел он в оковах в заточении в Детинце под Водяными воротами; до этого сидел в тюрьме деревянной“.

[4] А. И. Никольский, „Описание семи новгородских соборов“, СПБ. 1898 г., стр. 6.

[5] В. В. Майков, Книга писцовая по Новгороду Великому, конца XVI в., СПБ. 1911 г, стр. 222.

[6] „Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода“, Москва, 1808 г.

В описании „Путешествия в России герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в 1602 г.“ (автор — Аксель Гюльденштиерне) имеется между прочим следующая заметка: „Город (Новгород) широко раскинулся, крепость тоже, так что внутри крепостных стен находятся 23 церкви и монастыря“. Чт. в Общ. Ист. и Др. Росс. М., 1911, кн. III, стр. 9.

ской) улицы, заселенной, по всей вероятности, штатом впервые устроенного епископского двора[1].

Деревянный собор Софии сгорел в 1045 году. В том же 1045 году был заложен каменный, доныне существующий

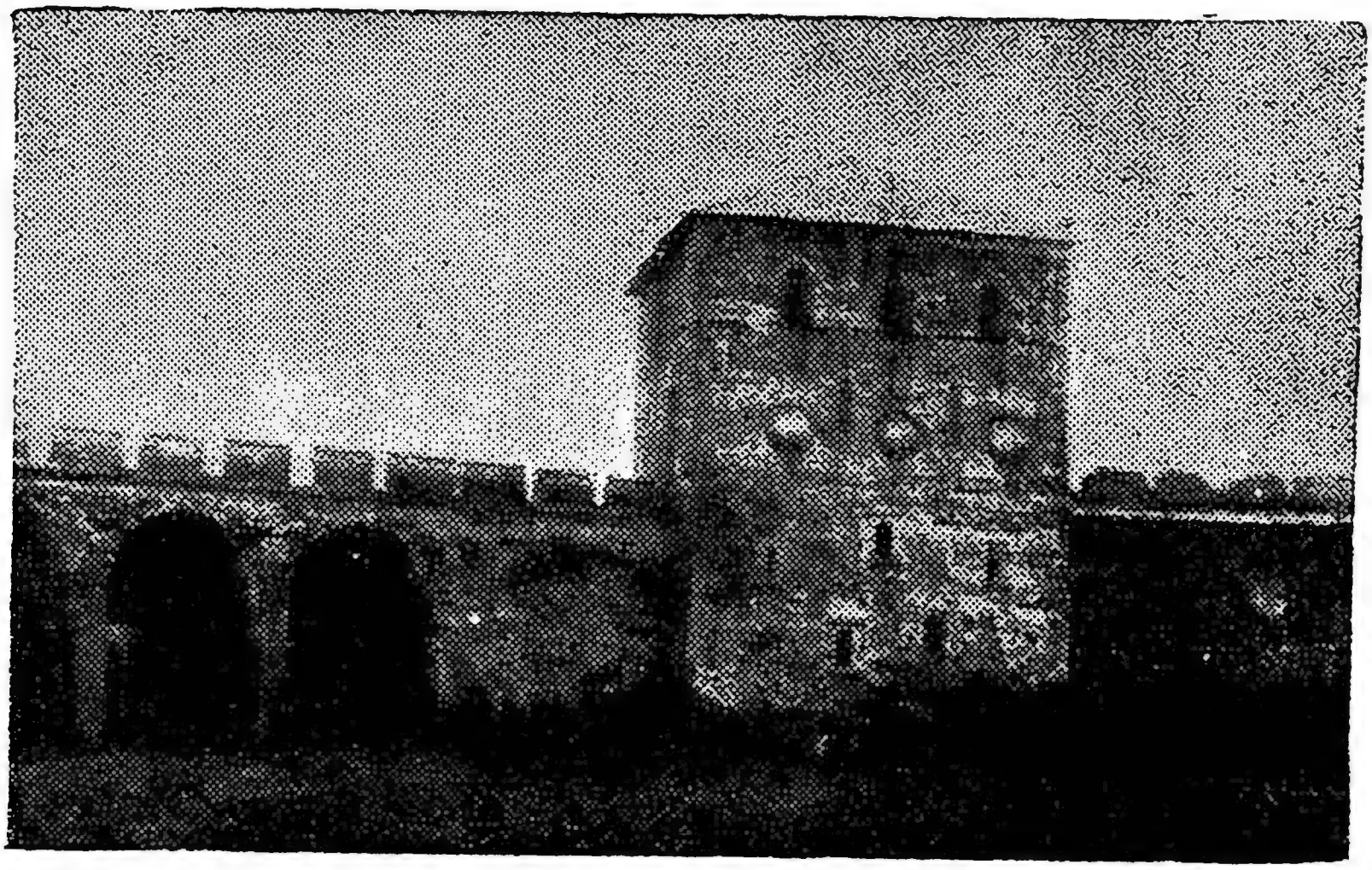


Рис. 15. Дворцовая башня.

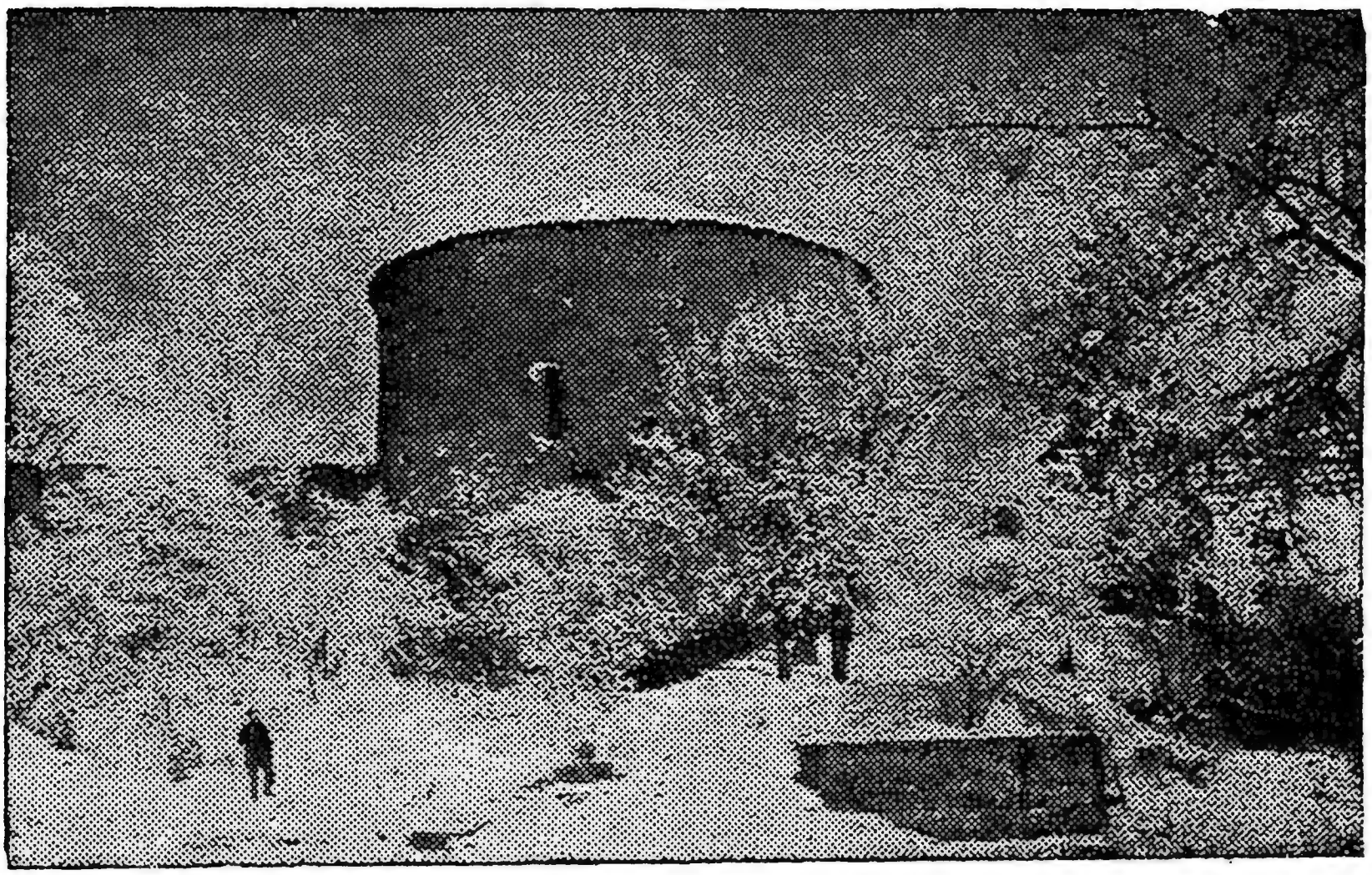


Рис. 16. Федоровская башня.

[1] III Новгородская летопись.

строительство которого продолжалось до 1050 года. Новгородская София строится в подражение построенной ранее Киевской Софии, причем в ней сохраняется та же пышность киевского княжеского сооружения, заимствованного из Византии; несомненно, что в строительстве Новгородской Софии главную роль играли византийские зодчие, придав-

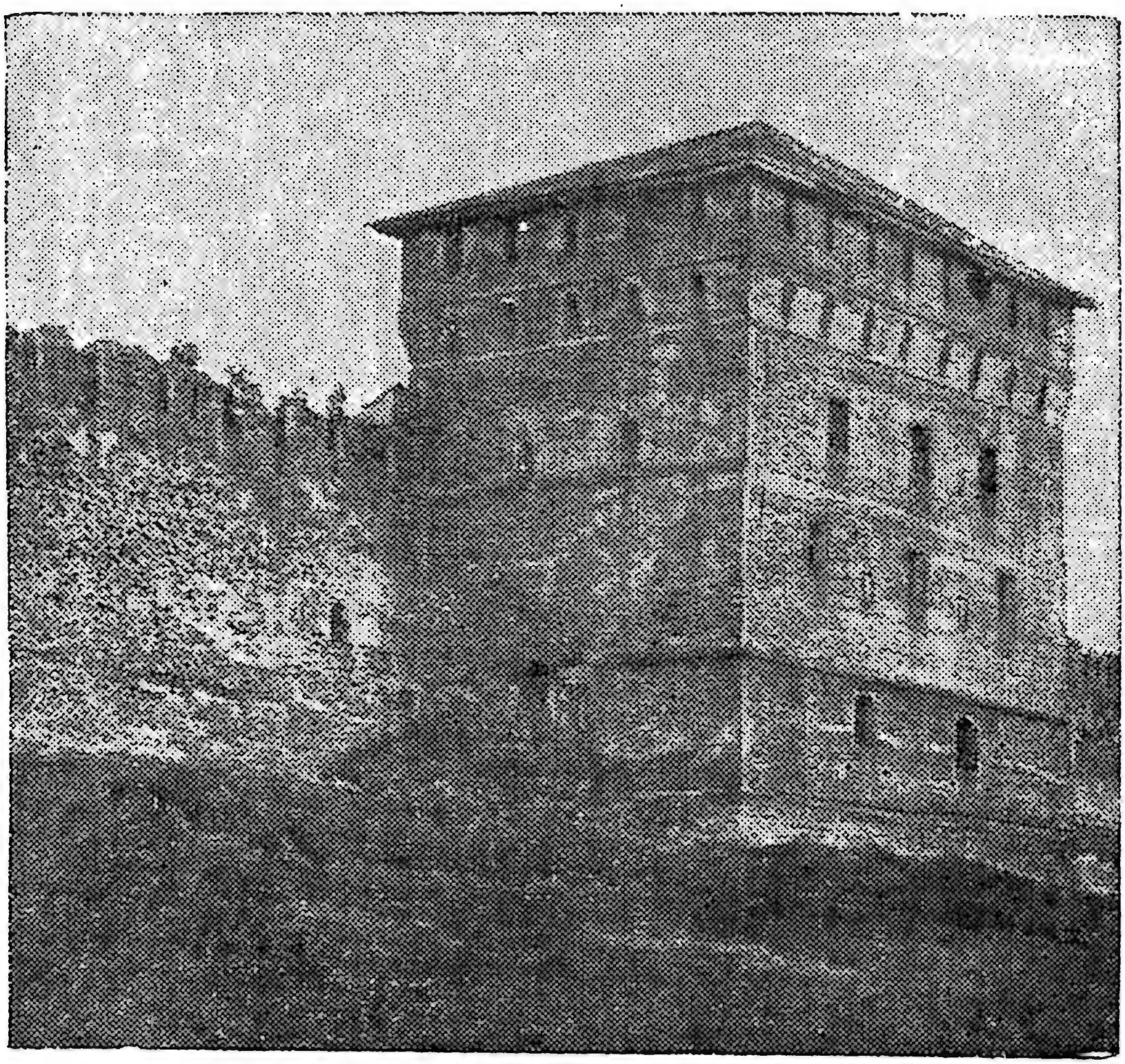


Рис. 17. Покровская башня.

шие ей классические черты византийского высокого мастерства. Эта архитектурная форма сохранилась и до наших дней.

Сооружение величественного памятника диктовалось сложившейся социальной обстановкой того времени.

В половине XI века в Новгороде, как и в других областях древней Руси, часть крестьян-общинников была уже превращена в крепостных. Таким образом, в этот период Новгород Великий знает крупное землевладение, образованное путем превращения общинной собственности на землю в частную, знает крупных землевладельцев — князей, бояр, церковь. В дальнейшем процесс классовой диференциации все более и более усиливается.

Построение каменного собора, грандиозного в своих размерах, явилось одним из факторов идеологического утверждения господства формирующегося класса феодалов-землевладельцев. Огромное, богато декорированное здание, господствовавшее над окружающим городом, выражало мощь этого класса, силу и незыблемость его новой религии — орудия

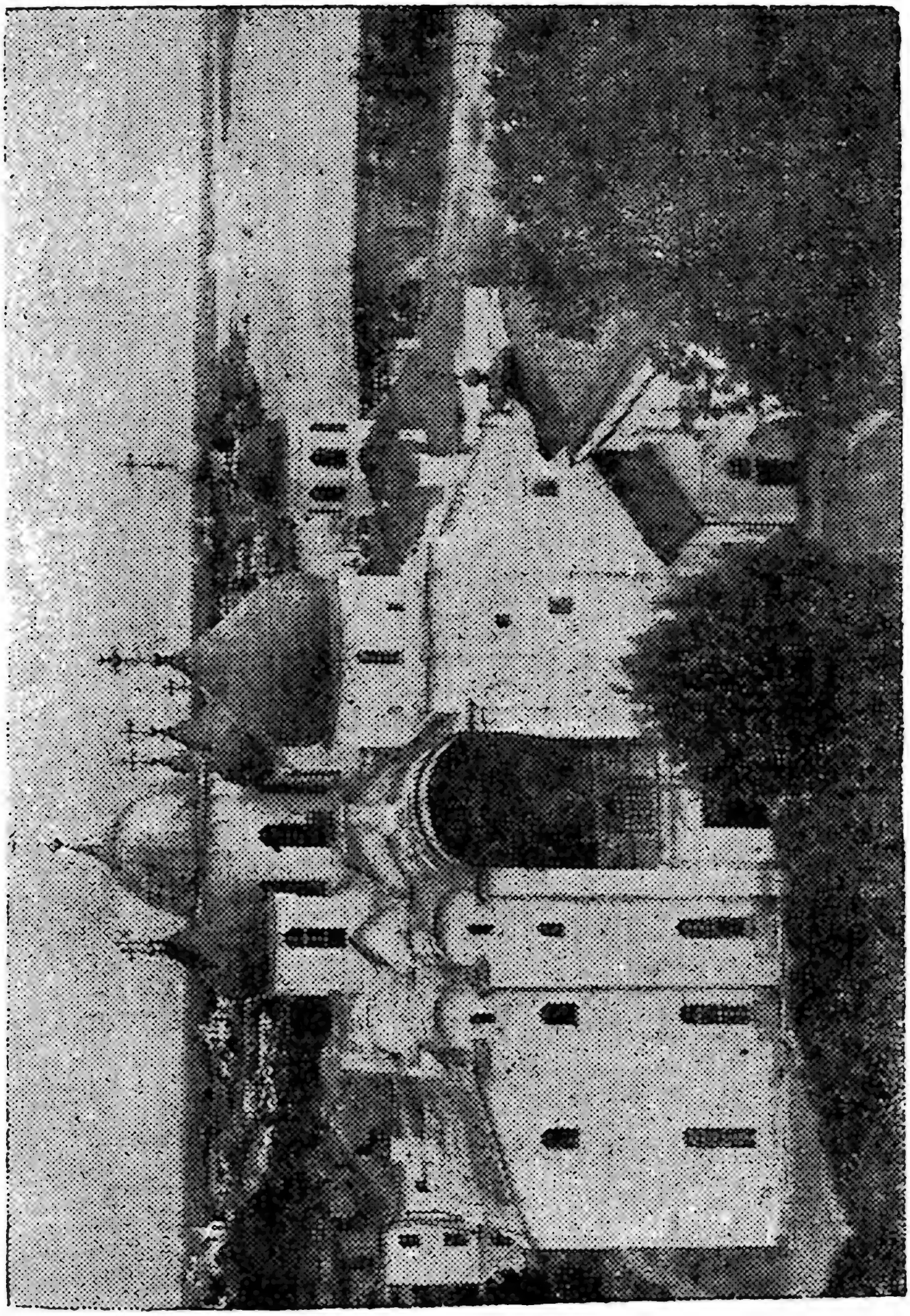


Рис. 18. Софийский собор (1045—50 г.) с западной стороны.

закрепления феодального господства. Недаром сама архитектура разделяет внутреннее пространство собора на две противоположные части. Вверху собора расположены просторные, хорошо освещенные хоры, вход в каковые идет по широкой каменной винтообразной лестнице. Здесь на хорах

было место князя и его приближенных. Внизу помещались все прочие, желавшие присутствовать в храме. Собор был предназначен не только для очередных богослужений, но и служил определенным общественным местом, где устраивались приемы высокопоставленных лиц и видных послов. В таком разделении пространства (вверху — хоры для правящей знати, а внизу — место для остальных молящихся) четко отразилась классовая диференциация общества.

Также не случайно Новгородская София, как и Киевская, была превращена в самом начале ее существования в княжескую усыпальницу[1].

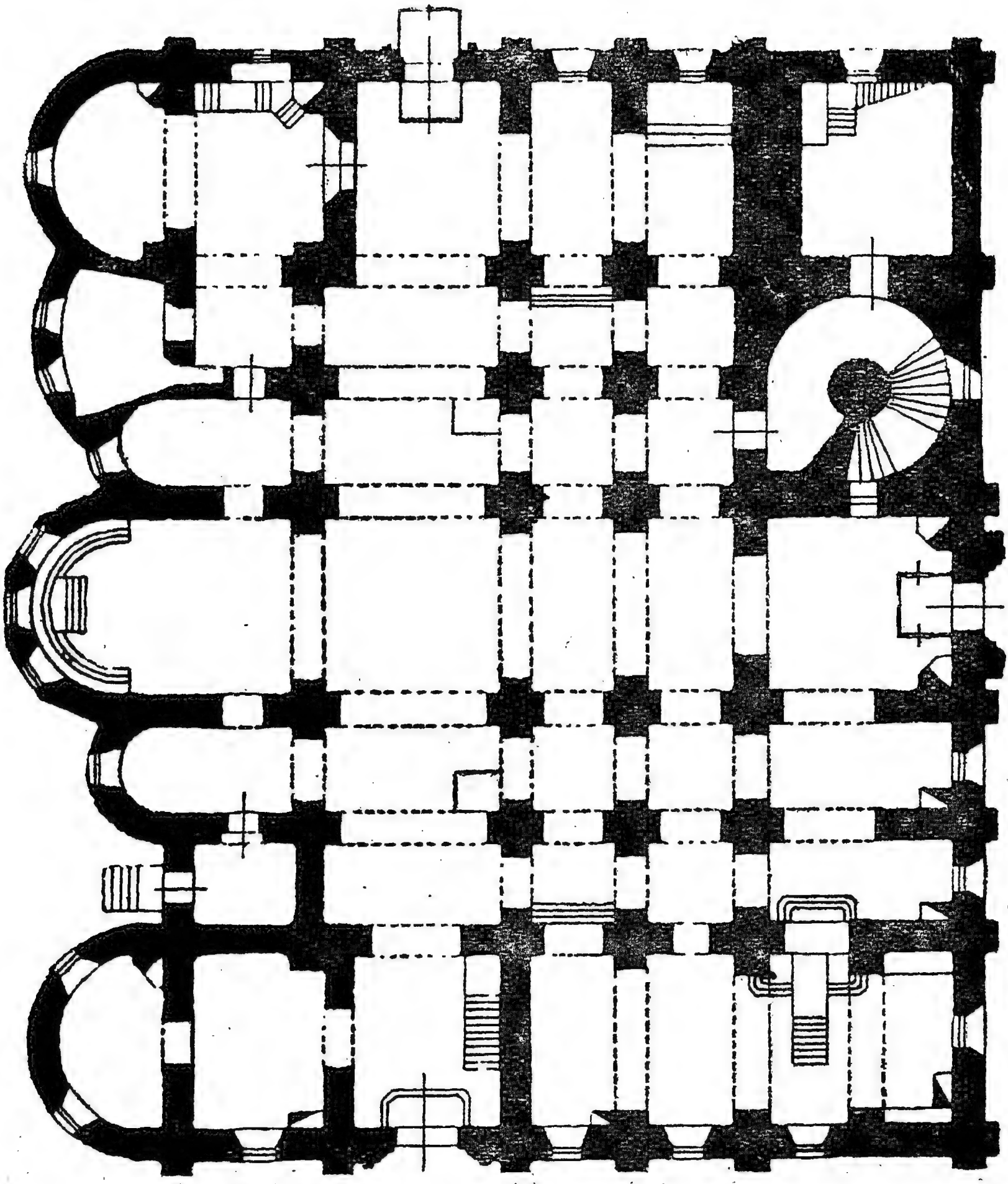


Рис. 19. План Софийского собора.

[1] В Софии выставлены костяки: основателя собора — князя Владимира Ярославича, его матери княгини Анны. Особенно интересна гроб-

Рис. 20. Фреска 1144 г. Софийского собора—изображение константинопольской царицы Елены.

В то же время это громадное каменное сооружение, высокого художественного мастерства, свидетельствовало о неведомом до сих пор росте культуры.

Дом св. Софии был первым новгородским очагом новой письменности, пришедшей на Русь из Византии. Здесь писались летописи, переводились и переписывались книги.

Богато оформленные книги с обработкой заголовков и миниатюрами дошли до нас с XI в. В Новгороде в это время было написано сохранившееся так называемое Мстиславово евангелие.

С XII в. София становится патрональным храмом новгородских архиепископов и крупным политическим центром города. „Где святая София, ту и Новгород“ — боевой клич, приписываемый Мстиславу Удалому[1].

Избрание архиепископа происходило в Софии.

София была собственником громадных земельных владений. Б. Д. Греков установил, что, поскольку „храм св. Софии стал сосредоточением государственной жизни Новгорода, естественно, что к нему перешло много княжеских прав, в том числе и право на прежние княжеские земли“. Софийские „огромные владения есть результат вечевого решения, по которому земли, бывшие княжеские, равно как и государственная новгородская казна, были переданы св. Софии, покровительнице Новгородского государства, подобно тому, как афинская казна считалась казной богини Афины, тоже покровительницы государства“[2].

На богатства Софийской казны указывают следующие примеры: в 1391 году выдано концам 10.000 руб., на средства Софийской казны неоднократно поновлялся Кремль и великий мост.

София на всем протяжении своего существования была важным идеологическом орудием в руках господствующей знати; недаром в центре ее уже после падения новгородской самостоятельности в XVI в. были установлены изящно исполненные, украшенные резьбой и позолотой два места — царское и митрополичье, — имеющие вид шатров.

ница из красно-пятнистого мрамора; как полагают она сделана в XI в. для князя Владимира и затем послужила местом погребения князя Мстислава Храброго. Наряду с этими указанными погребениями выставлены и другие. Интересно отметить: в Софии погребены два посадника (всего их Новгород имел не менее 200) — Степан Твердиславич и Михаил Федорович. Первый самое долгое время занимал эту должность: „13 лет без 2 месяцев“, а второй погребен за военные заслуги. Он был убит в знаменитой Раковорской битве 1268 г. Эта битва является блестящей страницей русской военной истории в борьбе с немецкими рыцарями в Ливонии. Здесь рыцари-меченосцы были разгромлены неподалеку от города Ревеля.

[1] Н. М. Костомаров, Северно-русские народоправства, СПБ, 1886 г., стр. 84.

[2] „Восстание в Новгороде Великом в XII в.“. Подробнее об этом см. в его работе: „Новгородский дом св. Софии“.

Из древних ценностей в Софии сохранились: фрески в куполе 1108 г. и в так называемой Мартирьевской паперти фреска Константина и Елены,— восстановленный после работ „реставраторов“ фрагмент росписи, сделанной в 1144 г.

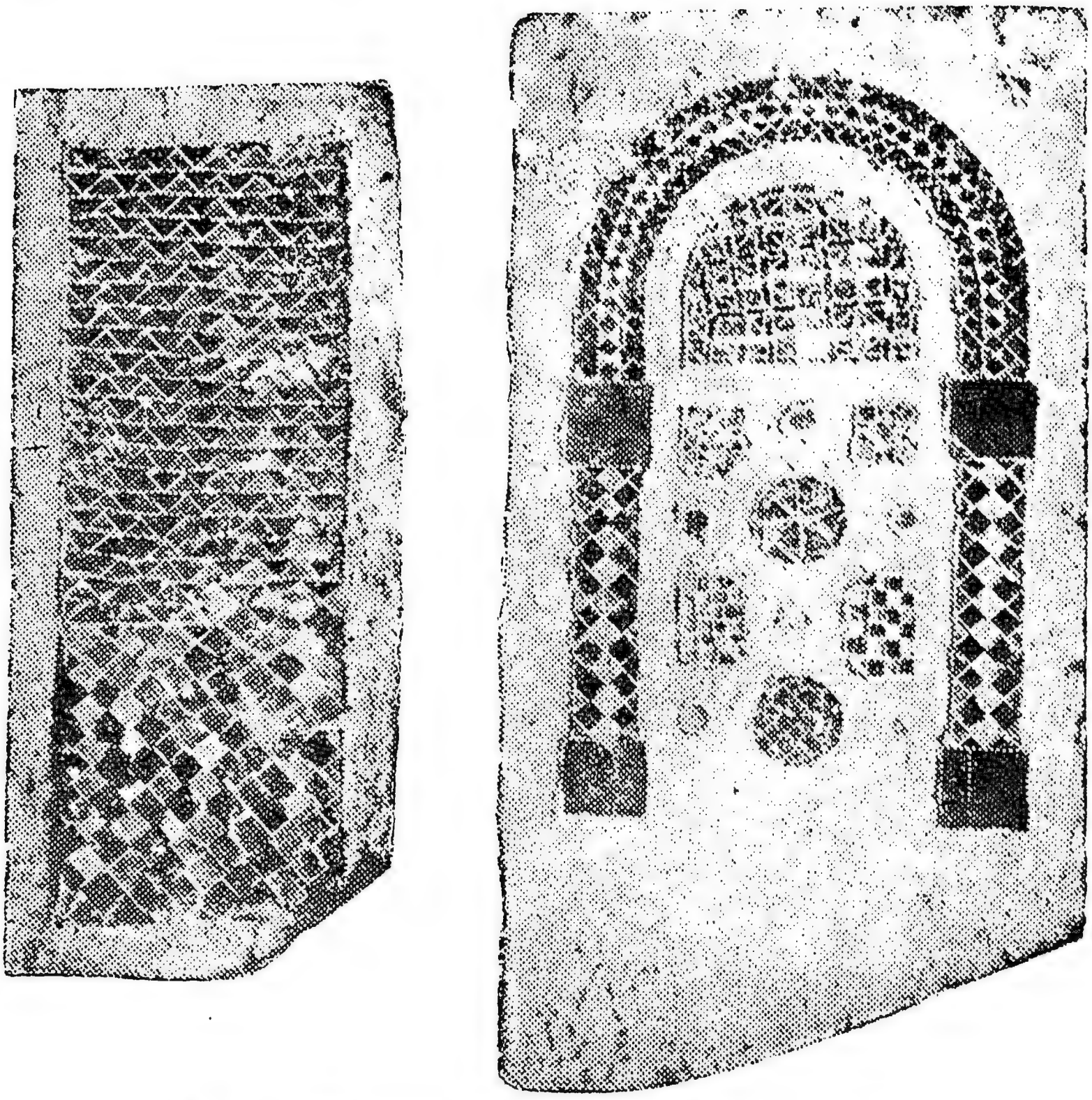


Рис. 21. Мозаика XI в. из Софийского собора.

Роспись поражает легкостью и изяществом, утонченностью и нежностью красок (остальная современная живопись, искажающая вид собора, сделана вместо уничтоженных древних фресок при последней варварской реставрации в 90-х годах артелью богомазов подрядчика Сафонова под наблюдением академика М. П. Боткина и общим руководством академика В. В. Суслова).

Так называемое горнее место и стены алтарных столбов украшены мозаикой, возобновленной по образцу древней в 1890 г. Из мозаичных плит XI века сохранилась только одна, на северном столбе. Также сохранились мозаичные плиты от пола XI в.

При входе в собор с западной стороны находятся Магдебургские (ранее называвшиеся Корсунскими или Сигтун-

скими) врата XII века. Они состоят из ряда литых бронзовых пластинок с различными изображениями и надписями на латинском и русском языках.

Среди различных композиций и фигур интересно отметить автопортреты трех мастеров, помещенные в нижнем ряду с левой стороны: мастера Риквина и Вейсмута, изготовивших врата, и русского мастера Авраама, собравшего их в Новгороде, все трое изображены с атрибутами своего ремесла. Врата — немецкой работы.

Рис. 22. Детали Магдебургских врат Софийского собора — изображение мастера Риквина и Адама.

Есть все основания предполагать, что Магдебургские врата являются военным трофеем новгородцев, взявших их в Юрьеве (Дерпте)[1], куда они были перевезены немецкими колонизаторами в первой половине XIII века из германского города Магдебурга, там врата были сделаны во второй половине XII века по заказу магдебургского епископа Вихмана мастерами Риквином и Вейсмутом. Нужно считать совершенно несостоятельными прежние предположения о том, что они попали в Новгород в начале XIV в. путем торговли. Совершенно невероятно, чтобы столь важное культовое произве-

---

[1] I Новгородская летопись под 1262 г.: „Того же лета в осенине идоша новгородци с князем Дмитрием Александровичем великым полком под Юрьев; бяше тогда и Костянтин, зять Александров, и Ярослав, брат Александров, с своими мужи, и Полотский князь Товтивил, с ним полочан и литвы 500, а новгородского полку бещисла, только бого весть. И бяше град тверд Юрьев, в 3 стены, и множество людий в нем всяких, и бяху пристроили соби брань на граде крепку, но честного креста сила и святой Софьи всегда низлагают неправду имеющих: так и сий град, нивочтоже твердость та бысть, но помощью божею одиным приступлением взят бысть, и люди многы града того овы побиша, а други изъимаша живи, и инии огнемь пожжени, и жены их и дети; и взяша товара бещисла и полона, а мужа добра застрелиша с города, и Петра убиша Мясниковича. И приде князь Дмитрий в Новгород со всеми новгородцы со многымь товаром".

дение немецкого искусства могло быть продано немцами русским, с одной стороны, а с другой — также невозможно считать, чтобы русские могли купить столь чуждое им по духу и культуре произведение западного религиозного искусства. Употребление же их в качестве ворот Софийского собора, как военного трофея и памятника славных побед над немцами в Ливонии, вполне согласуется с реальными историческими фактами военной истории Новгорода в борьбе с немецкими рыцарями в Ливонии.

В стену рядом с Магдебургскими вратами вделан так называемый Алексеевский вкладной крест XIV века. Крест сделан из известкового камня, с несколькими композициями, исполненными рельефом.

Внутри здания направо от южного входа висят врата из медных массивных пластинок византийской работы XI века.

За ними—иконостас XVI века с иконами, которые обложены серебряной басмой. Басма состоит из разных фрагментов и по разному орнаментирована.

Главный иконостас устроен в XVI веке. Интересна „корсунская" икона Петра и Павла в басменном окладе XI—XII вв.

Обращает на себя внимание большое паникадило, укрепленное под главным куполом на пяти железных цепях,— 1600 г. (о чем свидетельствует сделанная на нем надпись).

В разных частях собора размещена выставка по истории Софии. Собор, как отмечено выше, имеет обширный второй ярус—хоры, и в этом же этаже—помещение, предназначенное для ризницы. Сейчас в Софийской ризнице сосредоточены исключительно ценные памятники, начиная с X века, металлического и ювелирного искусства, шитья и тканей. Особенно ценны: византийская перегородчатая эмаль X века, ларец слоновой кости с инкрустацией (с мифологическими сценами XI в.), лиможские эмали XII века, связываемые с именем Антония римлянина (строителя большого собора в б. Антониевом монастыре), сионы-иерусалимы и кратиры XII в. и другие памятники высокого художественного мастерства. Богатое наличие экспонатов ризницы дает возможность проследить технику ювелирного производства и отражение на металле основных видов русского искусства и влияний восточных и западных стран. Также и в отношении шитья можно проследить различные стили и приемы вышивок.

На лестнице собора при входе на хоры и ризницу расположены тайники, в которых ранее хранилась Софийская казна; здесь же на стенах много граффити (надписи, выцарапанные на штукатурке); некоторые из них на первоначальной розовой штукатурке[1].

---

[1] См. В. Н. Щепкин, Новгородские надписи. М. 1902, стр. 1—23. Табл. I—IX.

Собор представляет собою прямоугольное в плане здание с тремя выступами „апсидами" с востока (боковые низкие апсиды—более позднего времени). Оно перекрыто сводами и арками, опирающимися на массивные столбы и также сильные пилястры (лопатки) стен. Во внутреннем пространстве здания выделена своими размерами в ширину и в высоту центральная часть, которая в плане имеет форму креста и завершается в перекрестье высокой главой.

Фасады расчленены пилястрами (лопатками), размещенными в тех местах стен, где на них опираются внутренние арки; пилястры укрепляют стену. Кровля покрыта прямо по сводам, и поэтому стены получают своеобразное завершение в виде арок, треугольных фронтонов и пр. Собор завершается главой с золоченой маковицей (золотая маковица была на соборе уже в 1408 г.), окруженной четырьмя более низкими главами; шестая глава находится над лестницей, ведущей на хоры.

В конце лестницы, ведущей на хоры, на площадке в одном месте снят участок новой штукатурки, и видна древняя кладка здания характерной и типичной для XI века техники: стены сложены из камня и плиты с тонкими кирпичами-плинфами разной величины; в известковый раствор примешан мелко истолченный кирпич (цемянка), который придает ему особую прочность.

Пол собора значительно приподнят против древнего (метра 1½—2). Наружные стены собора закрыты позднейшим культурным слоем, более чем на 2 метра.

Ширина собора (с севера на юг)—37 метров, длина (с запада на восток) — 34 метра, высота, считая с крестом,— 47 метров.

СОФИЙСКАЯ ЗВОННИЦА. О времени первоначального построения звонницы сведений в летописи не имеется.

Из летописного сообщения под 1437 г. и 1439 г. о падении и восстановлении каменной стены и колокольни видно, что первоначально звонница была поставлена на стене, „на городе". Построение современной звонницы надо отнести к более позднему времени — к XVI веку. Западная пристройка поставлена в середине XVII века.

На звоннице находится несколько колоколов отличной работы и интересных благодаря своим надписям для изучения ремесла в древнем Новгороде.

Самый большой колокол (1659 г.) весит более 1614 пуд. и вылит софийским домовым мастером Ермолаем Васильевым. Интересны 2 небольших колокола в первой арке с северной стороны (1566 г.) со звериным орнаментом (как видно из надписи на колоколах, они были слиты для церкви Вознесения на Прусской улице, но потом по неизвестной при-

чине перенесены на Софийскую звонницу) и колокол 1677 г., весом в 300 пудов, литый мастерами Леонтьевыми.

Рядом со звонницей находится двухэтажный каменный домик XVII в.

Раскопками, произведенными мной в 1936 году на участке между звонницей и кремлевской стеной, обнаружены хорошо сохранившиеся три камеры, выложенные из камня и кирпича. В двух камерах позже были построены контрфорсы звонницы. Эти камеры первоначально являлись составной конструктивной ее частью.

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА. С северо-запада от Софии (в музейном городке) расположены Никитинский корпус, переделанный в XVII в., и Иоанновский корпус с Грановитой Палатой, построенной в 1433 г. иноземными и новгородскими мастерами.

Грановитая Палата была местом, где в XV веке заседал „Совет господ" и главный Суд. В Палате также происходил прием послов и устраивались архиепископом пиры. Она представляет из себя большое трехярусное здание во всю ширину Иоанновского корпуса. Ее готические своды опираются на центральный прямоугольный столб; своды Палаты орнаментированы.

В нижнем этаже, повидимому, сохранились более древние части. В западном подвале найдены фрагменты фресок. Возможно, что подвалы Грановитой Палаты были приспособлены под тюрьмы, тем более, что здесь, как указано, происходили заседания суда. Еще в 1136 г. на епископском дворе 2 месяца сидел под стражей арестованный князь Всеволод с семьею.

При входе в Палату сохранились фресковые изображения 1441 г. с надписью: „не на лица зряще судите, сынове человечестии, но праведен суд судите; имже бо судом судите, судится и вам", и по другую сторону дверей—плетеный орнамент—ценнейший фрагмент уничтоженной фресковой росписи. Пред этим входом были так называемые „великие сени" (теперь—позднейшая пристройка).

Перед изображением 1441 г. судьи принимали присягу на праведный суд.

В западной части Палаты находятся две небольшие комнаты. С этими комнатами была связана легенда о новгородском архиепископе Иоанне.[1]

---

[1] См. работу П. Л. Гусева, Вестник Археологии и Истории. Вып. XV, СПБ, 1913, стр. 34—105.

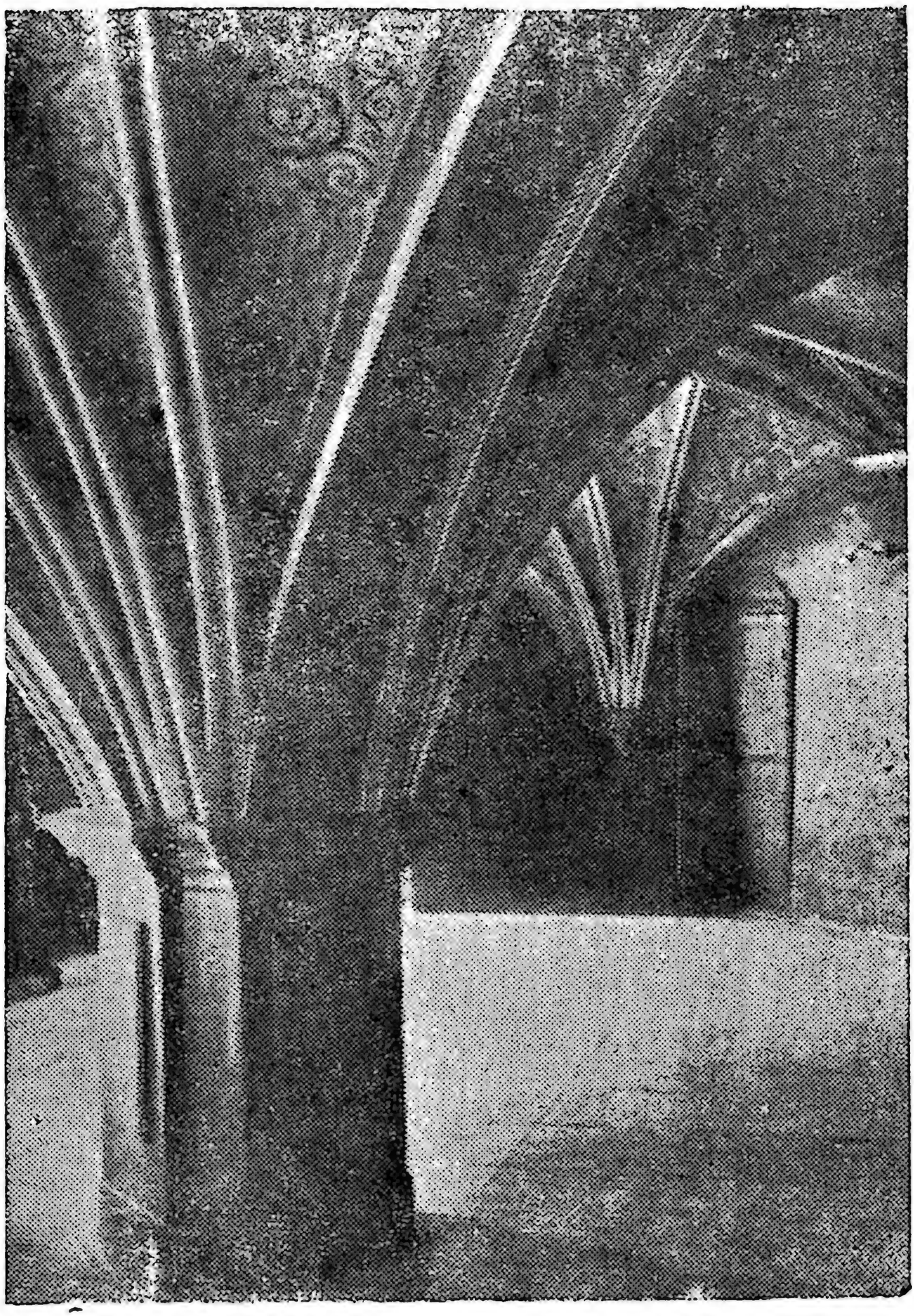


Рис. 23. Столб и своды верхнего этажа Грановитной палаты 1433 г.

ЕВФИМЬЕВСКАЯ ЧАСОЗВОНЯ. Между Грановитой Палатой и Лихудовским корпусом стоит Евфимьевская башня, известная под названием „часозвони“, построенная архи-

Рис. 24. Евфимьевская часозвоня (сторожня) 1443 г., северный фасад.

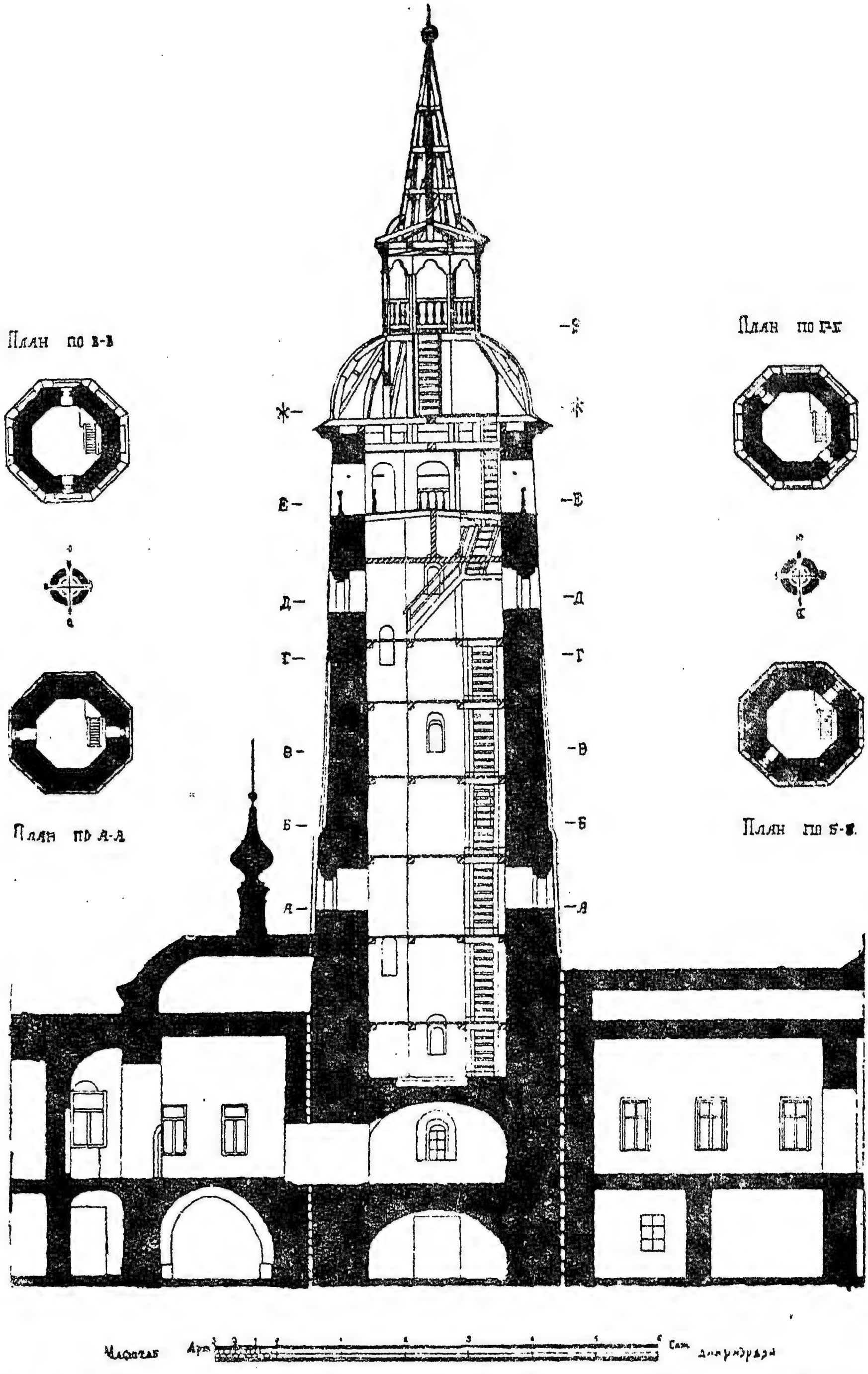


Рис. 25. Разрез Евфимьевской часозвони и Сергиевской церкви (1459 г.)

епископом Евфимием в 1443 году[1]. Сходство с подобными башнями во многих старых европейских городах, несомненно, говорит об участии в постройке западно-европейских мастеров.

Это — самое высокое здание в городе (более 40 м.) Наверху помещались башенные часы (отсюда название часозвони), остатки механизма которых до сих пор находятся внутри башни.

В XVII веке верхние части башни разрушились и были перестроены.

С площадки часозвони открывается вид на Новгород и его окрестности, и прекрасно видна топография города.

ЛИХУДОВСКИЙ КОРПУС. За Евфимьевской башней, у западной кремлевской стены, находится двухэтажное здание — Лихудовский корпус, построенный в конце XVII или в самом начале XVIII в. митрополитом Иовом. В нем по распоряжению Петра I помещалась Славяно-греко-латинская школа, в которой обучалась дворянская молодежь под руководством братьев Лихудов. К Лихудовскому корпусу с севера примыкает каменная постройка XV в.—дворец архиепископа Евфимия.

Из древних культовых памятников в Кремле сохранились кроме упомянутых: церковь Андрея Стратилата, XVII века, Покровская церковь, XVII века, рядом с Покровской башней, и церковь Сергия Радонежского, XV в. (с фрагментами росписи), рядом с Евфимьевской часозвоней.

ПАМЯТНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. В более поздний период, XVIII—XIX вв., Новгород использовался русским самодержавием как „колыбель русской монархии".

Поэтому в 1862 г. в центральном месте города, в Детинце, напротив самого древнего памятника—Софийского собора, сооружен памятник тысячелетия России. Проект памятника составлен Микешиным (по его проекту построен также памятник Екатерины II в Ленинграде). На памятнике изображены „главные " эпохи России: основание государства, введение христианства, освобождение от татар, установление единодержавия, водворение на престол Романовых и образование империи. Соответственно этому в верхней части памятника у подножия шара размещены следующие группы: I группа—князь Рюрик в полном вооружении; в левой руке он держит меч, а в правой—щит с цифрой 862-й; в углублении по левую сторону от Рюрика изображен перун—бог дохристианской религии. II группа—князь Владимир Святославич в княжеском одеянии; в поднятой пра-

---

[1] IV Н. Л. и III Н. Л.

вой руке он держит восьмиконечный византийский крест— символ принятия христианства; левая рука обращена к фигуре старца, разбивающего каменное изваяние перуна, по

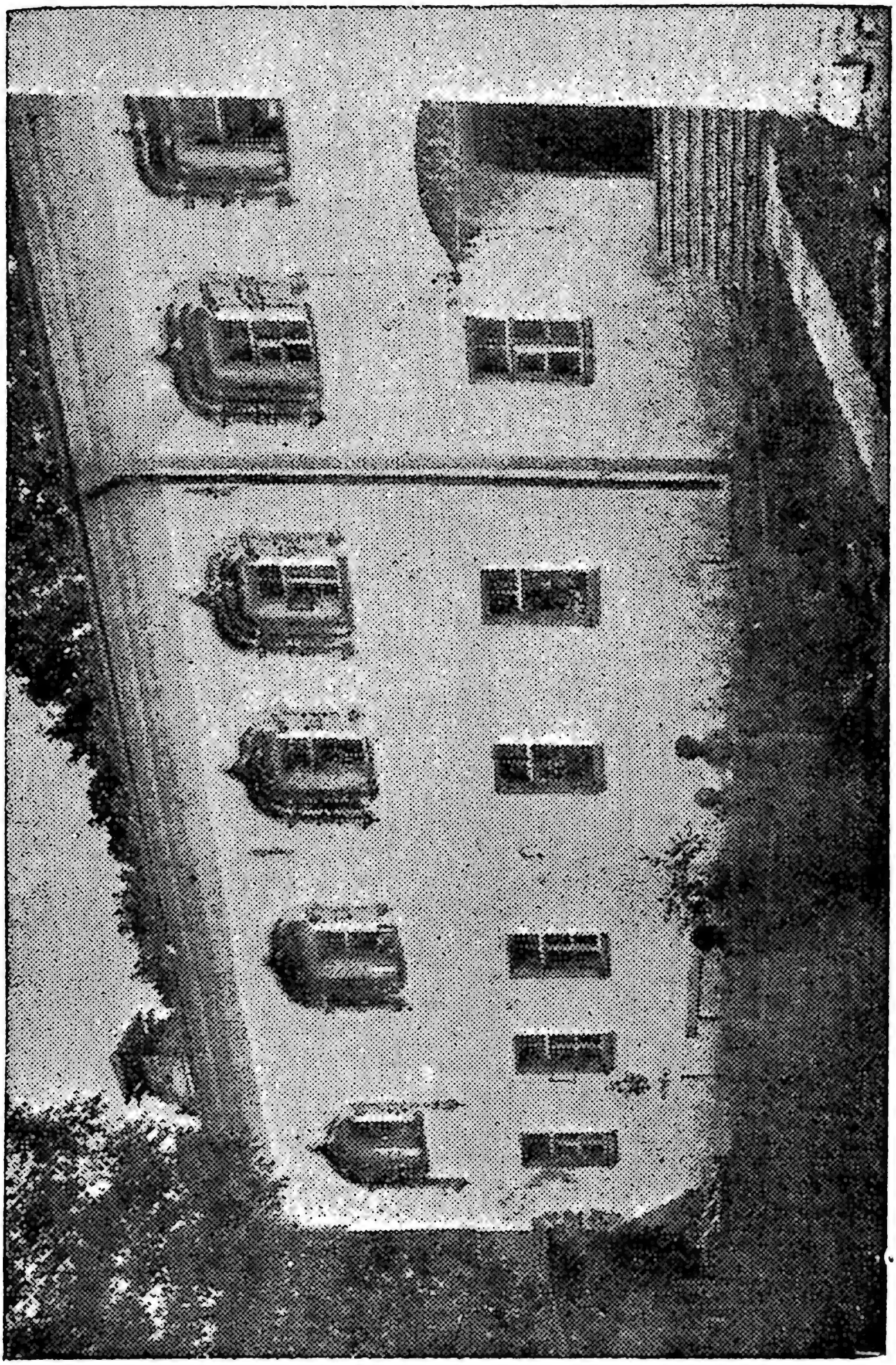


Рис. 26. Лихудовский корпус XVII века.

правую сторону стоит женщина с ребенком на руках. III группа—князь Дмитрий Донской в кольчуге со шлемом;

в правой руке—шестопер, в левой татарское знамя; внизу под ним фигура татарского воина. IV группа—великий князь Иван III, в царской одежде; на голове—шапка Мономаха; в руках держит: в правой—скипетр, в левой—державу; по правую сторону от него—фигура полулежачего литовского воина со щитом и стрелами и татарского воина золотой орды, преклонившего к ногам князя свое знамя; по левую сторону — фигура ливонского рыцаря, обороняющегося со сломанным мечом; за ливонским рыцарем —фигура сибиряка. V группа—Михаил Романов; по правую сторону — Пожарский, держащий в правой руке меч; по левую — Козьма Минин-Сухорукий, подносящий Михаилу шапку Мономаха и скипетр. VI группа—император Петр I; над ним с левой стороны швед на коленях, с разорванным знаменем.

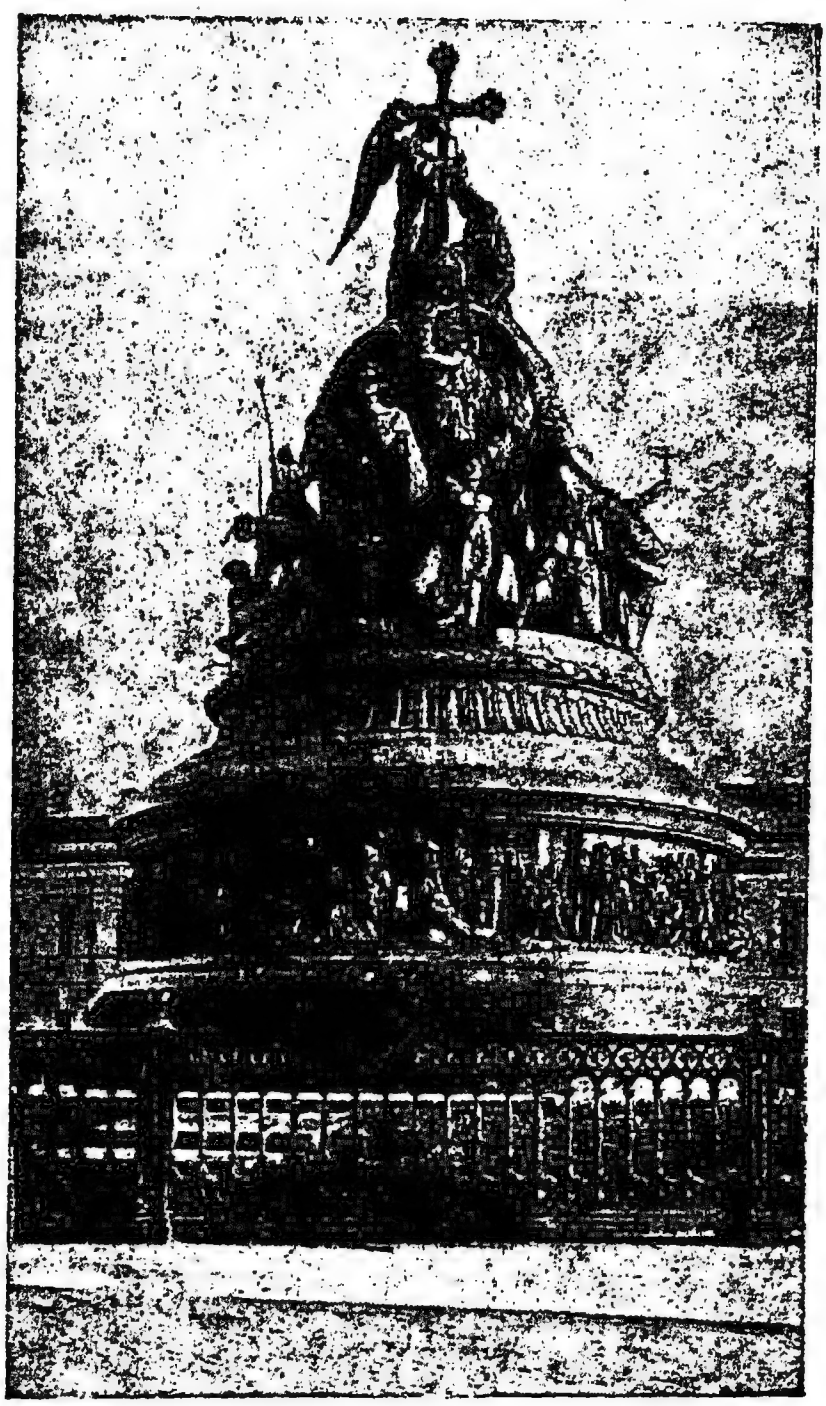


Рис. 27. Памятник 1000-летия России.

Такое деление истории России на „главные“ эпохи и насыщение их указанными группами характеризует сущность всей царской историографии XIX века.

В соответствии с этим ниже на горельефе изображены различные деятели (всего 109 фигур).

Подбор лиц, подлежащих изображению на памятнике, рассматривался Александром II, который изменил первоначальный проект, вследствие чего такие фигуры, как Тарас Шевченко, выпали.

Основной упор был сделан на самодержавие и православие.

Этот памятник во время интервенции был эмблемой белогвардейцев, фигурируя на деникинских деньгах. Еще ранее этого им пестрели обложки учебников русской истории.

ЗЕМЛЯНОЙ ВАЛ. В 80-е годы XVI века, в целях укрепления города, Кремль был опоясан земляным валом с деревянными стенами и башнями. Этот малый земляной вал, или, как его еще называли, „малый земляной город“ был поврежден во время нашествия шведов, поэтому в 1632 г.

было велено предпринять работы „около земляного меньшего валу сделати ров и у рва всякие крепости поделати“ [1].

Затем в 1701 г. упомянутый выше военный архитектор Боур, по заданию Петра I в ожидании нападения шведов, переделывает малый земляной город. Вместо башен возводятся массивные бастионы, на которых устанавливаются орудия, достоявшие до 1797 г. В 1818 году эти укрепления были срыты [2]. Остаток их сохранился до сих пор на берегу Волхова, с южной и северной стороны Кремля, в виде возвышений.

Весь город был обнесен валом с каменными башнями и между ними деревянными стенами.

Первое известие о большом городском вале встречается под 1115 г.; из него мы видим, что в Неревском конце в 1115 г., вал уже существовал. Затем дальнейшие известия относятся к XIV в. В это время проводятся большие работы по всему валу на Софийской и Торговой сторонах.

Данных, которые установили бы точную датировку насыпи земляного вала, еще нет. Обычно считают, что существующий сейчас городской вал есть результат работы XIV века.

Сохранившаяся от внешнего укрепленного пояса—„Окольного города“ круглая „Белая башня“ на Софийской стороне по технике кладки и архитектурному типу относится к XVI веку.

---

[1] Акты Арх. Экспедиции, т. III, № 201.

[2] П. Л. Гусев, Писцовая книга Великого Новгорода 1583–1584 г. Вестник Археологии и Истории, 1909, В. XVIII, стр. 136.

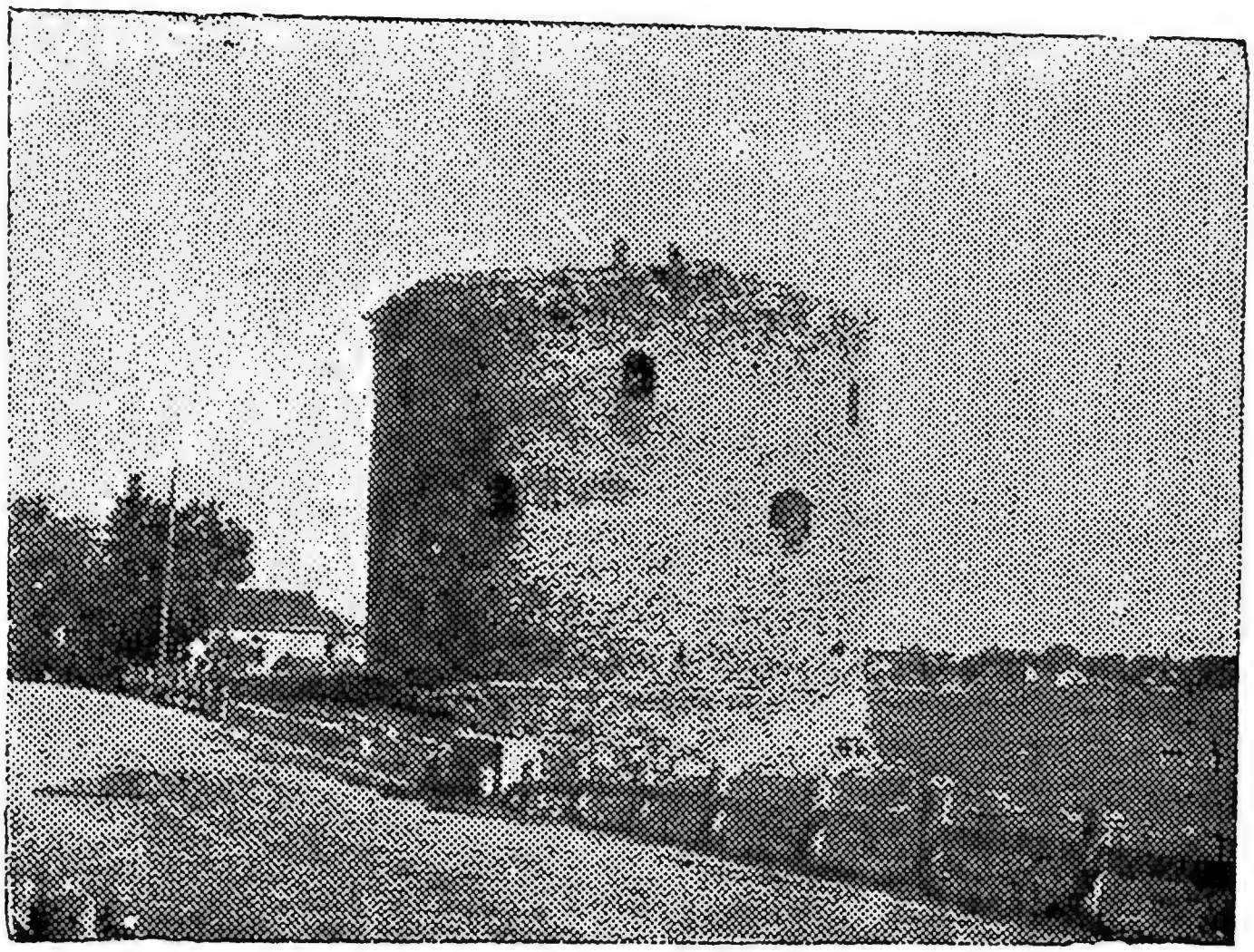


Рис. 28. Белая башня на земляном валу внешнего оборонительного пояса (Софийская сторона).

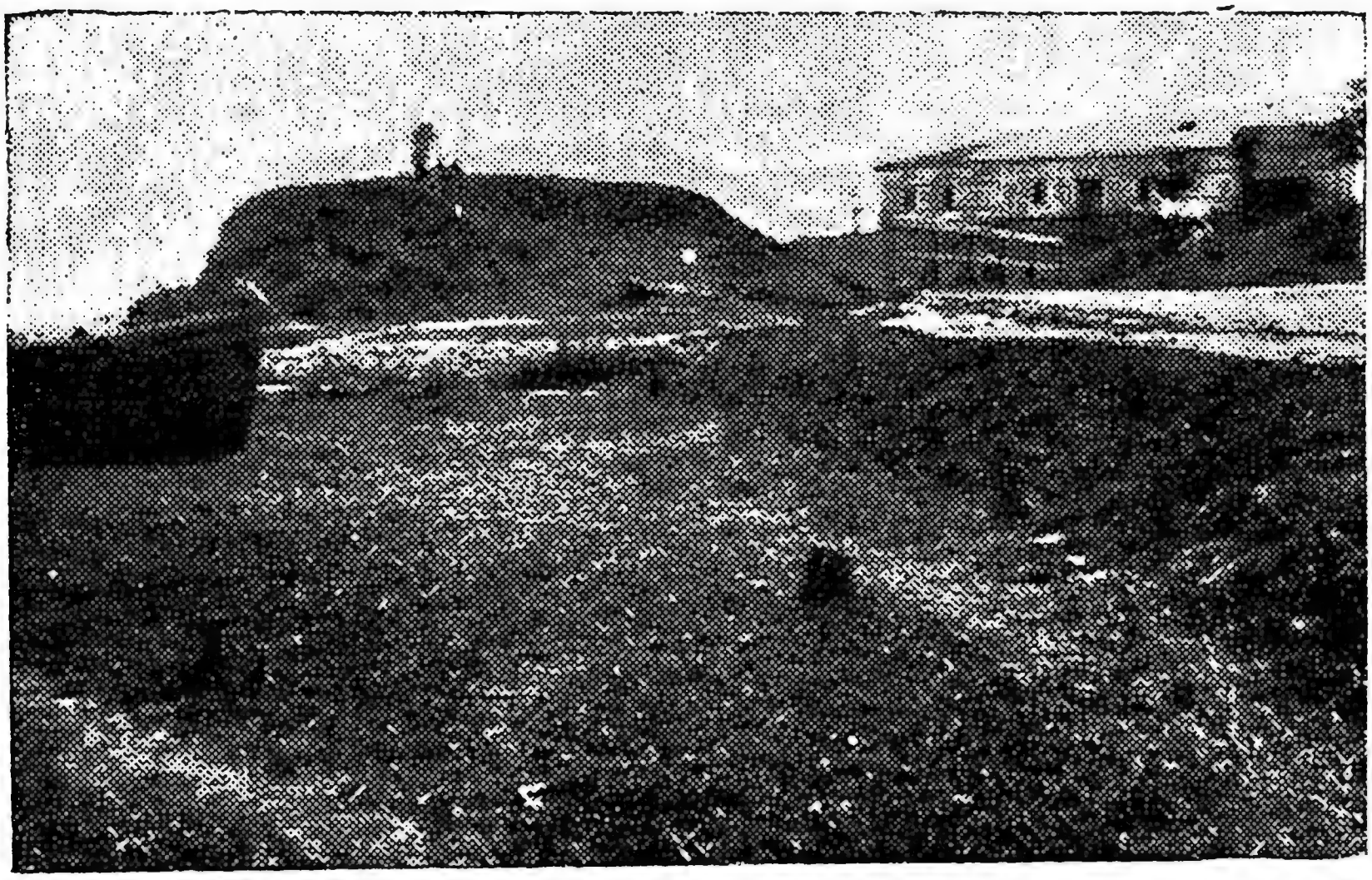


Рис. 29. Остатки земляного вала среднего оборонительного пояса и петровского бастиона.

ЯРОСЛАВОВО ДВОРИЩЕ

НА Ярославовом Дворище сохранилось пять памятников, относящихся к XII—XVI вв.: Никольский собор (1113 г.), сооруженный князем Мстиславом Владимировичем, ц. Параскевы-Пятницы (1207 г.), построенная новгородскими купцами, ведшими торговлю с западом, две постройки XVI в. купцов Сырковых и гражданское сооружение—Грид-ница или вечевая башня (1472 г.).

Общеизвестны роль и значение Ярославова двора: он был важным политическим пунктом Новгорода, история которого начинается с XI века. До этого здесь, как выяснено раскопками, был дохристианский могильник и древнее культовое урочище. В конце XI и в первой половине XII столетия Ярославов двор был княжеской резиденцией. Сохранившееся грандиозное сооружение княжеского придворного Никольского собора говорит о том периоде истории русского народа, который мы называем периодом Киевского государства. Строительство этого громадного сооружения сочеталось с пышным и великолепным внутренним убранством. Остатки фресковой росписи и сейчас поражают своим художественным мастерством.

До 1478 года Ярославов двор был местом сбора вечевых собраний, являвшихся высшим законодательным органом, через которые бояре правили Великим Новгородом.

Во время вооруженного восстания смердов и черных людей против бояр-эксплоататоров Ярославов двор неоднократно превращался в пункт, где размещался главный штаб восставших. События знаменательного в истории классовой борьбы восстания Степанка 1418 года показывают, что восставшие захватили прежде всего Ярославов двор и уже оттуда выступили против бояр и их ополченцев. Бояре же сосредоточились в Кремле.

После присоединения Новгорода к Московскому государству, Ярославов двор отходит к Ивану III и затем к Ивану IV, как исконная резиденция князей. В XVI и XVII столетиях он переходит в собственность крупнейших купцов, сооружения которых на этом месте дошли до нашего времени. Археологические работы на Ярославовом Дворище, проводившиеся нами в течение двух лет, подтверждают вышеизложенное и дают новый богатейший материал для ха-

рактеристики как Ярославова двора, так и в целом различных сторон древней жизни русского народа.

* * *

История веча восходит к родовому строю. Летописные источники сообщают о народных собраниях еще до периода существования Киевского государства [1].

В. И. Сергеевич, перу которого принадлежит специальное исследование „Вече и князь", где автор собрал огромный материал по истории народных собраний древней Руси, не различает периодов в истории веча. Между тем факты, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят, что вечевые народные собрания, характерные для периода военной демократии, с образованием Киевского государства почти заглохли [2].

В период существования Киевского государства вечевых собраний мы, собственно говоря, не знали. Князья и знать без совещания с народом решают государственные вопросы [3]. В период феодальной раздробленности деятельность веча усиливается. В Новгороде, особенно после событий 30-х годов XII ст., когда власть князя была ограничена, усиливается деятельность веча, но уже на новой классовой основе [4].

Вече избирало исполнительную власть, издавало и отменяло законы, объявляло войну и заключало мир. Вообще все крупные государственные вопросы проходили через вече.

Посадник, тысяцкий, старосты, кончанские и уличные, сотские, биричи, подвойские, вечевой дьяк и управители новгородскими владениями были избранными; новгородский архиепископ — председатель „Совета господ" — был также выборным.

Вече было верховной властью в Новгороде. Князья с 30 годов XII столетия, как уже указано, были ограничены. А в XIV и XV ст. новгородские князья, как это совершенно правильно доказано А. В. Арциховским, не играли никакой роли в управлении [5].

Под 1270 годом I Новгородская летопись сообщает о постановлении веча в отношении к князю Ярославу Ярос-

---

[1] Говоря о событиях после смерти трех братьев: Кия, Щека и Хорива, летописец замечает: „И наидоша я козаре... и реша: платите нам дань; сдумавши же поляне и даша от дыма меч". I. Н. Л. См. В. И. Сергеевич, „Вече и князь". Москва. 1867, стр. 1—22.

[2] В. И. Сергеевич, Указанное сочинение, стр. 19.

[3] Смотри договоры 911 и 946 годов, грамоты на земли князей Святослава Ольговича и Мстислава Владимировича. Памятники истории Киевского государства XI—XII вв. Ленинград, 1936 г., Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Ленинград, 1935 г.

[4] Б. Д. Греков, Киевская русь. Изд. 1939 г.

[5] Доклад А. В. Арциховского на научном совещании УНГМ в июне 1937 г.

Рис. 30. Ярославово Дворище.

вичу: „а ныне, княже, не можем терпети твоего насилья; поеди от нас, а мы себе князя помыслим". Князь же присла на вече Святъслава и Андрея Боротиславича с поклоном: „того всего лишюся, а крест целую на всей воли вашей". Новгородци же отвечаша: „княже, поеди проче, не хотим тебе; али идем всь Новгород прогонит тебе". Князь же пойде из города по неволи".[1]

Это лишний раз указывает на то, что безраздельными хозяевами Новгорода, несмотря на широкие полномочия вечевых собраний, были бояре, крупнейшие землевладельцы-эксплоататоры.[2]

Первое летописное известие о проведении вечевого собрания в Новгороде относится к 1016 году[3] (в Киеве 1068 г.).

Вечевые собрания происходили то на Ярославовом дворе, то на площади перед Софией, то в других местах. Иногда в летописи место вечевого собрания определяется термином „поле". Как понимать этот термин? Может быть, место „на поле" позже стало называться Ярославовым двором. Подтверждением последнего, как будто, может служить тот факт, что летописи до XII века не упоминают ни о каких постройках на месте Ярославова двора; археологические раскопки также показали, что место между церквами Параскевы-Пятницы и Николо-Дворищенским собором не было заселено, здесь нами найден дохристианский могильник; кроме того можно думать, что здесь было важное культовое урочище древнего новгородского поселения.

Упоминание летописи о сборе веча в 1016 году является для XI века единственным, т. е., выражение „вече" больше не встречается, но под 1071 годом[4] в связи с восстанием, возглавляемым волхвами, новгородцы собрались и, видимо, на вече.

Таким образом, летописец отметил два случая сбора веча в XI веке. Это и понятно, поскольку вечевое устройство было фактически заменено властью князя.

Название „Ярославов двор" впервые упоминается в первой Новгородской летописи под 1208 годом: „Приде Лазорь, Всеволожь мужь, из Володимиря, и Борисе Мирошкиниць повеле убити Ольксу Събыславиця на Ярославли дворе, и убиша и без вины, въ суботу, марта въ 17, на святаго Альксия".[5]

Запись, дошедшая до нас в III Новгородской летописи под 1030 годом, указывает на пребывание князя Ярослава

---

[1] I Н. Л.
[2] См выше—Исторический очерк.
[3] I Н. Л.
[4] I Н. Л.
[5] I Н. Л.

на своем дворе около позднее построенного Никольского собора—центрального места Ярославова Дворища.

„Того же лета Ярослав иде в Новгород, и посади в Новгороде сына своего Владимира 14 лет; и жил великий князь Ярослав на Торговой стороне, близ реки Волхова, где ныне церковь каменная Николая чюдотворца, яже и доныне словет Ярославле дворище“.[1] Приведенная запись и была использована многими авторами.[2] Правда, В. С. Передольский склонен думать, что князь жил и в Кремле[3].

Возможно, что отмеченный летописью факт относится только к началу XI в. Но это предание, занесенное в третью Новгородскую летопись, ни в коей мере не может опровергнуть того, что в XI веке (с момента постройки Кремля, 1044 г.) княжеской резиденцией был именно Кремль.

Первый раз в летописях упоминается „княжеский двор“ на Ярославовом дворе в связи с постройкой Николо-Дворищенского собора в 1113 году[4].

Следовательно, княжеский двор был где-то близ Никольского собора на Дворище. Князь Мстислав Владимирович, строитель указанного собора, жил здесь, так же как и его сын, известный по событиям 30-х годов, Всеволод.

Вечевые собрания за весь период Новгорода Великого проводились чаще всего на Ярославовом дворе.

В 70-х годах XV столетия Новгород лишается своей самостоятельности. Завоеванный московским великим князем, он включается в систему Московского государства наравне с другими ранее существовавшими княжествами.

В 1478 году новгородское боярство принуждено было полностью принять предъявленные Иваном III условия: „вечевому колоколу не быть, посаднику не быть, а государство нам держать как в Москве“[5].

С этих пор Новгород Великий вошел в состав единого русского национального государства.

В 1478 же году при переговорах с новгородской делегацией об условиях мира великий князь Иван III потребовал отдать ему в собственность Ярославов двор: „Генваря 12 прииде к великому князю владыка, а с ним прежереченныи посадници и житьи, и били челом, чтобы им с бояры говорити. И князь великий бояр к ним на говорку послал, и они о дворе великого князя о Ярославле отвечали так: „тот, господине, двор наших государей великих князей,

---

[1] III Н. Л.

[2] И. Красов, О местоположении древнего Новгорода, Новгород. 1851 год, стр. 88. В. С. Передольский, Новгородские древности, стр. 59. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М. 1806 г.

[3] В. С. Передольский, Указанное сочинение, стр. 59.

[4] II Н. Л.

[5] Никоновская летопись.

хотят тот свой двор взяти, ино перед богом да перед ними; а захотят государи наши и в околотке взяти место против своего того двора, ино, господине, перед ними“ [1].

Затем великий князь Иван послал в Новгород наместников князя Стригу и его брата Ярослава, „велел им стати на своем дворе великого князя Ярославли“ [2].

Рис. 31. Вечевая башня (Гридница), 1472 г. Вид с сев.-зап. стороны.

Иван IV в 1572 г. в июне повелел избы становити на своем дворе, на дворище, а в августе колокол новый поставили на дворищи у Жен Мироносиц у двора государевого [3]. В 1580 г. погорел государев двор на Ярославовом дворище [4]. Интересно отметить, что в 1571 году Иван IV под дворищенскими церквами (Николая, Жен Мироносиц и Пятницкой) расположил свою казну, предоставив для охраны 500 стрельцов. В 1572 году из Московской Государевой казны привезли еще 450 возов.

Из документов XVII века видно, что отдельные сооружения Ярославова двора, по решениям наместников и воевод, передаются в оброчное содержание торговым людям.

На Вечевой площади с давних пор стояло специальное сооружение, связанное с деятельностью веча,— **ВЕЧЕВАЯ БАШНЯ**. Сообщение о единственном гражданском сооружении, сохранившемся на Ярославовом Дворище, находим

---

[1] Софийская II летопись.
[2] Софийская II летопись.
[3] II Н. Л.
[4] III Н. Л.

в IV Новгородской летописи под 1472 годам: „Того же лета на княже дворе поставиша Гридницу камену".

Гридница представляет собою сложное надвратное сооружение, восьмигранный верх ее стоит на четырехгранной форме; с южной стороны к основному четырехугольнику примыкает помещение с коробовыми сводами, а с севера — древние ворота. Восьмигранный верх имеет открытую первоначальную площадку со сквозными арками наподобие колоколен. Возможно, что современная шатровая крыша восьмигранника в основном повторяет первоначальную форму.

Общий тип этого сооружения не является исключением в новгородском зодчестве XV века. Известны два восьмигранных здания: Часозвоня и хутынская постройка 1445 года, которая подробно описана во II Софийской летописи в связи с постройкой церкви Григория Великия Армении (в том же Хутынском монастыре).

Восьмигранный верх Гридницы мог быть вечевой башней, наверху которой висел вечевой колокол, при этом нужно иметь в виду, что она строится за шесть лет до присоединения Новгорода к Москве, т. е. во время действия веча, само название—Гридница—указывает на наличие здесь какого-то правительственного учреждения.

На центральном месте дворища стоит **НИКОЛО-ДВОРИЩЕНСКИЙ СОБОР,** заложенный князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха, в 1113 г. и оконченный в 1136 г. (им же была заложена церковь Благовещения на Городище 1103 г. и расширен Кремль в 1116 г.).

Никольский собор был придворной церковью новгородских князей, почему и пользовался особыми преимуществами; его причт, например, находился в большей зависимости от князя, чем от новгородского архиепископа. В 1136 г. новгородский архиепископ Нифонт, исходя из довольно обостренной обстановки, не стал венчать князя Святослава Ольговича, призванного в Новгород после изгнания Всеволода, на дочери новгородца, тогда „оженися князь Святослав Ольговичь Новгороде, и веньцяся своими попы у святого Николы..."

Собор—шестистолпный, ныне одноглавый; первоначально имел 5 глав. Под собором высокое подцерковье, которое устроено не раньше XVI века. В юго-западной части подцерковья сохранились фрагменты фресок: изображение „Страшного суда" и композиция „Иов на гноище". В 1935 г. работниками Реставрационной мастерской Управления Новгородских Государственных Музеев были открыты также фрагменты фресок на так называемом горнем месте, под полом. Эти фрагменты представляют большой интерес, поскольку они относятся к началу XII века (фрагменты фре-

сок, относящихся к началу XII века, имеются еще только в трех новгородских памятниках: в соборе Антониева монастыря, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в Софии; фресковая стенопись конца XII века представлена в Новгороде довольно полно).

Кроме того, в 1937 году при раскопках на Ярославовом Дворище, произведенных Упр. Гос. Новгородских Музеев на участке между Никольским собором и ц. Параскевы-Пятницы, были найдены на глубине 40—60 см. многочисленные фрагменты фресок XII века. Эти фрески были сбиты со стен Никольского собора при ремонтных работах в начале XIX века.

Во время этих же раскопок установлено, что, подобно Георгиевскому собору Юрьева монастыря, данный памятник имел четыре горизонтальных яруса ниш и окон. К настоящему времени нижний ярус ниш находится в земле, так как вокруг стен собора с начала XII века образовался культурный слой мощностью до 2½ метров.

По архитектурному стилю Никольский собор сходен с другим княжеским сооружением—с Георгиевским собором Юрьева монастыря, а также с собором Антониева монастыря, построенного Антонием (римлянином).

Первоначально Никольский собор имел посводное позакомарное покрытие и купола сферической формы.

По всей вероятности, к одному из углов западного фасада памятника примыкала башня, возможно, связанная с деревянными княжескими хоромами.

Фасады памятника имеют массивные, сильно выступающие пилястры. Четырехскатные крыши и многие оконные проемы относятся к позднейшему времени (к XIX в.).

В западной внутренней части памятника сохранились древние княжеские хоры. Лестница, проложенная к ним в толще западной стены, сделана не раньше XVI века, а первоначально должна была находиться в наружной угловой башне.

Шесть столбов внутри постройки имели первоначально крещатую форму и на внутренних стенах им соответствовали массивные пилястры. Несмотря на многие искажения при поздних ремонтах, первоначальные формы столбов и внутренних пилястр хорошо видны в своих верхних частях. Древние своды и арки хорошо сохранились.

Стены памятника сложены на известковом растворе, из чередующихся рядов тонкого кирпича и плиты.

На юг от Никольского собора стоит церковь **ПРОКОПИЯ** 1529 г. Церковь имеет внизу обширные двухэтажные подвалы, предназначенные для хранения товара. Вверху сохранились остатки фресковой живописи.

Напротив церкви Прокопия через переулок — церковь **ЖЕН МИРОНОСИЦ**, построенная в 1510 г. на старой основе. План нижней части церкви сохраняет тип княжеских сооружений первой половины XII в. Летопись пропускает год ее первоначального построения, упоминая о ней впервые под 1299 г. по поводу пожара. О том, что она поставлена на прежней княжеской основе, подтверждает летописная запись под 1445 г. Подобно церкви Прокопия, в церкви Жен Мироносиц также устроены подвалы, предназначенные для склада товара, оба эти здания построены московскими купцами Сырковыми и были их фамильными церквами, а одновременно хранилищами их товаров, безопасными благодаря каменным стенам и „святости" места.

На север от Никольского собора—церкви **ПАРАСКЕВЫ-ПЯТНИЦЫ, УСПЕНИЯ** и дальше через Первомайскую улицу—**ИВАНА НА ОПОКАХ**.

Церковь **ПАРАСКЕВЫ-ПЯТНИЦЫ** поставлена новгородскими купцами, ведшими торговлю с иностранцами в 1207 г. Перестраивалась она в 1345 г.

Новгород уже в XII веке имел большие торговые связи с западно-европейскими городами. На Ярославовом дворище также был торговый двор и церковь святого Петра ганзейских иностранных купцов. Новгородские купцы в свою очередь имели „становища" в ряде западно-европейских городов; на Готланде, в Висби, стояла и русская церковь[1].

В Новгороде же торговавшие с заграницей купцы были объединены вокруг своей патрональной церкви Параскевы-Пятницы, впервые упоминаемой в 1156 г.

На формах церкви Параскевы-Пятницы сказалось влияние западно-европейской архитектуры.

Церкви же **УСПЕНИЯ**[2] и **ИВАНА НА ОПОКАХ** — постройки князя Всеволода Мстиславича. Этими сооружениями кончается княжеская строительная деятельность на территории самого города. Помимо указанных церквей (Успения, заложенной в 1135 г., за год до восстания 1136 г., и оконченной в 1144 г., Ивана на Опоках, 1127 г.) — им еще был заложен в 1119 г. знаменитый Георгиевский собор Юрьева монастыря, о котором см. ниже.

Княжение Всеволода в Новгороде начинается в 1117 г. и продолжается до 1132 г. Он первый из новгородских князей подвергается резким репрессиям со стороны восставших, в 1132 г. Всеволод был изгнан — „бысть встань велика в людех и придоша пльсковицы и ладожане Новугороду, и вы-

---

[1] Schlüter W. Die Nowgoroder Skra in ihrer geschichtlichen Entwickelung vom 13 bis 17 Jahrhundert. Dorpat 1911.

[2] Этот памятник не представляет особого интереса, поскольку от XII века сохранились только самые нижние части.

гониша князя Всеволода“ [1]. Через некоторое время новгородцы опять пригласили князем Всеволода, и княжение его продолжалось до 1136 г. В 1136 г. снова собираются на вече новгородцы и жители пригородов, смещают князя Всеволода, затем следует его арест и заключение на епископском дворе.

Церковь Ивана на Петрятине дворе или на Опоках построена в 1127—1130 гг. и вскоре специальной грамотой была передана новгородским („иванским“) купцам. Передача купцам, как можно предполагать, судя по событиям, была вызвана политическими целями. В 1130 г. церковь была достроена, а в 1132 г. произошло восстание и изгнание Всеволода.

Иванское купечество состояло из наиболее богатых новгородских купцов-вощаников. Зачисленным в это Иванское купечество, согласно грамоте, мог быть только тот, кто внесет взнос в размере 50 гривен серебром, после чего внесшему эту сумму купцу давалось почетное имя „пошлого“ (заплатившего пошлину). При этой церкви находился специально правительственный орган по делам торговли и купеческий суд. Во главе стоял тысяцкий города, под начальством которого судили и правили три старосты от боярства и двое от купечества [2].

Иванское купечество находилось в тесной торговой связи с иностранными купцами. Оно монополизировало торговлю воском, который наряду с мехами был главным объектом иностранной торговли новгородцев.

Кроме того, иванские купцы торговали ввозным сукном, вследствие чего специальная мера сукна имела название „локоть иванский“.

Дошедшая до нас церковь Ивана на Опоках есть результат перестройки 1453 г. Однако несомненно, что реконструкция архиепископа Евфимия 1453 г. преследовала „реставрационные“ цели, так как до сих пор памятник сохранил многие черты, позволяющие отнести его к типу новгородских княжеских сооружений первой половины XII века.

План сооружения сильно вытянут с запада на восток, северный и южный фасады разбиты сильно выступающими массивными пилястрами на четыре деления каждый. Три равновысокие апсиды поднимаются до самого верха фасада. Шесть столбов внутри имеют сейчас прямоугольную форму плана, но первоначально, несомненно, были крещатыми и опирались на внутренние пилястры, которые частично сохранились. Под современной четырехскатной крышей сохранились древние полукружия, которые указывают на то, что древнее покрытие памятника было позакомарным. С 1453 г. памятник

---

[1] I Н. Л. под 1132 г.

[2] Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, изд. Л. Г. У. 1935, стр. 41—42.

получил одну главу, а ранее, несомненно, имел несколько (три, пять или шесть).

Большинство оконных проемов относится к позднейшему времени. Только в средней части центральной апсиды сохранилась высокая и узкая ниша типа XII века.

До реконструкции 1453 г. памятник имел один этаж. Сводчатое подцерковье могло возникнуть не раньше этой даты.

Приведенные данные позволяют считать, что нижняя часть памятника относится к XII веку, а верх заново выстроен в 1453 г.

ПАМЯТНИКИ XII—XVII ВЕКОВ НА ТОРГОВОЙ СТОРОНЕ НОВГОРОДА И В ОКРЕСТНОСТЯХ

ЕСЛИ в культовых памятниках XI—XII вв. отражается тип византийской архитектуры, то культовые памятники XIII века и в особенности XIV века указывают на связь с западно-европейской архитектурой.

Строительство от князей переходит в руки бояр, иногда епископа, сохраняя типичное для Новгорода стремление к колоссальности. Живопись в этот период имеет преимущественное значение.

Ценность памятников XIV века заключается прежде всего в том, что только в Новгороде исключительно богато сохранились разнообразные сооружения этого периода.

Ц. „СПАС НА ИЛЬИНЕ". Построена в 1374 г. В плане она имеет вид прямоугольника. Арки и своды утверждены на 4 столбах. Углы здания понижены. Каждый из четырех фасадов увенчан многолопастным фронтоном. Фасады разделены лопатками на 3 части и каждая увенчана многолопастными арками, рядами впадинок и жгутами; те же мотивы орнамента есть и на стенах. Фасад апсиды обработан тонкими колонками-жгутами по образцу западно-европейских церквей. Фасады завершаются многолопастными арками (что отличает памятники этого периода от ранне-византийских форм посводного покрытия XI—XII вв.). Церковь имеет одну главу с четырьмя узкими окнами, которая обработана типичным для новгородской архитектуры XIV в. орнаментальным поясом.

Этот памятник получил широкую известность главным образом благодаря сохранившейся фресковой живописи 1378 г., принадлежащей кисти знаменитого художника XIV века Феофана (Гречина) Грека. Роспись выполнена по заказу новгородского боярина Василия Даниловича, которого можно считать и строителем этого памятника.

Живопись Феофана Грека отличается чрезвычайной смелостью и лаконичностью. Очень эффектна немногоцветная коричнево-желтая, с массивными белыми и зеленоватыми бликами, расцветка. Все композиции прекрасно соответствуют архитектурным формам, не сбивая и не уничтожая их. Главное внимание уделяется изображению мощных человеческих фигур, которые полны движения. Разработка мотивов дви-

жения особенно характерна для творчества Феофана Грека.

С именем этого мастера связаны стенные росписи еще в 2 памятниках Новгорода—в церквах „Федор Стратилат“ и „Волотово“.

О творчестве Феофана Грека до нас дошло письмо его современника, известного Епифания.

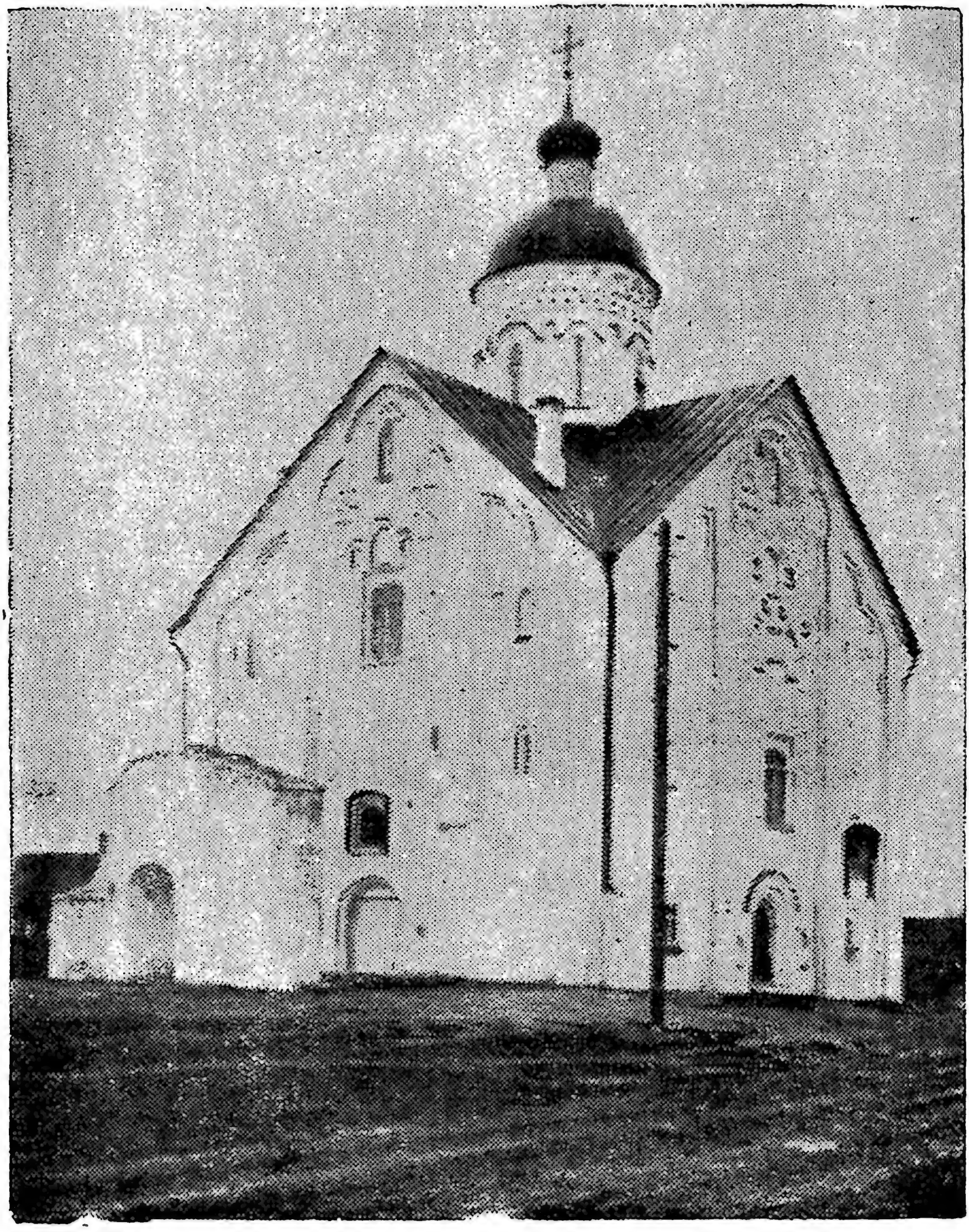


Рис. 32. Боярское сооружение — ц. Спас на Ильине, 1374 г.

„Когда я жил в Москве,—писал Епифаний Кириллу Белозерскому,—там был в живых преславный мудрец, очень искусный философ, Феофан, родом грек, знаток книг и художник, среди иконописцев изящный живописец, который собственною рукою покрыл росписью много различных—пожалуй, более сорока—каменных церквей, какие имеются по (разным) городам, как-то: в Константинополе, и в Халкидоне, и в Галате, и в Каафе, и в Великом Новгороде, и в Нижнем. Но в Москве им расписаны три церкви: Благовещения, святого Михаила и еще одна; в церкви святого Михаила он на стене изобразил город, подробно вырисовав его в красках; у князя Владимира Андреевича на каменной стене он также изобразил Москву; терем у великого князя расписан (им) невиданною (раньше) и великолепною росписью, а в каменной церкви святого Благовещения написал „Корень Иессеев" и „Апокалипсис". Когда он все это изображал или писал, никто не видел, чтобы он когда-либо смотрел на образцы, как (это) делают некоторые (другие) иконописцы, которые в недоуменных случаях, постоянно отвлекаясь (от работы), глядя туда и сюда, не столько писали красками, сколько смотрели на образцы; он же (т. е. Феофан) казался таковым, что руками пишет роспись, сам же беспокойно ходит, беседует с приходящими, а сам умом размышляет, что выше и что разумно, а чувственными глазами видит при этом разумную красоту. Этот предивный и знаменитый муж питал любовь к моему ничтожеству; и я, ничтожный и неразумный, часто находил великое дерзновение беседовать с ним, ибо любил с ним беседовать.

Если кто побеседует с ним или мало или много, то нельзя не подивиться его разуму, его иносказаниям („притчам") и искусству. Когда я увидел, что он меня любит и что он мною не пренебрегает, то я к дерзости присоединил бесстыдство и попросил его: „прошу твое искусство, чтобы ты красками написал мне изображение великой святой Софии Цареградской, которую воздвиг великий Юстиниан, уподобляясь премудрому Соломону; некоторые говорили, что по качеству и величию это — Московский Кремль внутреннего города и кольцо вокруг него и основание, которое надо обходить кругом: если чужой войдет сюда и начнет ходить без проводника, то ему не выйти, не заблудившись, если ему кажется, что он и весьма мудр (и это) — ввиду множества колонн и арок, входов и выходов, переводов и переходов, и различных комнат и церквей, лестниц и хранильниц, усыпальниц, разного наименования преград и переделов, окон и путей и дверей, лазов и вылазов и заодно каменных столпов; упомянутого Юстиниана напиши мне сидящим на коне и держащим в правой своей руке медное яблоко (говорят, размеры его таковы, что туда можно влить

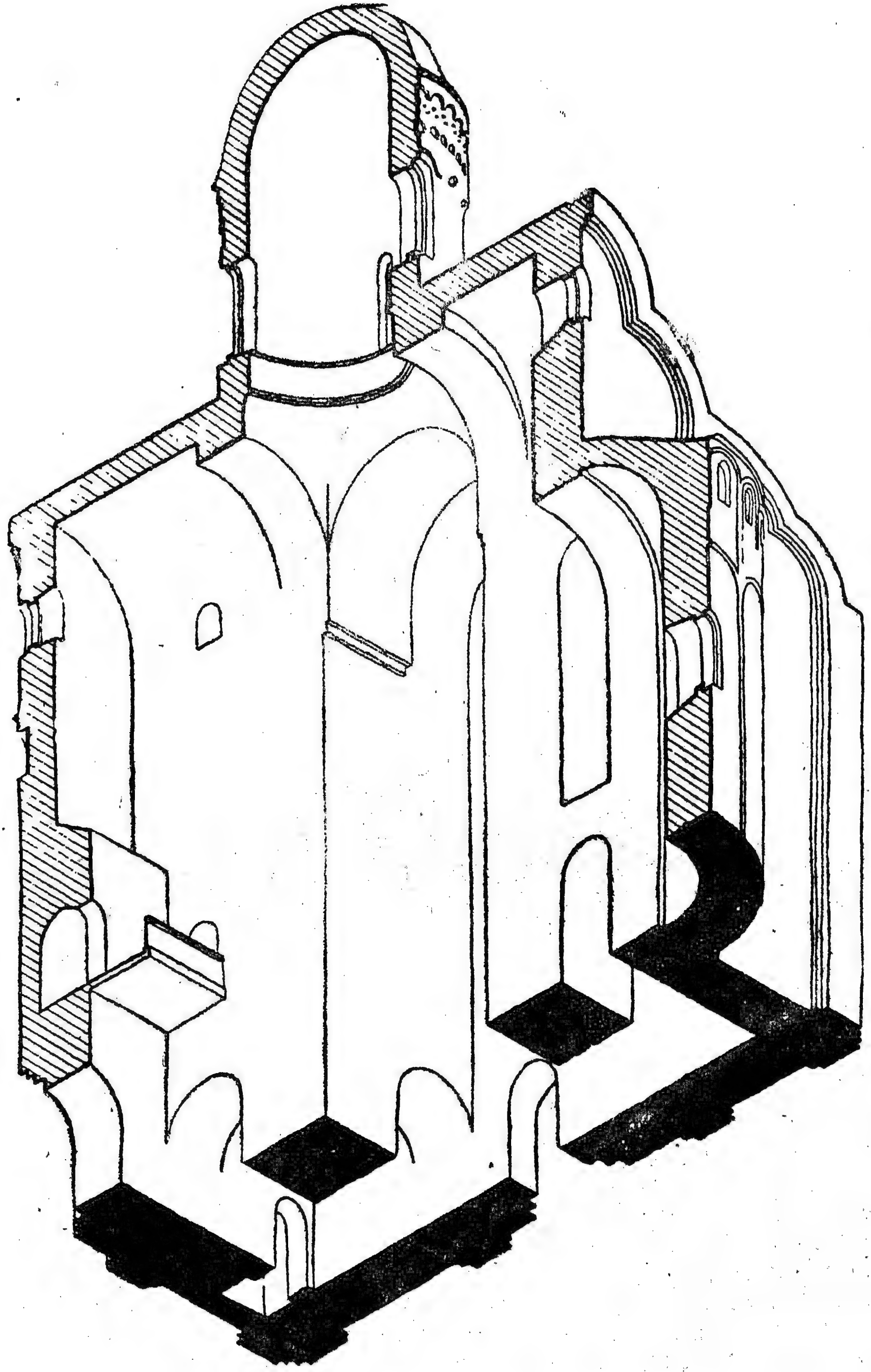


Рис. 33. Разрез конструкции ц. Спаса на Ильине.

два с половиной ведра воды); все высказанное изобрази на книжном листе, чтобы я мог положить это в начале книги и, вспоминая твою работу и глядя на такой храм, мог бы представлять себе, что находишься в Цареграде". Он же, мудрец, мудро ответил мне. „Невозможно, сказал он, ни того тебе получить, ни мне написать, но, впрочем, ради твоей докуки я частично напишу тебе, и это не часть, это—сотая доля, от множества—малость, но благодаря этому малозначительному нашему изображению ты уразумеешь и привыкнешь к прочим большим вещам". Сказав это, он смело взял кисть и лист и быстро написал похожее на храм изображение, наподобие подлинной церкви в Цареграде, и дал его мне. От того листа была великая польза и прочим московским иконописцам, так как многие перерисовали его себе, соревнуясь друг перед другом и перенимая друг у друга. После всех решил и я, как живописец, написать это в четырех видах и мы поместили такой храм в своей книге в четырех местах..."

Рис. 34. Фреска ц. Спаса на Ильине — голова Авеля, работы Феофана Грека, 1378 г.

В 1935—1936 гг. и ранее произведены были большие работы по расчистке феофановской фресковой живописи, оказавшейся в неплохой сохранности.

В 1936 г. также были предприняты работы по реставрации этого памятника, в результате чего убрана позднейшая пристройка; исправлена западная стена, частично искаженная этой пристройкой.

В XIV веке к церкви примыкал притвор, видимо, со звонницей; сейчас от него сохранилась только западная стена.

ЗНАМЕНСКИЙ СОБОР. Рядом с церковью „Спас на Ильине" стоит Знаменский собор, сооруженный в 1682—1688 гг. по образцу средне-поволжских зданий. Живопись исполнена в 1702 г. артелью костромских мастеров под руководством Ивана Бахматова. Заслуживает особенного внимания изображение Новгорода, помещенное на специально

сделанной раме для иконы „Знаменья" XII в. (икона находится в собрании У.Н.Г.М.). Этот вид чрезвычайно ценен, так как показывает древнюю топографию города.

„ФЕДОР СТРАТИЛАТ". На берегу Федоровского ручья стоит церковь Федора Стратилата, сооруженная в 1360—1361 гг. посадником Семеном Андреевичем. Живопись так же, как спасо-ильинская и волотовская, отличается сложностью композиций и большим живописным мастерством. Ее также приписывают кисти Феофана Грека, но, к сожалению, федоровские фрески дошли до нас в сильно поврежденном виде. Впервые живопись была освобождена от сплошной забелки в 1910 г. Большая работа по укреплению стенописи была проделана в 1935 г. У.Н.Г.М. Из росписи отметим изображение трех фигур в княжеском одеянии на хорах. По всей вероятности, здесь представлен великий князь Владимир с сыновьями Борисом и Глебом. Архитектура памятника особенно близка к спасо-ильинской.

Рис. 35. Фреска ц. Спаса на Ильине—Симеон столпник, работы Феофана Грека, 1380 г.

„РОЖДЕСТВО НА КЛАДБИЩЕ". Церковь Рождества на кладбище построена в 1381—1382 гг. из плиты и кирпича, украшена стенописью в конце XIV века. Ее живопись указывает на существование в Новгороде другой школы живописи в отличие от феофановской. Последние большие работы, произведенные в 1936 г. по расчистке и реставрации стенных изображений, позволяют отнести их к творчеству новгородских мастеров. Эта роспись по своему стилю сближается с новгородской иконописью этого же времени.

ВОЛОТОВО и КОВАЛЕВО. Волотовская церковь, построенная в 1352 г. архиепископом Моисеем, принадлежит

к числу первоклассных памятников по своей архитектуре и благодаря полностью сохранившейся росписи 1363 г.

Волотовская церковь, как большинство новгородских церквей XIV века, имеет вид куба, каменная, одноглавая; своды ее поддерживаются 4 столбами. С левой стороны—позднейший притвор (1839 г.), так же как и колокольня на западной стене. Первоначальное покрытие церкви было посводное, с чрезвычайно эффектным трехлопастным завершением фасадов, остатки которого хорошо видны и сейчас. Такую же форму кровли церкви видим на изображении памятника на одной древней фреске, имеющейся на внутренней южной стене, где представлен и строитель — новгородский архиепископ Моисей с моделью поставленной им церкви. На фреске с правой стороны помещен портрет другого лица—архиепископа Алексея, по повелению которого была сделана стенная роспись в 1363 г. Волотовская живопись является блестящей по своему исполнению. Представлены сложные композиции и отдельные фигуры с уверенной передачей движений. По характеру рисунка, живописной манере и системе композиции она стилистически близка к стенописям „Спаса на Ильине" и „Федора Стратилата", но поражает своею многокрасочностью. Большая часть исследователей относит волотовские фрески также к кисти лучшего мастера того времени—Феофана Грека.

Рис. 36. Знаменский собор, 1682—88 г.

Стенная роспись, как указано выше, относится к 1363 г., но на так называемом горнем месте алтаря под нынешнею росписью были открыты более ранние фрески, испещренные насечками, относимые ко времени самого построения—1352 г.

Эта роспись отличается от живописи 1363 г. более спокойной трактовкой фигур и иным стилем.

Почти против Волотова, по другую сторону Московского шоссе, на холме стоит **КОВАЛЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ**. Построена она в 1345 г. новгородским боярином Онцифором Жабиным.[1] Форма плана—крестообразная, к основному массиву церкви с южной, западной и северной сторон примыкают большие притворы. Как и другие постройки этого времени, она сложена из плитняка, булыжника и кирпича. Своды поддерживаются 4 столбами.

Рис. 37. Волотовская церковь, 1352 г.

Роспись относится к 1380 г., что отмечено в надписи на западной стене. Роспись изумительна по силе цвета и многоцветности. По сравнению с феофановскими фресками (спасоильинскими и др.) отличается менее свободной живописной манерой, более тщательной и немного сухой разделкой деталей и большей близостью к новгородской станковой живописи XIV—XV в. Некоторые исследователи предполагают участие в стенописи балканских (сербских) мастеров.

В 1908 г. в южном притворе под полом, на глубине около 0,5 метра обнаружены каменные саркофаги с костяками боярской семьи Жабиных. В 1937 г. притвор приведен в экспозиционное состояние.

---

[1] По новгородским летописям Онцифор в 1346 году во время мятежа убегает из города. В 1348 г. Онцифор участвовал в походе на шведов. В 1350 г. избран посадником, в 1354 г. сменен.

Рис. 38. Фреска Волотовской ц., архангел, 1363 г.

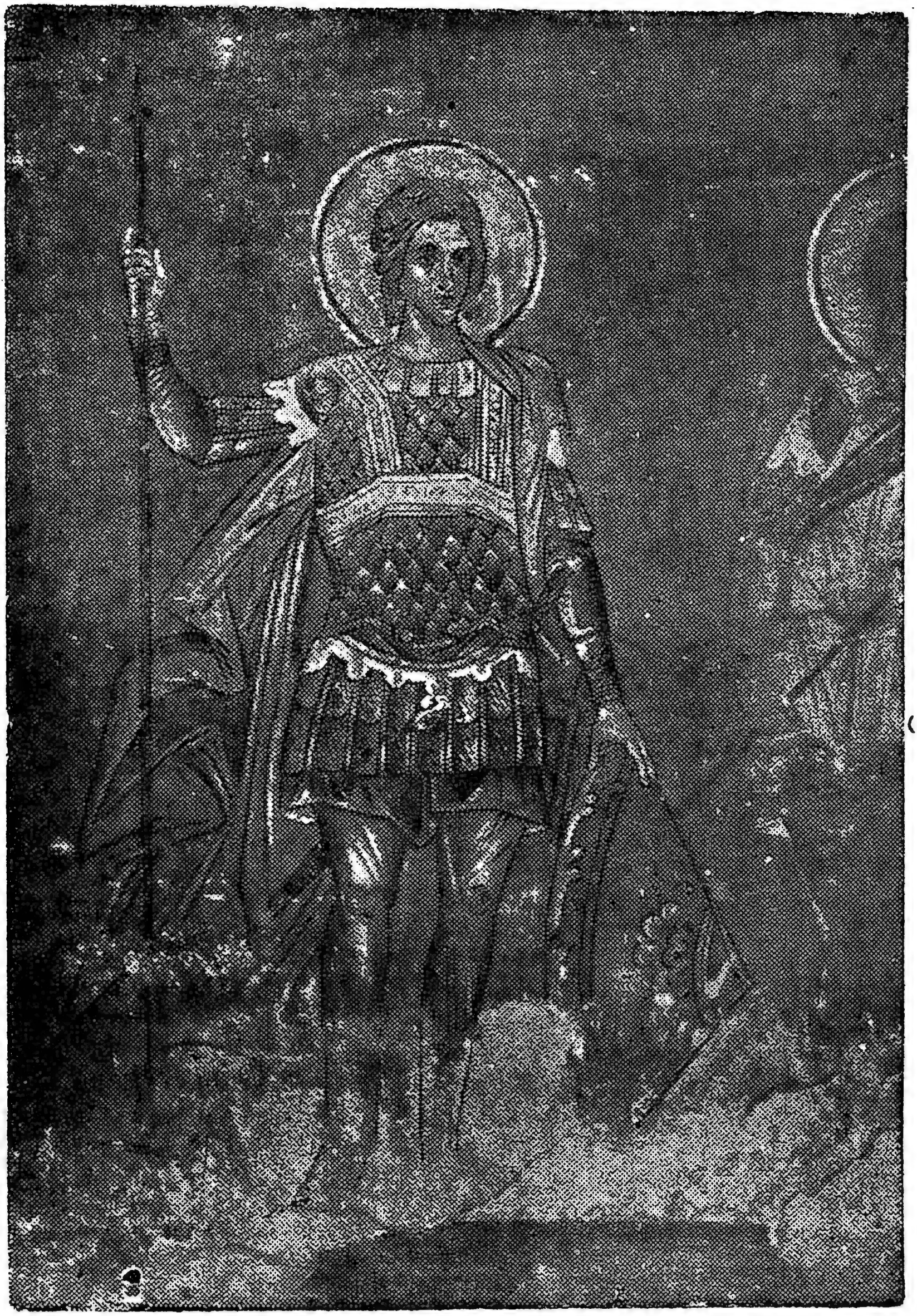


Рис. 39. Фреска Ковалевской ц., воин, 1330 г.

АНТОНОВО. На правом берегу Волхова, к северу от Новгорода, находится Антониевский собор, построенный Антонием (римлянином) в 1117—1119 г. по типу княжеских сооружений.

Грандиозность постройки указывает на богатство ее строителя. Сохранившаяся грамота ссылается на факт покупки Антонием громадного участка земли у посадничьих детей Семена и Прокофья Ивановых. Этот участок занимал площадь от городского вала до речки Донец по Волхову (примерно в 1,5 км.).

Рис. 40. Каменный саркофаг с боярским погребением. Найден в Ковалевской ц. в 1910 г.

Собор представляет собой хорошо сохранившийся архитектурный памятник. Несмотря на более поздние пристройки, окружающие собор с трех сторон, —с южной, западной и северной,—памятник хорошо сохранил свои основные части начала XII века. План собора сильно вытянут с запада на восток, в виде прямоугольника, к северо-западному углу которого примыкает круглая башня с круглым столбом внутри и лестницей, ведущей на хоры. Три полукруглых апсиды имеют одинаковую высоту и достигают крыши собора. Внутри система коробовых сводов и арок поддерживается шестью столбами, которые первоначально имели крещатый план, но впоследствии сильно стесаны. Хоры собора по своим размерам несколько меньше хор княжеских сооружений (Никольский, Георгиевский соборы). Они занимают только западную четверть сооружения. Памятник увенчан тремя главами. Первоначальное его покрытие было посводное (позакомарное). Современная четырехскатная крыша позднейшего происхождения. Верхние части барабанов украшены простым арочным орнаментом XII века. Большая часть оконных проемов сильно расширена в позднейшее время, и не сохранила своих первоначальных форм, последние можно наблюдать в верхних частях башни и в южной апсиде. Небезынтересно отметить, что Антониевский собор—единствен-

ный памятник, в котором сохранились два древние окна с деревянными оконницами, они были заложены кирпичом в конце XVII века при возведении южной пристройки. Пристройки относятся к концу XVII века. В стенах западной пристройки имеется много каменных погребальных плит с резными надписями XVII—XVIII вв. В алтаре и башне собора сохранилась стенная живопись 1125 года, расчищенная в 1923 и в 1927 гг. Первоначально она была обнаружена в 1898 г. Все фрески повреждены насечками, сделанными для новых изображений, закрывавших их в течение длительного времени. Несмотря на повреждения, многие фигуры дают хорошее представление о высоких художественных качествах этой стенописи. Фон фресок — синий, лица имеют светложелтый тон с красноватыми и зеленоватыми притенениями и краснокоричневыми контурами. Письмо человеческих фигур и лиц отличается замечательной объемностью и реалистичностью по сравнению с другими русско-византийскими памятниками XII века.

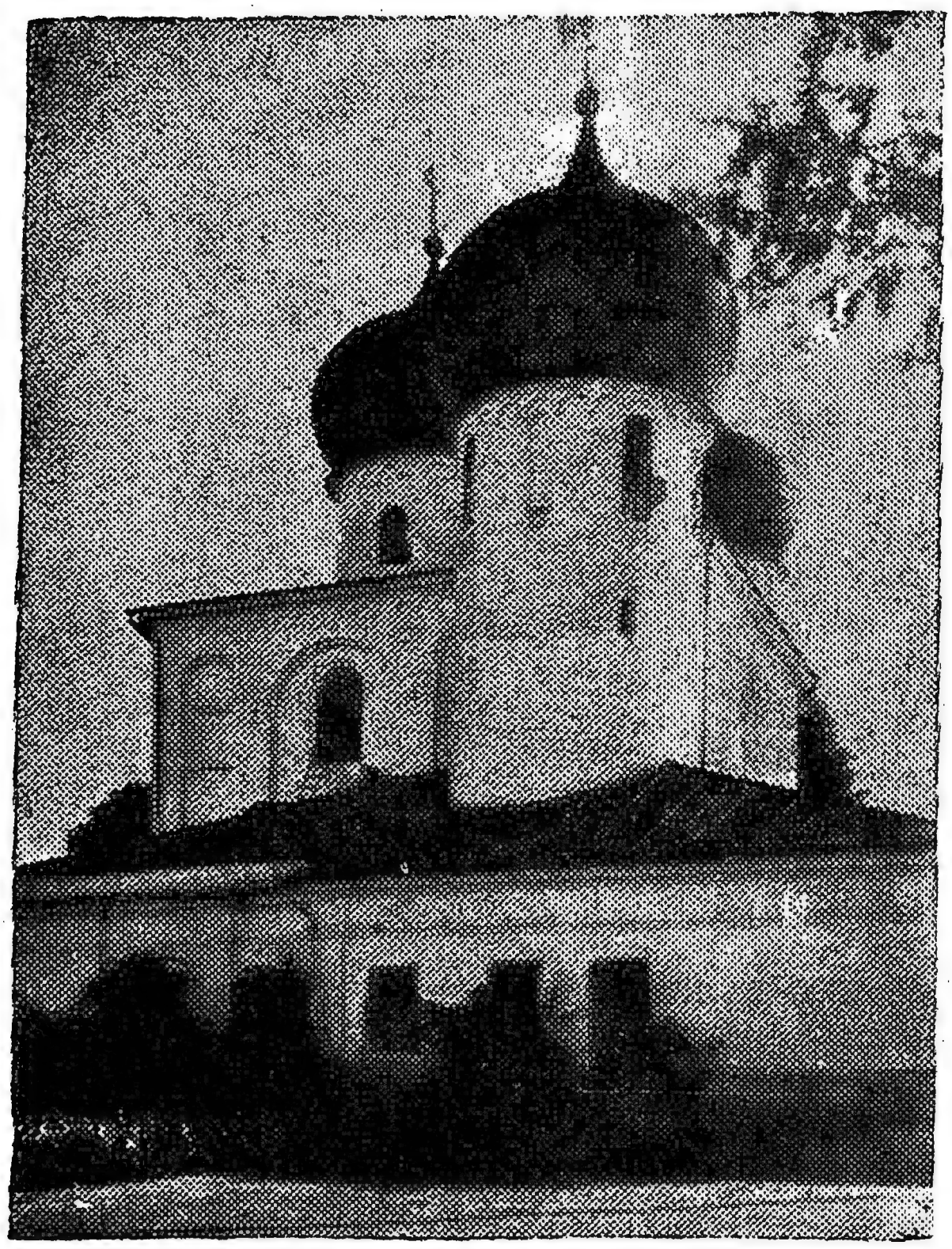


Рис. 41. Собор Антониева монастыря, 1117—1119 г.

В соборе сохранился полный иконный ансамбль XVI века. В западной стене собора находится большой камень, с которым связывается легенда о прибытии на нем водным путем Антония из Рима, прекрасно в своих целях использованная монастырем.

Там же в монастыре находится трапезная церковь Сре-

Рис. 42. Фреска собора Антониева монастыря, 1125 г.

тенья, 1533—1537 гг.,—одна из наиболее ранних трапезных церквей, среднерусского типа[1].

На пути из Антонова в город на берегу Волхова близ городского вала стоит церковь Ивана богослова на Витке, 1384 г. Дальше—сейчас же за валом—Бориса и Глеба, 1536—37 гг., строенная новгородскими мастерами, подражавшими типу среднерусских пятиглавых церквей.

---

[1] Антониев монастырь в январе 1918 г. был превращен в крепость. В нем засели белогвардейцы из 4-го Новгородского батальона, которому оказывала поддержку вся „обитель" монастыря.

ГОРОДИЩЕ. К югу от Новгорода на правом берегу Волхова возвышается холм, издревле называемый „Городищем".

На этом холме еще три тысячи лет до нашей эры жили предшественники новгородцев — первобытные рыболовы-охотники.

После событий 30-х годов XII столетия на Городище переселились урезанные в своих правах князья.

Во время присоединения Новгорода к московскому государству князь Иван III предложил, чтобы для него было „очищено" Рюриково Городище, как исконное место князей. По его заданию знаменитым архитектором Аристотелем был поставлен мост через Волхов от Городища к Юрьеву монастырю.

На Городище стоит церковь Благовещения, построенная в 1342—1343 гг. на месте старой княжеской постройки 1103 г. Живопись XIV века сохранилась в незначительной части. В 1935 г. были дополнительно раскрыты фрески в алтаре.

НЕРЕДИЦА. На Нередицкой горке, отделенной от Городищенской возвышенности Спасским ручьем, ныне перерезанным насыпью, находится церковь „Спас-Нередица", являющаяся, по общепризнанному выражению, музеем русского монументального искусства XII–XIII вв.

Нередица построена князем Ярославом Владимировичем в 1198 году. Выше указано, что после событий 30-х годов XII столетия заканчивается строительная деятельность князей на территории самого города. В дальнейшем княжеские постройки (упоминаются всего три, из них две деревянные) сооружаются за городом, на Городище. Факт построения одной каменной церкви (Нередицы), довольно небольшого размера, свидетельствует об истощении княжеской казны, что и понятно, поскольку князья после восстания 30-х годов XII столетия ограничиваются в своих правах и, главное, лишаются права владения землей.

Строитель Нередицы—Ярослав Владимирович—во время построения этой церкви княжил в третий раз (с 1182—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.).

Нередицкая церковь расписана фресками в 1199 г. В стенописи помещены лица княжеской фамилии, что свидетель-

ствует о назначении этой церкви как фамильной при княжеском дворе на Городище. При входе, направо, изображен отец Александра Невского, князь Ярослав в княжеском одеянии, стоящий с моделью церкви в руках. В конхе алтаря—русские князья Борис и Глеб. Изображение князя Ярослава наряду с наружными фресками Нередицы от-

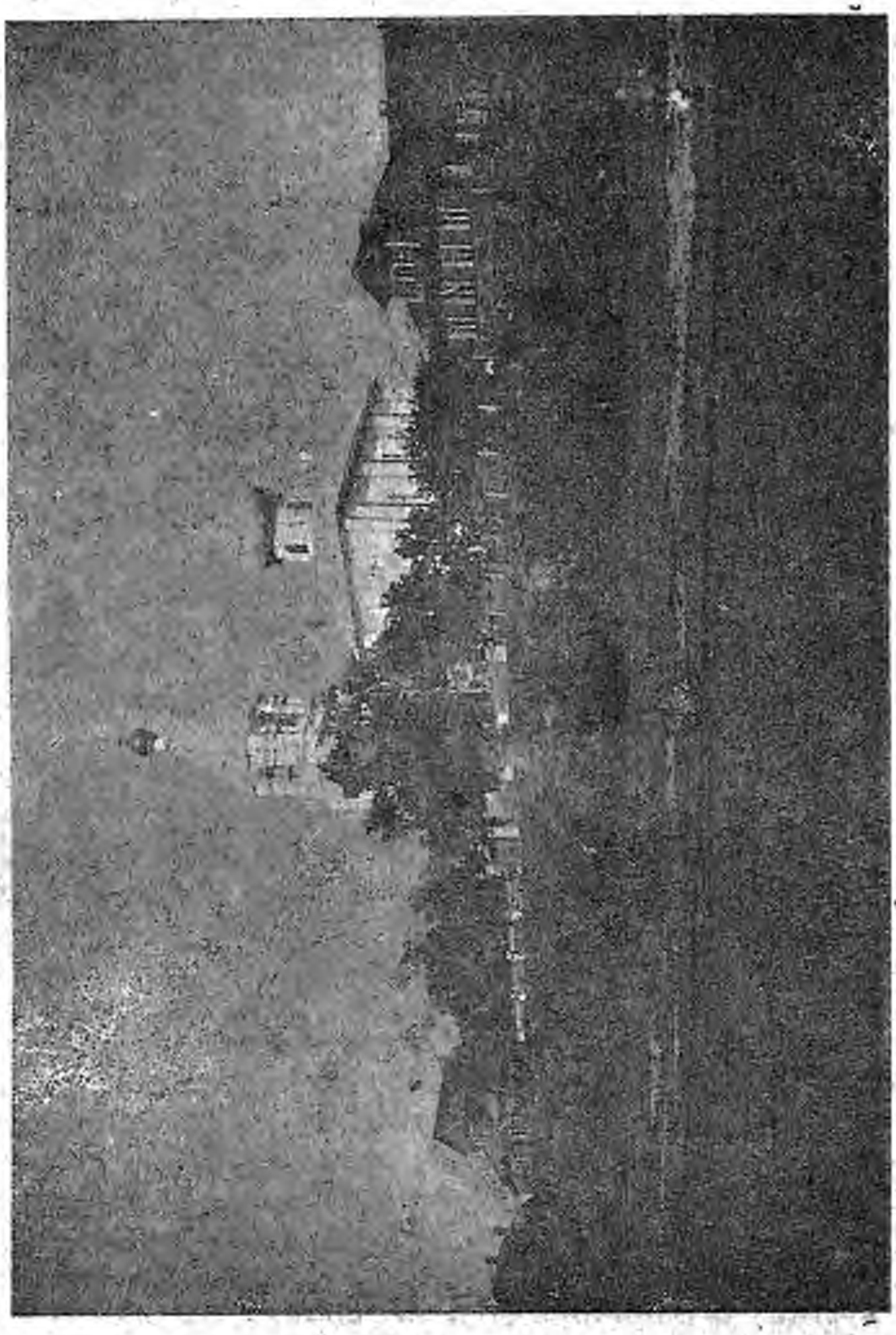


Рис. 43. Рюриково Городище под Новгородом.

носится к середине XIII столетия и сделано, повидимому, по распоряжению Александра Невского, вскоре после смерти Ярослава, в 1246 году.

Нередицкая церковь является совершенно исключительным памятником по сохранности своей стенной живописи,

которая дошла до нас почти целиком, со сравнительно незначительными утратами. Роспись разнообразна по своим художественным течениям. Здесь можно легко выделить работы шести различных художников; три из них тесно связаны с византийской манерой, а трех других можно отнести к новгородским мастерам. С наибольшей вероятностью к работе последних можно отнести композицию „страшный суд".

Разнообразие художественных приемов и манер, сильно отличающее отдельные группы изображений нередицкой стенописи, явно указывает на то, что здесь в 1199 году одновременно работало несколько художников различных на-

Рис. 44. Нередицкая церковь, 1198 г.

правлений. Кроме того, несколько фресок исполнено уже в XIII веке.

К работам русских художников относят большинство многофигурных композиций, кроме „вознесения“, в куполе, т. е., картины: „страшного суда“, „крещения“, „сретения“, „введения во храм б. м.“, „распятия“, „воскрешения Лазаря“ и др. Характерными признаками этого мастерства являются: большеголовые плоские фигуры, изображение всех голов повернутыми в три четверти, и очень условное расположение световых бликов на лицах и одеждах.

Рис. 45. Нередицкая стенопись 1199 г., орнамент.

Это искусство тесно связано со всем последующим развитием русской живописи в XIII в. и является уже ярким показателем значительности и самостоятельности русской художественной культуры конца XII века.

Кроме указанного русского мастера можно выделить среди других изображений в верхних частях стен жертвенника и диаконника еще двух других русских художников.

Среди мастеров византийской манеры можно указать на трех художников, выполнивших многочисленные изображения крупных человеческих фигур.

Первый мастер, отличающийся точностью и строгостью форм рисунка, сделал большое изображение б. м. „оранты“ в верхней части центральной апсиды, б. м. в „вознесении“, Христа—„ветхого деньми“, „нерукотворный“ образ Христа на восточной подпружной арке, воинов на южной стене, фигуры в медальонах и многие фигуры в нижних частях

Рис. 46. Нередицкая стенопись XIII в. — князь Ярослав, отец Александра Невского.

здания. Для этого мастера характерна мягкая и округлая ровная моделировка человеческих лиц с белесоватым или желтоватым высветлением на зеленой основе, подчеркнутая стройность пропорций человеческих фигур и лиц, точный и изящный рисунок, а также известная гармония условной линейности и умеренного объема.

Манера второго мастера[1] характеризуется следующими особенностями: фигуры отличаются некоторой удлиненностью пропорций и имеют небольшие головы с характерным строением скуластых ликов. В живописи лиц большое изобразительное значение имеет рисунок, везде ясно видный, точный и тонкий. Белильные мазки образуют резкие световые пятна, или в виде линий обрисовывают детали лика, сами при этом превращаясь в контур.

Таким образом, при слабой выраженности притенений, условность и линейность в моделировке определяют особую плоскостность и графичность изображений, переходящую даже в орнаментальность.

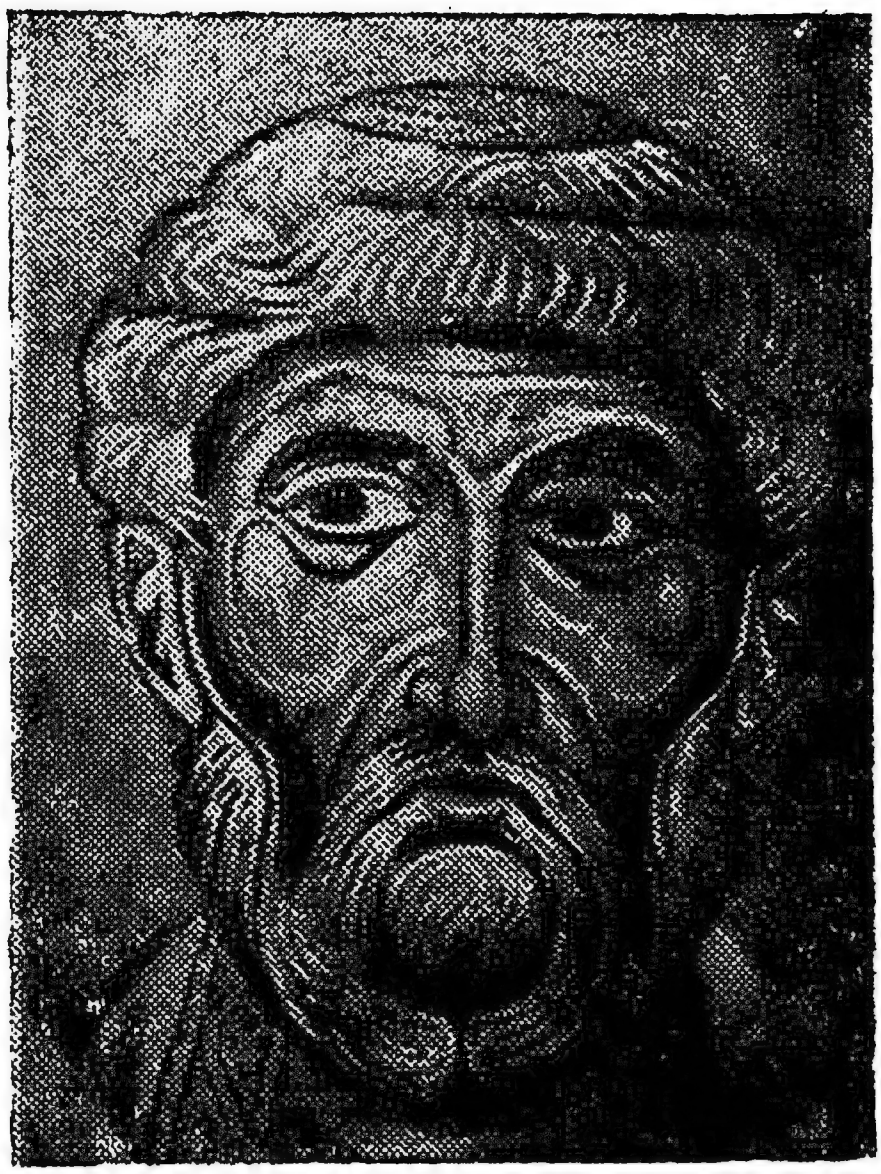


Рис. 47. Нередицкая стенопись 1199 г., голова Петра Александрийского, работы мастера византийской манеры.

Работы этого мастера представлены в Нередице небольшим количеством изображений, расположенных в барабане (апостолы: Павел, Иоанн, Лука, Иаков, Симон), в северо-восточном парусе (Иоанн) и на северной стене алтаря (оба ряда святителей, включая Иоанна Златоуста, помещенного в центре апсиды во 2-м ряду, и нижний ряд изображений, начиная с Христа на горнем месте и кончая мучениками в медальоне).

Данная стилистическая манера имела широкое распространение в русско-византийских стенописях и мозаиках XII—XIII вв.

---

[1] М. И. Артамонов, Один из стилей монументальной живописи XII - XIII вв. Сборник аспирантов ГАИМК. В. I. 1929. Ленинград.

Третий мастер отличается от прочих значительно большей живописностью, широкими мазками, массивными формами одежд и крупными лицами с огромным свисшим между ноздрями носом.

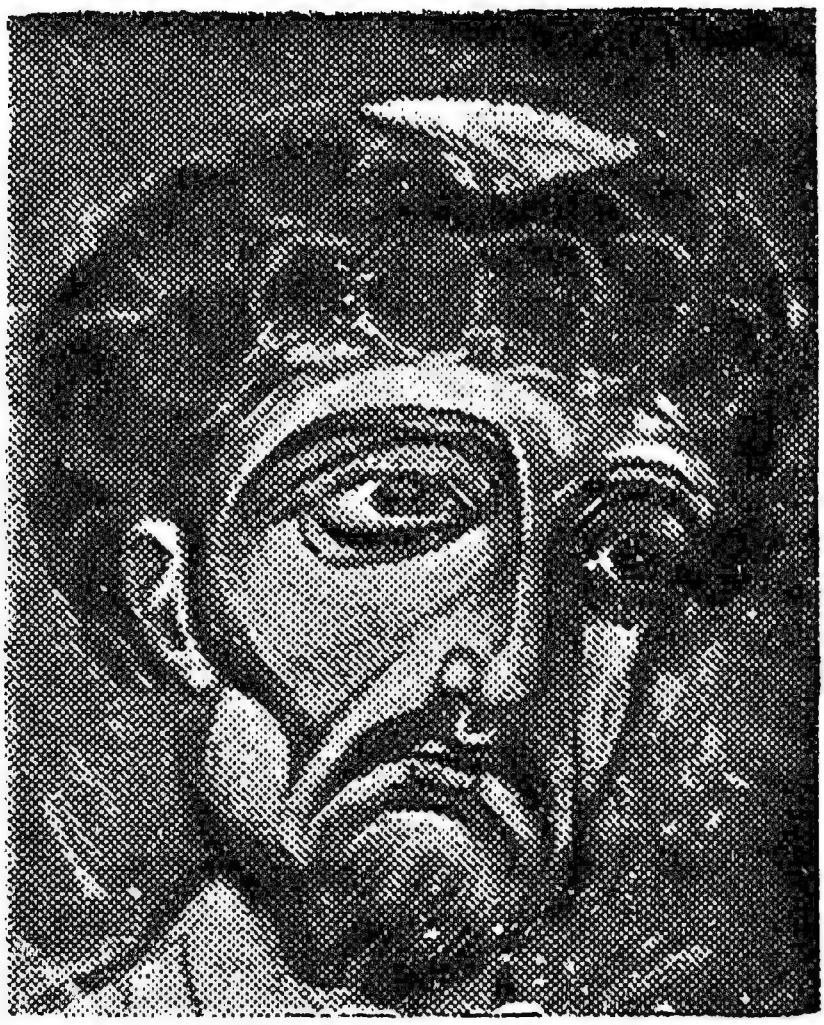


Рис. 48. Нередицкая стенопись 1199 г., голова евангелиста, письма русского мастера.

Примерами произведений этого художника являются фигуры второго яруса южной стены центральной апсиды, голова Христа на западной подпружной арке и многие изображения апостолов в барабане.

КОМПЛЕКС ЮРЬЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В ТРЕХ километрах от города на левой стороне Волхова, в бывшем Юрьевом монастыре, находится памятник XII века—**Георгиевский собор**, заложенный новгородским князем Всеволодом Мстиславичем в 1119 году.

Георгиевский собор по своему архитектурному типу в основном сходен с княжеским Николо-Дворищенским сооружением (1113—1136) и Антоньевским собором, построенным игуменом Антонием (римлянином) в 1117—1119 гг. Собор—трехглавый, как Антониев, причем одна глава находится над башней с ходом на хоры.

Отличается Георгиевский собор от этих двух памятников своей величиной. После Софии это — самый большой памятник из всех княжеских сооружений.

Рис. 49. Георгиевский собор Юрьева монастыря, 1119 г.

Георгиевский собор хорошо сохранил свои первоначальные архитектурные формы, несмотря на ремонты, которым он подвергался в первой половине XIX и начале XX в.

Памятник имеет шесть столбов внутри. Четырехчастное деление южного и северного фасадов, три высоких апсиды и четыре горизонтальных ряда двухуступчатых ниш и окон, составляющих в то же время основную декорацию фасадов. Формы древних крыш соответствовали коробовым сводам

внутри постройки, т. е., покрытие было позакомарным, а купола были сферической формы.

Современные четырехскатные крыши сделаны в XIX в.

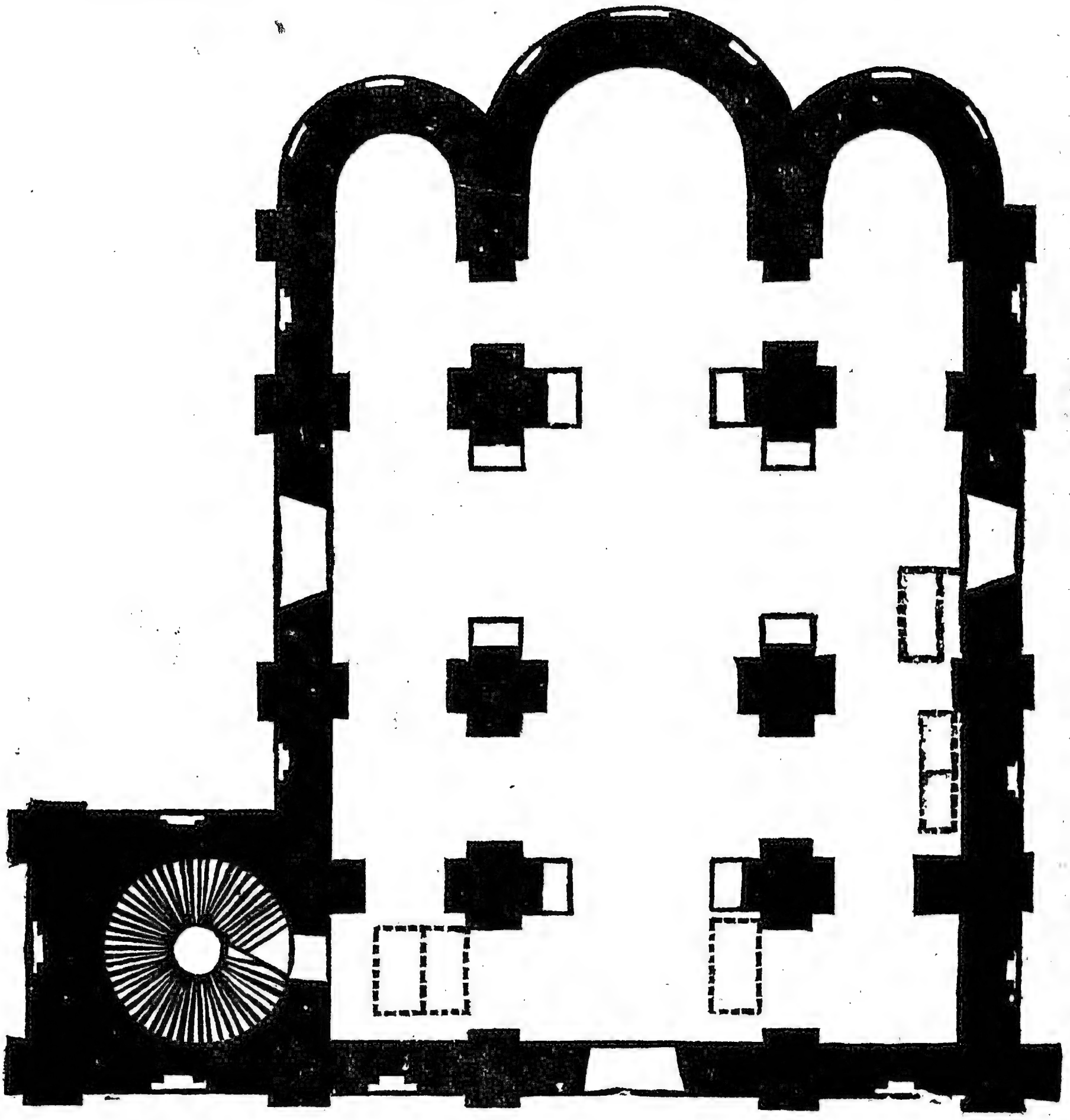


Рис. 50. План Георгиевского собора 1119 г.

Фресковая роспись XII века, украшавшая все внутренние стены, своды и арки памятника, была безжалостно уничтожена в первой половине XIX в., в эпоху деятельности в монастыре архимандрита Фотия и графини Орловой, при которых была сделана новая стенная роспись, а древняя сбита со стен. Фрагменты сбитых фресок XII века обнаружены в 1933 г. в строительном мусоре, лежавшем слоем до 75 см. между древним и новым (XIX в.) полами.

Некоторые притолоки окон Георгиевского собора (заложенные кирпичом при Фотии и Орловой) сохранили разноцветную орнаментальную роспись в виде плетенки.

В башне собора в 1935 году Реставрационной мастерской УНГМ были открыты и расчищены фрески. Сохранившаяся живопись высокого мастерства представляет исключительный интерес, как памятник искусства начала XII столетия, дающий представление о внутреннем богатом убранстве собора.

У южной стены собора непосредственно под плитами древнего пола в 1933 г. найдены каменные княжеские гробницы, в которых были похоронены в конце XII века князья Изяслав и Ростислав и в XIII веке мать и брат Александра Невского.

В юго-западном углу собора расположены два боярские погребения, где в деревянных колодах лежали кости посадника Мирошки, умершего в 1208 г., и его сына посадника Дмитра Мирошкинича, убитого в 1209 году.

Южнее находится погребение внука Дмитра, посадника Семена Борисовича, убитого во время восстания 1230 г.

Таким образом, наряду с князьями в Георгиевском соборе были похоронены представители влиятельной боярской фамилии, которая в XII и XIII вв. поддерживала тесные связи с князьями.

Позднее Юрьев монастырь был наделен многочисленными привилегиями и землями. После Софийского собора, превращенного в политический центр Новгорода Великого, Юрьев монастырь был самым крупным феодалом, имевшим большое влияние на общественную жизнь. Недаром, еще до образования архимандрии, в 1299 г. настоятели его назывались архимандритами по отношению к другим новгородским настоятелям [1].

Сильно выдвигается Юрьев монастырь в период Аракчеева. Наравне с Софийским собором он становится одним из центральных очагов церковно-самодержавной идеологии [2].

---

[1] Макарий, Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. 1860 г., стр. 416.

[2] В это время Юрьеву монастырю принадлежало 4654 крепостных крестьян, земли имелось 4416 десятин, крестьяне обязаны были помимо работы „в Юрьеве и на Юрьев“ платить 18232 четверика зерновыми культурами, золотом 1865 руб. 96 коп., маслом коровьим, рыбой, грибами, ягодами 565 пудов и плюс к этому поставляли холст и пряжу.

Архимандрит Фотий был крупным царским агентом, „вывещателем“ и „вынюхивателем“ (как он сам себя называет) при Александре I, а затем при Николае I.

В 1824 г. Фотий писал Александру I несколько писем. Вот выдержки из них:

Из письма 12 апреля „Государь. Радуйся... Пребывая в сем граде (Петербурге) полтора месяца, я вслед тайно за Г. надзирал и узнал, что он для приготовления к революции умы вызвать учит...“.

По пути в Юрьев находятся два памятника XII века. Это—**Петр и Павел на Синичьей горе**, 1185—1192 гг., и церковь **Благовещенья в Аркаже**, 1179 г. На стенах по-

Рис. 51. Стенопись Аркажской ц., 1189 г.

следней сохранились фресковые изображения, относящиеся к 1189 году.

Из письма от 7 августа. „Непременно и немедленно нужно ныне выслать из столицы некоторых навсегда; по прежнему плану поданному все выполнять нужно..., не токмо главные партизаны не раскаялись, но и всякие крамолы, замыслы, смятения и кощунство хитрейшим образом через других затевают... Представляю при сем записку, на кого нужно теперь обратить внимание"...

После царя Александра вступил на престол Николай I, который, как известно, для борьбы с революцией создал особую полицию жандармов. Начальник жандармов подчинялся только самому царю.

Фотий стал первым царским „жандармом".

Рис. 52. Смотровой колодец и водопроводные трубы XII в. (раскопки УНГМ на Ярославовом дворе в 1938 г.). В настоящее время выставлен в Новг. Историческом музее.

НОВГОРОДСКИЕ МУЗЕИ

ПОМИМО указанных выше архитектурно-живописных памятников в Кремле расположены музеи — Исторический, Русского искусства, Антирелигиозный и Естественно-исторический.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ имеет следующие экспозиционные отделы:

I отдел—доклассового общества, показывающий производство и быт первобытных рыболовов и охотников на территории Новгородского края.

II отдел—феодализма с разделами: Новгород в системе Киевского государства—„империи Рюриковичей"; Новгородская феодальная республика; Новгород в XVI—XVII вв.

III отдел—историко-революционный.

IV отдел—соц.-строительства.

МУЗЕЙ РУССКОГО ИСКУССТВА с отделами древнего (начиная с XI века), нового и советского искусства. При музее имеются богатые фонды древнерусской станковой живописи, большинство каковой относится к XV—XVI вв.

Все монументальные памятники в целях их лучшего обслуживания объединены в музей **АРХИТЕКТУРНО-ЖИВОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ.**

В Софийском соборе развернут **АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ МУЗЕЙ.**

В этом кратком справочнике описана лишь небольшая часть памятников.

Всего их в Новгороде и его окрестностях более 80-ти. Приводим их список:

А. КРЕМЛЬ

1. Софийский собор, 1045—1050 гг.
2. Никитинский корпус, XVII в., на старой основе.
3. Грановитая Палата, 1433 г.
4. Церковь Сергия Радонежского, 1459 г.
5. Евфимьевская часозвоня, 1443 г.
6. Лихудовский корпус, конца XVII в. или самого начала XVIII в.
7. Софийская звонница, XVI—XVII в.
8. Дом у звонницы, XVII в.
9. Памятник 1000-летия России, 1862 г.
10. Церковь Андрея Стратилата, XVII в.
11. Церковь Покрова, XVII в.
12. Владимирская башня, XIV—XV вв.

13. Федоровская башня, XV в.
14. Митрополичья башня, XV в.
15. Златоустовская башня, XIV—XV вв.
16. Покровская башня, XV в.
17. Башня „Кокуй" XIV—XV вв. (верхние 2 яруса, как предполагают, надстроены по распоряжению Петра I).
18. Княжая, XIV—XV вв.
19. Спасская башня XIV—XV вв.
20. Дворцовая башня XIV—XV вв.

Б. СОФИЙСКАЯ СТОРОНА

21. Церковь Симеона в б. Зверином монастыре, 1467 г.
22. Церковь Покрова, там же, 1339 г.
23. Церковь Николы Белого, 1312 г. (верхняя часть, XVI в.).
24. Церковь Петра и Павла в Кожевниках, 1406 г.
25. Церковь Троицы в б. Духовом монастыре, 1557 г.
26. Здание Кордегардии, нач. XIX в.
27. Церковь Федора Стратилата, 1292—1294 гг. (переделана в 1682 г.).
28. Остатки северного бастиона малого земляного города конца XVII в.
29. Церковь Флора и Лавра, 1379 г.
30. Церковь 12 апостолов, 1454 г.
31. Остатки южного бастиона малого земляного города, конца XVII в.
32. Церковь Власия, 1407 г.
33. Собор б. Десятиного монастыря, XIV в. (переделан в XIX в.).
34. Церковь Троицы, XIV в. (переделки XIX в.).
35. Белая башня, конца XV в. или XVI в.
36. Церковь „Уверения Фомы" на Мячине, 1195—1465 гг.
37. Церковь Иоанна Милостивого на Мячине, 1421 г.
38. Церковь Петра и Павла на Синичьей горе 1185 г.

В. ТОРГОВАЯ СТОРОНА

39. Собор Рождества б-цы в б. Антониевом монастыре 1117—1119 гг.
40. Церковь Сретения, там же, 1533—1537 гг.
41. Здание библиотеки, там же, 1740-х гг.
42. Церковь Ивана богослова на Витке, 1383 г.
43. Церковь Бориса и Глеба, 1536 г.
44. Церковь Рождества на кладбище, 1381—1382 гг.
45. Церковь Рождества богородицы на Молоткове, 1379 г.
46. Церковь Собор богородицы, там же, 1557 г.
47. Церковь Никиты, 1555—1556 гг.
48. Церковь Федора Стратилата на ручье, 1360—61 гг.
49. Церковь Дмитрия Солунского, 1383 г. (переделки 1463 г.).

50. Церковь Климента, 1520 г.
51. Церковь Ивана на Опоках, 1127 г. (переделана в 1453 г.)
52. Церковь Георгия, XVII в.
53. Церковь „Спас на Ильине", 1374 г.
54. Знаменский собор, 1682—1688 г.
55. Церковь Успения на Козьей бородке, 1135—1144 гг. (переделана позже).
56. Церковь Параскевы-Пятницы, 1207 г.
57. „Гридница", 1472 г.
58. Никольский собор 1113 г.
59. Церковь Прокопия, 1529 г.
60. Церковь Жен-Мироносиц, 1510 г.
61. Церковь Филиппа апостола, 1383—1384 г. (переделана в XVI в.).
62. Церковь Благовещения, XVI в.
63. Церковь Михаила архангела, XV в. (переделана в 1812 г.).
64. Церковь Ильи, 1198—1202 г. (верхняя часть—1455 г.).
65. Церковь Петра и Павла на Славне, 1367 г.

Г. ОКРЕСТНОСТИ

66. Бывш. Вяжищский монастырь, церкви—XVII в.
67. Владимирский собор б. Сыркова мон., 1548 г. или 1554 г.
68. Бывш. Хутынский монастырь (собор—1515 г., церковь Варлаама—1552 г.).
69. Бывш. Деревяницкий монастырь (собор—1700 г., трапезная церковь 1725 г.).
70. Церковь Успения в Колмове, 1310 г. (переделана в XVI в.).
71. Церковь Успения в Волотове, 1352 г.
72. Церковь „Спаса на Ковалеве", 1345 г.
73. Бывш. Кириллов монастырь (церковь Кирилла—1196 г., сохранилась только нижняя часть).
74. Церковь Андрея на Ситке, 1371 г.
75. Церковь „Спас-Нередица", 1198 г.
76. Церковь Благовещения на Городище, 1342—43 гг.
77. Церковь Благовещения в Аркаже, 1179 г.
78. Георгиевский собор б. Юрьева мон., 1119 г.
79. Перынский скит (древняя церковь, переделана в XIX в.)
80. Церковь Михаила в б. Сковородском мон., 1355 г.
81. Церковь „Никола на Липне", 1292 г.
82. Бывш. Клопский мон. (Троицкий собор—1562 г.).
83. Курицкая деревянная церковь—XVII в.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

НОВГОРОДСКИЙ МУЗЕЙ уже в XIX в. стал местом, объединявшим работу по собиранию памятников старины Новгородского края. Но до революции, когда этот музей не был государственным учреждением, работа носила характер любительского коллекционерства. Собирание „новгородских древностей" началось вскоре после открытия памятника тысячелетия России.

Губернским Статистическим комитетом в 1863 г. было поручено его секретарю Н. Г. Богословскому при объезде губернии собирать предметы старины. Таких материалов через несколько месяцев было собрано большое количество, и вследствие этого явилась возможность открыть и самый музей (1863 г.). В 1867 г. музей был принят на попечение губернского земства, с ассигнованием на его содержание 500 рублей в год; но вскоре, в 1872 г., земство отказалось от дальнейшего содержания музея, в результате чего ценнейшие памятники оказались выкинутыми в сарай. В 1879 г. из Новгорода были вывезены лучшие ценности в количестве 2026 предметов в Церковно-археологический музей при б. СПБ духовной академии.

Затем, благодаря неоднократным просьбам любителей древностей, под музей была приспособлена Златоустовская башня Кремля (здесь же была открыта и библиотека). Открытие состоялось 28 января 1887 г. Так как помещение это не удовлетворяло своему назначению (сырое и грозило разрушением), за 1889—1893 гг. было пристроено к Златоустовской башне специальное здание.

Естественно, что музей того времени не был в состоянии удержать от расхищения и вывоза в другие города и местности материалов, имевших отношение к новгородской истории.

Архивы Новгорода гибли от пожаров и других стихийных бедствий, но больше всего, повидимому, от невежества, так как продавались даже „на вес". —„Новгородские рукописи вывозились целыми обозами и барками в течение прошлого и нынешнего века",—пишет автор книги „Прогулка по Новгороду и его окрестностям".[1] —„Куда они девались?"—продолжает он,—„неизвестно: их везде много, по всем казенным и частным библиотекам, исключая только Новгорода.

[1] Новгород, 1862, стр. 39.

А сколько их погибло в пути от невежественных рук, потому, что они сдавались подрядчикам не по описям, а с весу. Нечего удивляться после этого, что история наша представляет много белых, неисписанных страниц, пред вашими глазами вдруг возникают, громоздятся события, являются неведомо откуда деятели, исчезают потом сами собою, точно картинки в волшебном фонаре". — „Время, пожары, — пишет в другом месте тот же автор, — а всего более невежество истребили архивы наших монастырей и церквей".

Архивы воеводский, наместнический и губернский, по свидетельству В. П. Ласковского[1], сгорели в начале XIX столетия (он же говорит об исчезновении из ризницы Софийского собора большого количества „новгородок" — мелкой серебряной монеты времени самостоятельности Новгорода).

В прибавлении к XXVII выпуску Известий Археологической комиссии[2] приводится сообщение В. П. Ласковского о том, что „архив Новгорода за XVII и XVIII века продается на Апраксином рынке в СПБ на вес".

Вот картина, вскрывающая отношение к ценнейшим памятникам.

В наше же время Новгородские Государственные музеи, окруженные заботой партии и правительства, обеспеченные необходимым штатом научных сотрудников, ведут большую охранную, научно-исследовательскую и просветительную работу.

В последние годы произведены большие реставрационные работы почти по всем АРХИТЕКТУРНЫМ памятникам.

В 1934—1940 гг. обнаружено и раскрыто более 100 изображений МОНУМЕНТАЛЬНОЙ живописи высокого древнего мастерства (XII—XIV вв.).

Реставрационные мастерские У. Н. Г. М. систематически ведут работу и по освобождению древней СТАНКОВОЙ живописи от позднейших наслоений.

Начиная с 1936 года УНГМ ведет комплексное археологическое исследование Новгорода большими площадями. В южной половине Кремля раскапывается ее восточная часть, площадью в несколько тысяч кв. метров. Работы рассчитаны на несколько лет и ведутся послойно. В раскопочный сезон снимается отдельный археологический слой. Нижележащие слои консервируются на зиму и остаются до продолжения раскопок в следующие сезоны. Такой метод археологического исследования древнерусских городов применен впервые в Новгороде и затем в Старой Ладоге.

Новгородская почва прекрасно сохраняет дерево. в связи

---

[1] Путеводитель по Новгороду, 1910 г., стр. 116.
[2] СПБ, 1908, стр. 7.

с чем раскопками раскрываются целые строительные комплексы, с деревянными мостовыми и примыкавшими к ним ремесленными, хозяйственными и жилыми постройками.

Огромный вещевой материал извлеченный раскопками, дает возможность более широко изучить культуру и быт древних новгородцев.

В 1938 году на Ярославовом Дворе нашими раскопками найдены смотровой колодец и деревянная труба первого русского самотечного водопровода начала XII века.

Произведена реэкспозиция всего Исторического музея, проводимая на основе указаний тт. **Сталина, Жданова и Кирова** по истории СССР. Устроены областные показательные отделы—историко-революционный, соцстроительства и естественно-исторический.

В декабре 1938 г. Президиум Академии Наук СССР организовал в Новгороде на базе музеев Секцию Института истории Академии.

Интерес трудящихся к Новгороду, как к „открытой кафедре истории“ неизмеримо возрос.

В 1940 г. новгородские музеи пропустили через свои отделы 100000 экскурсантов и туристов.

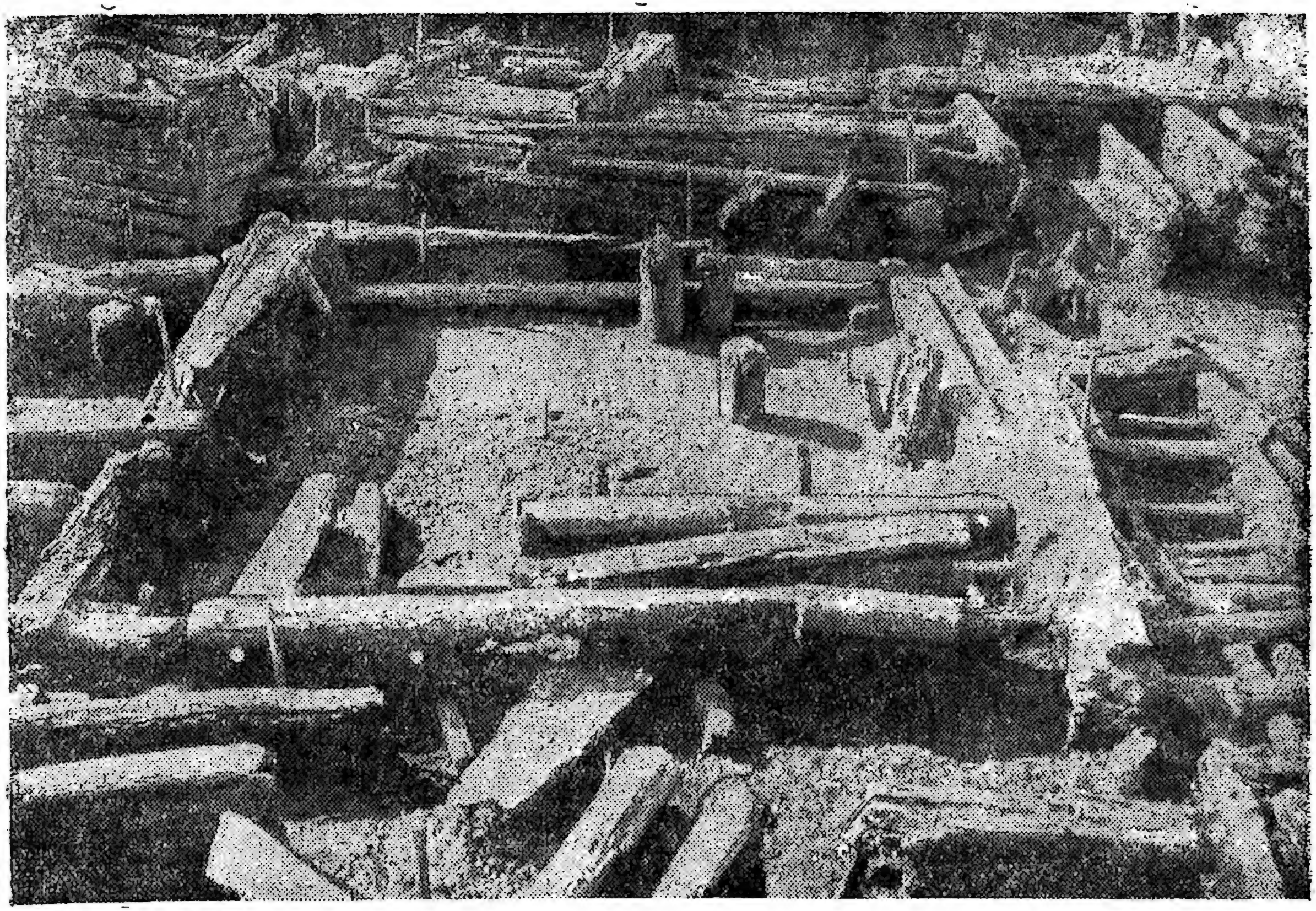


Рис. 53. Остатки деревянного сруба XVI в. (Раскопки УНГМ в южной части Кремля, в 1939 г.)

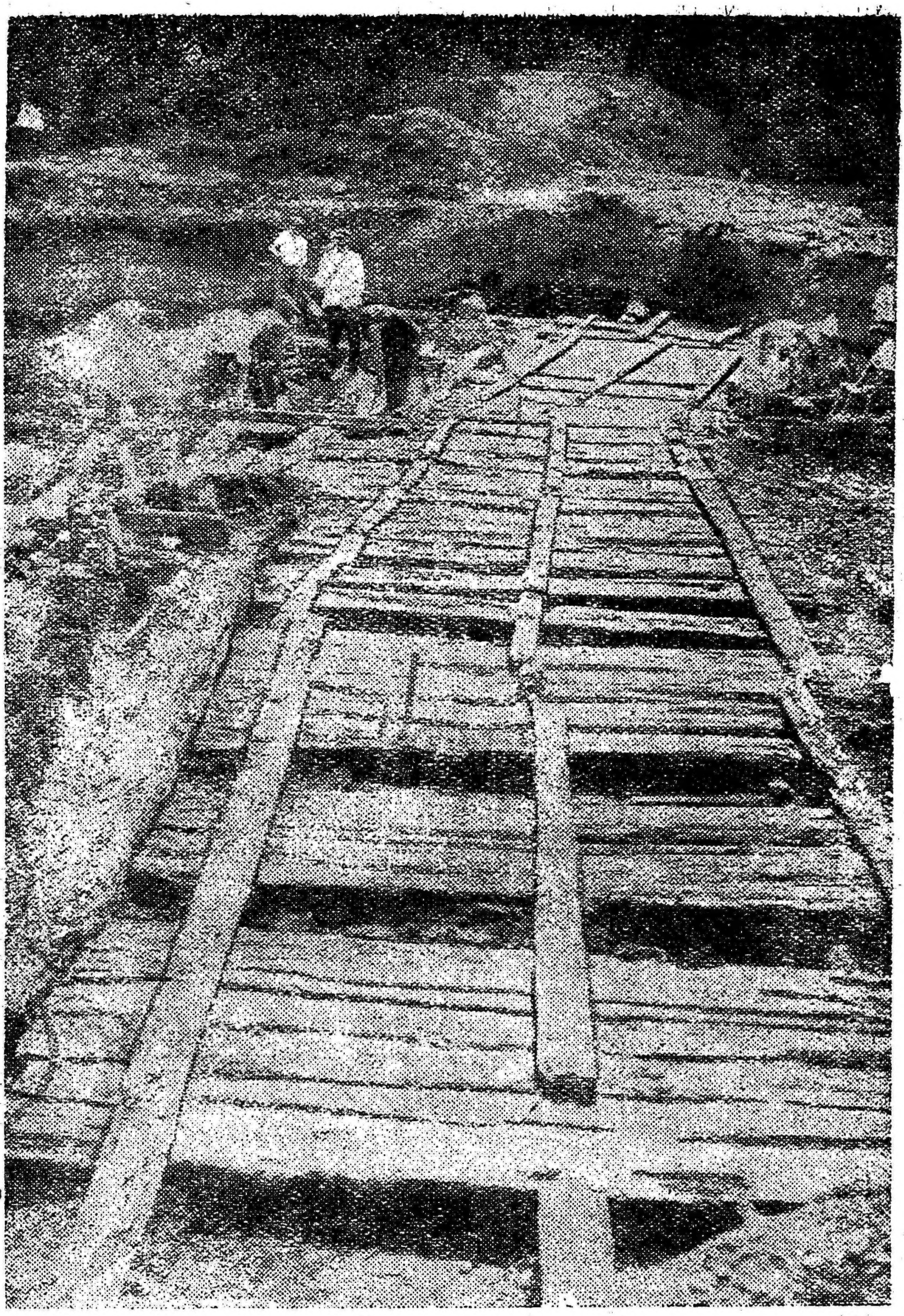


Рис. 54. Настил деревянной мостовой XVII в. (Раскопки УНГМ в южной части Кремля в 1939 г.)

EB_1941_AKS_400

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Исторический очерк 7

Кремлевский комплекс памятников 43

Кремль (стр. 43). Софийский собор 1045—1050 гг. (стр. 44). Софийская звонница XVI в. (стр. 55) Грановитая Палата 1433 г. (стр. 56). Евфимьевская часозвоня 1443 г. (стр. 59). Лихудовский корпус XVII в. (стр. 61). Памятник тысячелетия 1862 г. (стр. 61).

Ярославово Дворище 67

Вечевая башня—Гридница 1472 г. (стр. 73). Николо-Дворищенский собор 1113 г. (стр. 74). Ц. Прокопия 1529 г. (стр. 75). Ц. Жен Мироносиц 1510 г. (стр. 76). Ц. Параскевы-Пятницы 1207 г. (стр. 76). Ц. Ивана на Опоках 1127 г. (стр. 76).

Памятники XII—XVII веков на Торговой стороне Новгорода и в окрестностях 79

Ц. Спас на Ильине 1374 г. (стр. 79). Знаменский собор 1688 г. (стр. 83). Ц. Федора Стратилата 1360 г. (стр. 84). Ц. Рождество на кладбище 1381 г. (стр. 84). Волотово (стр. 84). Ковалево (стр. 86). Антоново (стр. 91).

Рюриково Городище 95

Городище (стр. 95). Нередица (стр. 95).

Комплекс Юрьевских памятников 103

Георгиевский собор 1119 г. (стр. 103). Аркажа 1189 г. (стр. 106). Петр и Павел на Синичьей горе XII в. (стр. 106).

Новгородские Музеи 109

Список новгородских памятников старины (стр. 109).

Заключение 112